

53 #2 2025

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 53 #2 2025

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *Secular State in Theological and Legal Comprehension*
- ♦ *Public Administration in Binary Numeration*
- ♦ *Media and Court: New Dimensions of Old Problems*
- ♦ *Prospects of Supranational Arbitration in the Space of the Eurasian Patent Organization*
- ♦ *Trademarks and Public Domain*
- ♦ *What Can be Entrusted to a Judicial Robot?*
- ♦ *Machine Learning: Everything Around is Mine!*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2025

Том 53 #2 2025

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Светское государство
в теолого-правовом осмыслении*
- ♦ *Публичное управление в двоичном
счислении*
- ♦ *Медиа и суд: новые измерения
старых проблем*
- ♦ *Перспективы наднационального
арбитража на пространстве
Евразийской патентной организации*
- ♦ *Товарные знаки и общественное достояние*
- ♦ *Что можно доверить судебному роботу?*
- ♦ *Машинное обучение: всё вокруг моё!*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2025

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS “ConsultantPlus” was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue “Russian Press” 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnikitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2025

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 53 #2 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v53

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
FICSOR MIHALY (Hungarian Copyright Experts Body, Hungary)
GADZHIYEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASSOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAIY SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел.: +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

Напечатано с готового оригинал-макета. Отпечатано ООО «Компания Полиграфмастер», 125130, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 28

Подписано к печати 30.06.2025
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 17,75.
Тираж 150 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 53 #2 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v53

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ

№ 018878 от 28. 05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

ФИЧОР М. (Венгерский совет экспертов по авторскому праву, Венгрия)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

KRASNOV M.A., SAFOKLOV Yu.I. A Secular State and Human Rights: the view of a Confessional Constitutionalist	8
ZAKHAROV I.V., REZHETSKAIA A.I. Digitalization of Public Administration: Legal Foundations of Establishment and Development.	27
BELYAKOVA A.V. The Modern Paradigm of Justice in the Context of the "Media" Society.	39
BUDNIK A.R. Prosody in the Legal Protection of the Human Voice	49

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

AFANASYEVA O.V., SEREGIN G.E., STARSHAYA Ya.V. Naming of Sports Events and Teams in the Context of the Legal Restrictions on Advertising Risky Games.	67
BRONYAKINA E.O. Consideration of Economic Disputes of Business Entities in the Field of Intellectual Property in the Eurasian Region: to the Question of the Formation of the Concept of "Suprenational Arbitrability"	78
BORISENKO D.Y. Marketplace Liability for Intellectual Property Rights Violations in Russia and Abroad	90
ZALEVSKII S.A. The Deficiency of a Trademark Registration Decision when it Resembles a Work in the Public Domain	104

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

LEBEDEVA D.A. Features of the Legal Regime of Intellectual Property of Objects Created by Artificial Intelligence in Medicine	111
CHUDESENKO A.V. The Use of Artificial Intelligence Technology in the Judicial Process: a Comparative Legal Analysis of the Problems of Legal Regulation in the Context of Ensuring Information Security of the Russian Federation	120
SAMARTSEVA M.V. Use of Copyrighted Works in Machine Learning for Generative Artificial Intelligence	127

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	141
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

КРАСНОВ М.А., САФОКЛОВ Ю.И. Светское государство и права человека: взгляд конфессионального конституционалиста	8
ЗАХАРОВ И.В., РЕЖЕЦКАЯ А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития	27
БЕЛЯКОВА А.В. Современная парадигма правосудия в условиях «медийности» общества	39
БУДНИК А.Р. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина	49

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

АФАНАСЬЕВА О.В., СЕРЕГИН Г.Е., СТАРШАЯ Я.В. Нейминг спортивных событий и команд в контексте законодательных ограничений на рекламу игр, основанных на риске и пари	57
БРОНЯКИНА Е.О. Рассмотрение экономических споров хозяйствующих субъектов в области интеллектуальной собственности в евразийском регионе: к вопросу о становлении понятия «наднациональная арбитрабельность»	78
БОРИСЕНКО Д.Ю. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом	90
ЗАЛЕВСКИЙ С.А. Порочность товарного знака, сходного с производением, которое имеет режим общественного достояния	104

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ЛЕБЕДЕВА Д.А. Особенности правового режима интеллектуальной собственности объектов, созданных искусственным интеллектом в медицине	111
ЧУДЕСЕНКО А.В. Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ	120
САМАРЦЕВА М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта	127

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	139
---	-----

Научная статья

УДК: 342.731

DOI: 10.17323/tis.2025.27356

Original article

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЗГЛЯД КОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИСТА A SECULAR STATE AND HUMAN RIGHTS: THE VIEW OF A CONFESSIONAL CONSTITUTIONALIST

Михаил Александрович КРАСНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Юрий Игоревич САФОКЛОВ

Хагенский заочный университет, Хаген, ФРГ,
jurisafoklov@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-5679-1418
Scopus ID: 59242812300

Информация об авторах

М.А. Краснов — профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ ВШЭ, ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор

Ю.И. Сафоклов — старший научный сотрудник кафедры немецкого и европейского конституционного и административного права, а также международного права Хагенского заочного университета (Хаген, ФРГ), доктор юриспруденции

Аннотация. Вопреки общепринятой в юридической литературе религиозно нейтральной подаче материала, авторы сознательно подходят к проблематике светского государства с конфессиональной, а именно православной точки зрения. Такая позиция проявляется себя в методологии анализа, подборе источников, оценке тех или

- иных явлений и выводах. С этой точки зрения в статье рассматриваются причины появления идеи светской государственности, а также факторы, способствовавшие этому. Основной причиной, по мнению авторов, стал резкий взлет уровня секуляризации массового сознания, что позволило светским властям освободиться от ставшего для них обременительным давления со стороны традиционно доминирующей церкви (проблема рассматривается на примере христианских конфессий в евро-атлантической цивилизации). Авторы подвергают критике тесную связь церкви и государства (власти) и объясняют причины негативного отношения к доктринам, направленным на обоснование такой связи. Разрыву светских властей с религиозной институцией способствовали также конституционализация, то есть изменение принципов построения системы государственной власти, и гуманитаризация — включение в правовую ткань идей ценности индивида, равенства человеческого достоинства, проявляющего себя через естественные права и свободы личности.
- В статье обрисованы негативные следствия секулярного понимания прав и свобод человека, в том числе свободы совести. По мнению авторов, нынешняя модель взаимоотношений между государством и религиозными организациями основана именно на секулярном подходе к пониманию мира. Это, во-первых, постепенно размывает основы права, во-вторых, нарушает принцип правового равенства, поскольку религиозное мировоззрение вытеснено в своеобразное «гетто». Исходя из этой критики, в заключительной части статьи авторы

предлагают изменить схему отношения государства к религии и религиозным организациям.

Ключевые слова: светское государство, религия, религиозная организация, церковь, свобода совести

Для цитирования: Краснов М.А., Сафоклов Ю.И.

Светское государство и права человека: взгляд конфессионального конституционалиста // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 8–26; DOI: 10.17323/tis.2025.27356

Mikhail A. KRASNOV

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Yury I. SAFOKLOV

FernUniversität in Hagen, Germany,
jurisafoklov@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-5679-1418
Scopus ID: 59242812300

Information about the authors

M.A. Krasnov — Professor at the Higher School of Law and Administration of the Higher School of Economics, an Ordinary Professor at the Higher School of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor

Yu.I. Safoklov — Senior Research Fellow at the Chair for German and European Constitutional and Administrative Law and International Law at the FernUniversität in Hagen, Germany, Dr. Iur.

Abstract. Opposite to the religiously neutral analysis of the material generally presented in the legal literature, the authors approach the problems of the secular state from a confessional, namely Orthodox, point of view. This position manifests itself in the methodology, the selection of sources, the assessment of certain phenomena and conclusions. From this perspective, the article examines the reasons for the emergence of the idea of the secular state as well as the factors that contributed to this. In authors' opinion, the main reason was the rapid growth of secularization of common consciousness, which allowed the state authorities to free themselves from the burdensome pressure of the traditionally dominant church (the problem is considered using the example of Christian denominations in the Euro-Atlantic civilization). The authors criticize the close connection between the church and the state (government) and explain

- their critical stance against the doctrines which support this connection. The separation of state authorities from religious institutions was also facilitated by constitutionalization, i.e.
- the change of the founding principles of state power system, and humanitarization — the incorporation into the legal theory of ideas of the person's value, equality of human dignity, which manifest themselves in the natural rights and individual freedoms. The article outlines the negative consequences of the secular human rights and freedoms understanding, including the freedom of conscience. According to the authors, the current model of relations between the state and religious organizations, in fact, emerges from the secular understanding of the world. And this, firstly, gradually erodes the foundations of law, and secondly, violates the principle of legal equality, as the religious worldview is being displaced into a kind of a "ghetto". Based on this, critics a proposal for an change in relations between the state and religion and religious organizations is presented in the final part of the article.

Keywords: secular state, religion, religious organization, church, freedom of conscience

For citation: Krasnov M.A., Safoklov Yu.I. A secular state and human rights: the view of a confessional constitutionalist // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53 (2). P. 8–26; DOI: 10.17323/tis.2025.27356

ВВЕДЕНИЕ

После Второй мировой войны во многих конституциях стали закрепляться *самохарактеристики* государств — «демократическое», «правовое», «светское» и т.д. Впервые этот прием конституционной техники появился в Основном законе ФРГ 1949 г., где в ст. 20 провозглашается: «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» (правда, еще в Конституции Австрии 1920 г. государство названо «демократической республикой»).

Понятно, что с помощью такого приема разработчики стремятся официально закрепить принципиальные отличия нового государственного строя от предыдущего. Однако в силу своей широты подобные характеристики в огромной мере *подвержены спекуляциям*¹: в реальной юридической и политической практике (особенно в обществах, где не укоренены ценности конституционализма) они могут трактоваться и использоваться таким образом, что их смысл окажется едва ли не противоположным заложенному.

Негативная оценка такого приема относится и к характеристике «светское государство». Может быть, даже в еще большей степени, поскольку не везде ее применение исторически обосновано. Например, одно дело — Турция и Франция, в истории которых были периоды, когда религиозный фактор играл существенную и самостоятельную роль в государственной политике, другое дело — Россия, где церковь² если и участвовала в политических процессах, то исключительно в рамках, установленных государственной властью, а в советский период вообще была гонима.

Что же в таком случае подвигло разработчиков проекта Конституции РФ 1993 г. включить такую характеристику? Стоит поблагодарить М.А. Митюкова,

который в двух журнальных статьях [1, 2] описал ход дискуссии по этому вопросу на Конституционном совещании 1993 г. (полностью она зафиксирована в стенограмме Совещания [3]). Мы выделим только наиболее яркие моменты.

Среди аргументов **за исключение** слова «светское» звучали, в частности, такие: его можно истолковать таким образом, будто государство «какой-то атеистической пропагандой занимается или там чем-то вроде этого» [1, с. 70]; «утверждение, что государство является “светским”, актуально для общества с сильными религиозными тенденциями и движениями. В России такие тенденции не были и не стали значительными» [1, с. 71]; «понятие “демократическое правовое” в характеристике государства уже делает ненужным понятие “светское”»³ [1, с. 71]; «когда государство светское, то это означает сразу много дополнительных вещей. В частности, это может быть истолковано как отделение церкви от школы, от образования, от воспитания» [1, с. 72].

Однако гораздо более многочисленной оказалась группа участников Совещания, выступавших **за закрепление** понятия «светское государство». Аргументы были весьма разные. Так, один из участников предложил включить абзац: «Никакие партии и религии (курсив во всех цитатах наш. — М.К., Ю.С.) не могут претендовать на монопольное управление государством» [1, с. 69]. Как будто в России какая-то религиозная организация претендовала на такое. Многие в качестве довода выдвигали необходимость обеспечить *равноправие* религиозных организаций. Причем одни выступали за это, опасаясь привилегированного положения Православной церкви [1, с. 72], других беспокоило, что какие-то регионы провозгласят себя «либо мусульманской, либо буддийской республикой» [1, с. 73]. Фигурировал и такой аргумент, как защита «чувств атеистов, неверующих, о которых в последнее время что-то перестали у нас думать» [1, с. 72]. А один из участников вообще пред-

¹ Исключениями являются, пожалуй, только характеристики «федеративное государство» и «республиканская форма правления». Разумеется, и их практическое воплощение может отдаляться от теоретического понимания, но все же они имеют более или менее определенные признаки.

² Слово «**церковь**» мы пишем со строчной (маленькой) буквы, когда имеем в виду религиозную организацию (неважно, какую конкретно), и с прописной (большой) — когда речь идет о мистическом теле Христовом, **Церкви** как экклесии.

³ В проекте Президента РФ, представленном Конституционному совещанию, ст. 1 звучала так: «Российская Федерация — Россия есть демократическое правовое светское федеративное государство <...>».

ложил записать в Конституции, что Россия — атеистическое государство [1, с. 73].

Даже по этим высказываниям можно видеть, что участники Конституционного совещания смутно представляли себе смысл светского государства и обосновывали свою позицию, как правило, исходя из того, что волновало каждого в данный момент. Не приходится удивляться окончательной формулировке ч. 1 ст. 14 Конституции РФ. Напомним ее: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Таким образом, суть светского государства сводится к отсутствию государственной или обязательной религии. По нашему убеждению, это неверно. Обязательная религия свойственна теократическому государству (см., например, [4, с. 26]), но таких крайне мало в современном мире. А государственная религия установлена во многих европейских государствах (Исландии, Дании, Великобритании и других), которые, тем не менее, являются вполне светскими. Так что же такое «светское»?

Считается, что впервые термин «светскость» — *laïcité*, происходящий от греческого слова *laos* («народ, население»), — был употреблен в XIX в. во Франции [5, с. 9]; как уточнил И.В. Понкин, «в газете “Родина” (La Patrie) в связи с полемикой о религиозном образовании в государственных школах. В уже с 1873 г., пишет Жаклин Коста-Ласку, словари вводят в свои колонки вначале прилагательное “светское”, а затем имя существительное “светскость”» [4, с. 20–21].

В это же время в Великобритании начало формироваться движение секуляризма. Его родоначальник Дж.Я. Холиоук в своем программном труде «Принципы секуляризма» провозглашал его главной целью служение человечеству путем поиска истины, необходимым условием которого являются свободомыслие и устранение всякой цензуры (см. [6, р. 9]). Впоследствии понятие «секуляризм» было расширено и стало включать в себя требования отказа от конфессиональной аргументации в общественном дискурсе, устранения религиозных символов из публичного пространства и прекращения финансирования церковных проектов.

С возникновением термина сразу же появляются его дефиниции, которые показывают, насколько по-разному люди воспринимают понятие «светское государство». Как заметил канадский профессор Ч. Тейлор, «слово может быть одним и тем же, однако реальность, раскрываемая данным словом, зачастую может очень сильно различаться. Это очевидно в случае слова “светское”» [7, с. 219]. Модели светского государства в разных странах действительно сильно раз-

нятся. Но постепенно различия стираются, и понимание светского государства в странах христианской культуры все чаще сводится либо к вытеснению из публичного пространства любого напоминания о религиозности (Франция), либо к упразднению существовавших ранее институциональных связей между государственными и церковными органами (ФРГ).

Казалось бы, в наше время — время международных, социальных, климатических и прочих катаклизмов — проблема светского государства должна волновать гораздо меньше других конституционно-правовых проблем. Канули в Лету и религиозные войны, и претензии властителей на собственную богоизбранность, и стремление церковных иерархов подчинить себе обладателей государственной власти. Тем не менее актуальность этой проблемы, как ни странно, только возрастает. В настоящей статье мы, будучи не только конституционалистами, но и православными христианами, попытаемся обосновать это и представить свое видение отношений государства с религиозными организациями.

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА — ОТВЕТ НА ЕЕ ЕДИНЕНИЕ С НИМ

Понятие «светское государство» часто раскрывается посредством формулы «*церковь отделена от государства*». В абстракции это звучит странно, как странно звучало бы, например, «спорт/театр/кинематограф/и т.д. отделен от государства». Причем формула «отделена от» не просто «вытаскивает» церковь и религию в сферу частного, но и имеет негативную окраску: феномен не только неинтересен, но и не нужен. К сожалению, многие именно так и воспринимают слова об отделении церкви от государства, забывая или просто не зная, что «*отделение*» есть исторический ответ на «*соединение*».

Многие тысячелетия картина мира⁴ у людей преломлялась через веру в нечто трансцендентное. Согласно М. Элиаде, религиозное сознание не стало плодом исторического развития человека, но является константой его внутреннего устройства: «“священное” входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории» [8, с. 5]. Атеизм (хотя этого термина в древности не знали) считался явным отклонением не только от культурно-нравственной нормы (см., например, [9, с. 341–342]), но и от психической: «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”» (Пс. 13:1). Общая вера скрепляла народ и, соответ-

⁴ Хотя в философии понятия «картина мира» и «мировоззрение» несколько различаются, в статье они используются как синонимы.

ственно, государство, а иногда служила основой для образования нового государства (яркий пример — Древний Израиль). Так что включение «религиозного фактора» в государственную жизнь с самого начала было естественным образом институализировано.

По инерции такое отношение власти к религии и религиозным организациям сохранилось и с наступлением христианской эпохи. После признания «дозволенной религией» (*religio licita*) в Миланском эдикте 313 г. христианство уже в 380–381 гг. было возведено в ранг государственного вероисповедания (см. [10, с. 14–16]). Впоследствии тесной связи государства и церкви было придано богословское обоснование: в VI в. в Византии появляется концепция «**симфонии властей**», а в XI в. в Риме — теория «**двух мечей**» (о второй не будем здесь говорить, поскольку ее цель — не столько оправдание совместной работы церкви и государства, сколько верховенство Папского престола над светской властью).

Император Юстиниан — автор идеи «симфонии властей» — исходил из того, что священство и царство — «величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией», и потому «первое (священство, церковная власть) *заботится о божественных делах*, а второе (царство, государственная власть) *руководит и заботится о человеческих делах*, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни» (цит. по [11, III.4]).

Вроде бы логично: каждый институт занимается тем, к чему предназначен. Кто-то может даже сказать, что это своего рода первый опыт идеи разделения властей. И будет неправ. Принцип разделения властей, «открытый» через 1100 лет, нацелен на *ограничение государственной власти*, а вот «симфония властей», сформулированная византийским императором, не ставит и не могла ставить целью ограничить власть монарха, но обязывает церковь к роли *апологета абсолютной власти и ее обладателя* (что, собственно, показала последующая практика). Самодержца Юстиниана вполне можно назвать «Боденом до Бодена»: идея о существовании нескольких источников власти была для него — суверена — не только неприемлема, но и попросту невозможна: если Бог един, то и «власть от Бога» [ср. (Рим. 13:1)] может быть только одна. Таким образом, по Юстиниану, государство и церковь представляют собой *единый институт* с разветвленной структурой, созданный по образу соединения Божественного и человеческого начал во Христе и имеющий своей целью установление «*благой гармонии*» как совокупности предпосылок для достижения Небесного Царства (см. [12, с. 27]).

Впрочем, в православном богословии существует устоявшееся мнение о том, что неправильно столь

прямолинейно трактовать эту концепцию (некоторые богословы избегают поэтому использовать термин «симфония властей» и обращаются к более точному переводу — «**благая симфония**» (см. [12, с. 3–4]). Протопресвитер Иоанн Мейендорф считал, что ««симфония» — это не гармония между двумя властями или двумя различными сообществами, Церковью и государством; скорее имеется в виду *внутренняя сплоченность одного единственного человеческого общества*» [12, с. 4]. Ю.И. Бежанидзе, поясняя это утверждение, пишет, что «современное понятие государства возникло много позже того, как был сформулирован концепт “политической симфонии”. Средневековое государство — это христианская полития, христианская *res public*, христианское общество. Тем не менее “политическую симфонию” Средних веков можно изучать в парадигме церковно-государственных отношений, если помнить о том, что в древней христианской традиции *христианская полития отождествлялась с внешней, земной Церковью, а Екклесия — с Церковью внутренней, небесной, которую называли еще душой политии*. Дела Церкви земной называли человеческими, а дела небесной Церкви (сакраментальное приобщение человека Богу) — божественными» [12, с. 3–4]. Протоиерей Георгий Флоровский со всей ясностью указывал на недопустимость «возрождения византийского церковно-государственного эксперимента» [13, р. 98].

Представляется возможным сделать следующий вывод: концепция «симфонии властей» игнорирует главное различие между государством и Церковью — **фундаментально разную природу власти силы⁵ и власти духа**. Духовная власть, по словам В.С. Соловьева, это орудие, необходимое «*для водворения правды Божией на земле*, а истинный авторитет и права духовной власти прямо зависят от верного ее служения правде Божией» [15, с. 91]. Церковь — **не от мира сего** и потому, писал протопресвитер Александр Шмеман, «*не ищет в этом мире никакой власти и не имеет никаких “земных” интересов*, за которые ей подобало бы бороться. Ей принадлежит весь мир, всякое творение, ибо они принадлежат Христу, Господу всей твари, и составляют, таким образом, объект ее миссии» [16, с. 49].

Не менее важно и то, что государство и Церковь имеют **принципиально разные цели**. У первого главная цель — *обеспечение земных благ* (национальной

⁵ Не можем здесь не напомнить лапидарное, но очень точное, ставшее классическим определение Макса Вебера: «Государством будет называться непрерывно действующее политическое учреждение, управляющий штаб которого успешно реализует монополию легитимного физического принуждения ради утверждения его порядков» [14, с. 110].

безопасности, общественного порядка, материального благоденствия граждан и т.д.), у второй — помощь в спасении человеческих душ для вечной жизни. Вряд ли нужно доказывать, что эти цели способны входить в противоречие друг с другом, хотя бы уже потому, что «земные блага» могут определяться государственной властью, исходя из ложно понятых интересов и мотивов, противоречащих сотериологическому учению Церкви. Могут сказать, что и в самом человеке потребности тела способны входить в противоречие со спасением души. Верно. Христианам хорошо знакомы слова апостола Павла «не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7:15). Но в борьбе с греховными желаниями проходит вся жизнь верующего человека. Переносить же такой *modus vivendi* на отношения государства и церкви — значит не понимать различий между индивидом и институтом. С развитием идей гуманизма и секуляризма тезис о том, что «православная полития и экклесия, пребывая в неразрывном единстве, соотносились между собой как тело и душа в человеке» [12, с. 4], утратил свою силу. Государство и церковь были осмыслены — на христианском Западе раньше, на Востоке позже — как самостоятельные институты, обладающие онтологической, аксиологической и телеологической автономией. Что же касается отдельно взятых верующих, то они уже с самого момента появления христианства отказывались от территориально-государственных аффилиаций в пользу абсолютного отождествления себя с полнотой Церкви: «<...> живут на родине, но как иноземцы; участвуют во всем, как граждане, и все терпят, как пришельцы. <...> Короче говоря, что в теле душа, то в мире христиане [17, с. 124].

В истории Древнего Израиля есть ярчайший пример того, как из-за «государственного интереса» царю удалось отвлечь народ от веры в единого Бога. После смерти царя Соломона, построившего в Иерусалиме Храм, государство разделилось на два царства — *Иудею и Израиль*. И тогда ставший царем Израиля Иеровоам ради сохранения своей власти совершил фактически религиозный переворот. Вот что написано в Библии: «И говорил Иеровоам в сердце своем: царство может опять перейти к дому Давидову; если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому, и убьют они меня и возвратятся к Ровоаму, царю Иудейскому. И посоветовавшись царь сделал двух золотых тельцов и сказал [народу]: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской. И поставил одного в Вефиле, а другого в Дане. И повело это ко греху, ибо народ стал ходить к одному из них,

даже в Дан, [и оставили храм Господень]» (3 Царств 12:26–30).

Стоит напомнить также, что Спаситель отделял обязанности человека перед государством от служения Богу и ближнему. Дело тут не только в следовании словам Христа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21, см. также: Мк. 12:17, Лк. 20:25), но и в том, что Он говорит лишь о любви к Богу и к ближнему как о двух наивысших заповедях (см.: Мф. 22:37–40; Мк. 12:29–31). О любви к государству Господь вообще не упоминает. Прекрасно эту мысль выразил отец Александр Шмеман: «Весь смысл конфликта Христа с теми, кто распял Его, сводился к одному. Он, Христос, человека поставил выше всего, сделал его, и только его, предметом любви, предметом как бы абсолютного внимания. А враги Христа от религии хотели порядка, спасения Родины, самодовольства — чего угодно, и ради всего этого требовали слепого подчинения безличным законам. Обо всем этом Христос не сказал ни слова. Как не сказал Он ни слова о государстве, обществе, истории, культуре — обо всем том, что извечно составляет предмет всех идеологий» [18].

Христос предупреждает: «**Никто не может служить двум господам:** ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф. 6:24, ср.: Лк. 16:13). Да, после этих слов Он добавляет: «Не можете служить Богу и мамоне», то есть любить в равной мере Бога и материальное благополучие. Но об этом сказано лишь как о частном случае общего принципа — недопустимости служения Богу и чему-то (кому-то) еще. Святой Феофан Затворник именно так — в широком смысле — трактовал эту заповедь: «Раздвоенная мысль и раздвоенное сердце делают человека ни к чему негодим. <...> Он или ничего не делает, или делает да переделывает, то есть, одною рукою строит, а другою разоряет. Источник истинно богоугодной жизни — твердая решимость во всем угождать Богу. Настоящая, главная цель указана богоподобным естеством человека; она живое богообщение. К этой главной цели обращай и цели частные, ученые, житейские, гражданские, коммерческие, служебные, правительственные» [19].

Сказанное, разумеется, не означает, что верующий должен презирать свое государство и олицетворяющую его государственную власть, избегать государственной службы и вообще всяких контактов с государственным аппаратом. Нет, конечно же, хотя некоторые ранние христианские писатели именно в таком ключе трактовали евангельские тексты (например, Тертуллиан предлагал категорически запретить христианам проходить воинскую службу [20,

с. 266]). Речь идет лишь о том, что недопустимо сакрализировать ни государство, ни правителей. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) писал: «Даже самое враждебное Церкви государство в чем-то и как-то совершает на земле работу, порученную ему Небесной Церковью» [21, с. 67–68]. У любого государства есть «солнечная сторона» и «темная». И вот эта вторая «не озаренная» Церковью сторона государства — это проникающий его «дух мира сего»; дух жизни только для земли. Вот отчего **всякий боготворитель государства и всякий пытающийся заменить Церковь государством есть слуга анти-христов**, будь он древний язычник, бросающий ладан на жертвенник Кесарю, или — современный идеолог, повергающий под ноги государству все верования души человеческой и все ее надежды в жизни вечной. Оттого государство не может (и не сможет — никогда) служить последнему спасению человечества. *Государство исходит из плоти и крови, из культа предков, из теллургических верований*» [21, с. 17].

Несмотря на вроде бы очевидные «противопоказания» тесного сотрудничества церкви с государством, эти институты столетиями находились в симбиотической связи. Известный историк права Гарольд Берман так описывал церковно-государственные отношения в католических государствах раннего Средневековья⁶: **«Церковь не противостояла политическому порядку, а находилась внутри него. Религия была соединена с политикой, экономикой и правом, как и те друг с другом»** [22, с. 74]. «Императоры и короли облакали епископов не только гражданской и феодальной властью, но и церковной. Таким образом, религиозная и политическая сферы тесно переплетались. Спор по юрисдикции епископа мог решаться в Риме или региональном синоде, однако с тем же успехом его мог рассматривать суд короля или императора» [22, с. 96].

Понятны мотивы монархов. К тесным отношениям с церковью подвигали их и собственная вера монарха⁷, и религиозные основания их легитимности (см., например, [24, с. 142; 25, с. 85]), и, конечно же, выгоды от использования вопросов веры для решения внутри- и внешнеполитических задач, например для

оправдания завоевательных войн⁸ или для преследования «внутренних врагов».

А вот почему церковь согласилась «прилипнуть» к государству? У отдельных ее иерархов могли быть личные мотивы, но публично эта связь оправдывалась возможностью использовать государственную силу для распространения христианства среди «варварских народов», защиты веры, борьбы с колдунами и ведьмами или с религиозным инакомыслием. Итальянский историк религии и права Франческо Руффи-ни (1863–1934) писал: «Тот принцип, что религиозное единство должно быть ненарушено, проходит красною нитью через все средневековое тысячелетие христианства и находит себе решительное и суровое подтверждение как в гражданском, так и в церковном законодательствах. В самом деле, кодекс Юстиниана собирает, координирует и дополняет все предшествовавшие императорские распоряжения против еретиков, схизматиков, вероотступников, богохульников, язычников и иудеев, и представляет собою универсальный вековой авторитет, которым Европа пользовалась вплоть до нашего времени для оправдания вмешательства светских государей в дела защиты христианской веры. Затем вселенские соборы, узаконяя и принимая теоретические взгляды блаженного Августина, вменяют в обязанность светской власти наказывать еретиков. И уже Лев I требует от императрицы Пульхерии непреклонного соблюдения этой обязанности по отношению к евтихианам, а Пелагий I из Нарсеса — по отношению к схизматикам в Италии; в то же самое время Исидор Севильский, в своих “Sententiae”, выставляет принуждение, как общий принцип в делах веры» [27, с. 48].

Соединение с государством, однако, приняло разные формы в католичестве и православии. На Западе церковь во главе с Папой Римским получила огромную власть, усиливаемую ее наднациональным характером. Папа фактически управлял католической Европой, в том числе иногда определяя, кто достоин трона⁹.

Такое слияние светского и духовного далеко не все воспринимали как нечто естественное. Например, в XIV в. Марсилиус Падуанский, которого считают одним из предтеч идеи светского государства,

⁶ Г. Берман писал о X–XII вв., но подобные отношения характерны и для последующих столетий.

⁷ Например, в преамбуле Великой Хартии вольностей 1215 г. говорится: «Знайте, что мы по Божьему внушению и для спасения души нашей и всех предшественников и наследников наших, в честь Бога и для возвышения святой церкви и для улучшения королевства нашего <...>» [23]. Правда, это было не столько искренним признанием своей веры Иоанном Безземельным, сколько демонстрацией примирения с церковью и папой.

⁸ Можно вспомнить хотя бы походы тевтонских рыцарей на Русь (XIII в.), войну Кромвеля с ирландскими католиками (XVII в.) или первый раздел Польши (1772 г.), который российская власть обосновывала среди прочего необходимостью защиты православных [26, с. 238–239].

⁹ Так, Пипин Короткий (VIII в.), не имевший формальных прав на трон и фактически устроивший переворот, стал королем франков лишь после того, как получил поддержку от папы (см. [28, с. 275]).

выступал как против права государства принуждать граждан к выполнению религиозных обязанностей, так и против участия церкви в политике (см. [29, с. 215–233, 508–562]). В конечном счете такое смешение государственной и церковной властей стало одной из причин Реформации, которая неслучайно прокатилась со скоростью лесного пожара по многим странам Центральной и Северной Европы. С одной стороны, жесткая опека Рима все более и более начинала тяготить самих монархов, с другой — среди мирян и священнослужителей нарастала критика обмирщения пап и кардиналов, их стремления править вместе (а то и вместо) со светскими князьями. Самым острым критиком такого положения стал Мартин Лютер. Он, в частности, писал, что с диссидентством (раскольниками, еретиками и прочими) внутри церкви бороться должны «епископы, которым такое занятие предписано, а не князья. Ибо *ересь нельзя никогда пресекать силой, здесь нужен иной подход, не меч, а нечто другое*. Здесь должно сражаться слово Божие; если оно в данном случае ничего не решит, то этого не решит и светская власть, даже если она наполнит мир кровью. *Ересь — духовное дело; ее нельзя изрубить никаким железом, сжечь в любом огне, утопить в любой воде*» [30, с. 43]. «*Епископы пренебрегают словом Божиим и не управляют с его помощью душами, а приказывают светским князьям, чтобы они управляли душами с помощью меча*. Наоборот, светские князья не обращают внимания на ростовщичество, грабеж, расторжение брака, убийство и другие злые дела и наказывают вместо епископов отлучениями. Итак, все в мире перевернулось: меч управляет душами, послания — телом, светские князья управляют духовно и духовные — светски. Что можно сделать дьяволу на земле, если он так фокусничает и разыгрывает карнавальные комедии вместе со своими сторонниками?» [30, с. 45]¹⁰.

В России у Православной церкви не было цели стать вровень с монархом (за исключением, пожалуй, патриарха Никона), а тем более над ним. Но подталкивать государей к принятию определенных решений некоторые священнослужители пытались. К примеру, когда Иоанн III долго не решался идти на обострение с ханом Ахматом, войска которого стояли примерно в 250 км к югу от Москвы, три представителя Русской церкви — митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и игумен Троице-Сергиевой Лавры Паисий — направили ему (каждый в отдельности) свои послания,

которые убедили царя дать сражение¹¹ [32]. Но подобные случаи никак нельзя назвать давлением на монарха. Напротив, Русская церковь всегда находилась под государством, зависела от княжеской/царской власти. В XV в. нестяжатели — святой Нил Сорский и его сторонники — проповедовали отказ от права землевладения и вообще от любой материальной помощи государства. Однако на Соборе в XVI в. победила противоположная позиция — иосифлян (тоже канонизированного Иосифа Волоцкого и его последователей¹²): церковь попала в еще большую зависимость от светской власти, а в начале XVIII в. вообще стала частью государственной машины. Е.Н. Трубецкой так объяснял причины отличия положения Восточной церкви от Западной: «*На Востоке, где светская власть сравнительно сильна, это смешение (духовного и светского. — М.К., Ю.С.) ведет к преобладанию светской власти, которая узурпирует функции церкви. Совсем другое происходит на Западе. Здесь в течение всего IV и V веков вплоть до падения Западной империи мы видим, с одной стороны, постепенное умаление светской власти, а с другой — быстрый рост и усиление независимого епископата. Быстро развиваясь, духовная власть здесь господствует над мирской областью, подчиняя себе в конце концов и саму императорскую власть*. Это отличие Запада от Востока вызвано сложной совокупностью культурно-исторических условий» [33].

Между тем для падения авторитета церкви оказалось неважно, боролась ли она за власть со светскими властями или, наоборот, стала сателлитом государства. В обоих случаях на нее *ложились часть ответственности за проводимую государством политику, которую люди, особенно из «низших классов», зачастую воспринимали как несправедливую*.

Возможно, покажется излишне ригористичным предположение, но если бы иерархи не надеялись на государственную силу, то есть буквально следовали Христовым словам о том, что Он созиждет Церковь Свою «и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18), это изменило бы всю историю. Скорее всего, церковь оставалась бы материально бедной, но будучи подлинной инстанцией *не от мира сего*, сохранила бы высокий морально-нравственный авторитет.

¹⁰ В то же время импульсивный и оттого зачастую непоследовательный Лютер вполне допускал принудительные меры в отношении еретиков, возмущающих народ своими проповедями [31, S. 208].

¹¹ Другое дело, что сражения так и не произошло: знаменитое «стояние на Угре» чудесным образом закончилось бегством войск Ахмата, после чего вскоре настал конец и монгольское иго.

¹² Н.М. Карамзин, описывая времена Василия III, говорил о монахах Волоколамского монастыря, игуменом которого был Иосиф Волоцкий, что они «любили угождать мирской власти» [32].

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Духовная энтропия началась вместе с появлением религии и будет идти вплоть до Судного дня, что предвещал (а точнее, предвещал) Сам Господь: «*Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?*» (Лк. 18:8).

Ответить, почему ослабляется вера, никто не в состоянии. Как говорил немецкий философ и теолог XVIII–XIX вв. Ф. Шлейермахер, «человек определен на известный лад, религия же определима на бесконечно многие лады» [34, с. 182]. Думается, этот процесс во многом обусловлен той свободой, которую Создатель даровал человеку. Бог внимательно наблюдает, но *почти не вмешивается* в наше бытие. «Почти» — во-первых, потому что по молитвам отдельных людей Он может ответить. И, во-вторых, Творец приходит на помощь народам «в их минуты роковые», если падение в пропасть не входит в Его замысел. Но в любом случае Божественная помощь осуществляется *неприметным образом* и не приходит «автоматически» — как от некоего контрагента, *обязанного* выполнить условия договора¹³. Из-за этой «неприметности» Божьего присутствия в мире все больше людей стали связывать те или иные события со случайностью, совпадением, а избавление от национальных бед приписывать отдельным персонажам — правителям, полководцам, вождям. И материалистическое (рационалистическое, имманентное) сознание по мере развития цивилизации начинает вытеснять религиозное (трансцендентное, метафизическое).

Понимание причинно-следственных связей всегда было слабым местом человечества. Поэтому неудивительно, что распространение материалистической причинности в массовом сознании ускорило с лавиной естественно-научных открытий и технических изобретений: люди стали связывать механизацию труда, повышение стандартов бытовой жизни, успехи медицины с собственными знаниями и умениями. Появляется понятие «прогресс», который обществен-

ное сознание связывает исключительно с продвижением к чему-то лучшему. С XVIII в. распространяется убеждение, будто человечество может рассчитывать не на Небесную помощь, а только на собственные силы (в XX в. к этому добавилась вера в существование внеземных цивилизаций, а ригористы якобы стоящих на гораздо более высокой ступени развития). И хотя поначалу такие убеждения в одной и той же голове могли соседствовать с религиозными, последние постепенно ослабевали и превращались лишь в культурную компоненту. Это стало особенно заметным в XIX в.: христиане еще ходили в храм, старались соблюдать посты, поздравляли друг друга с церковными праздниками, но многие — лишь в качестве социальной нормы. Впрочем, росло число и тех, кто уже не стеснялся впрямую заявлять о своем материалистическом мировоззрении (святая Феофан Затворник именовал их неверами). Ч. Тейлор отмечает: «История понятия “светское” на Западе сложна и двусмысленна. Сначала светское — это одно из понятий диады, различающей два измерения существования, каждое из которых относится к конкретному типу времени. Однако затем из этого четкого деления на *имманентное* и *трансцендентное* развивается совсем другая диада, в которой “светское” оказывается тем, что принадлежит к самодостаточной, имманентной сфере и противопоставляется тому, что относится к трансцендентной сфере (нередко идентифицируемой как “религиозная” сфера). Эта бинарная оппозиция может затем претерпевать дальнейшие мутации: например, *путем отрицания реальности трансцендентного уровня диады* — в такой ситуации один из членов диады относится к реальному (“светское”), а другой — к чему-то вымышленному (“религиозное”); другой пример: “светское” начинает обозначать институты, необходимые для того, чтобы жить в “этом мире”, а “религиозное” или “церковное” — дополнительные аксессуары, нередко нарушающие течение *посюсторонней жизни*» [7, с. 223].

Нараставший в XIX в. *религиозный индифферентизм* не обошел стороной и Россию (см., например, [36]). Причем в первую очередь это сказывалось на отношении к церкви и ее представителям. В 1881 г. В.С. Соловьев констатировал: «*Явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общепризнанного нравственного авторитета и общественного значения, безмолвное подчинение ее светским властям*, отчуждение духовенства от остального народа и в самом духовенстве раздвоение между черным, начальствующим, и белым, подчиненным, деспотизм высшего над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающая простор бесчисленным сек-

¹³ Н.В. Варламова считает, что в основе европейского права лежат магические корни, поскольку центральной идеей права является договор. А именно «*магическая система отношений характеризуется взаимностью (двусторонностью), принудительностью, эквивалентностью и договорностью*. Обе стороны совершают активные взаимообусловленные действия, которые с необходимостью влекут определенные последствия (ответную реакцию контрагента)». Проще говоря, прочтешь «правильное» заклинание и получишь просимое. А вот религиозные отношения, утверждает Варламова, «*носят односторонний (однонаправленный) характер и не предполагают взаимности*» [35, с. 69–70]. Такая характеристика как магической, так и религиозной систем в корне ошибочна, но ее разбор не входит сейчас в нашу задачу.

тантам, равнодушные или же вражда к христианству в образованном обществе — вот всем известное современное положение Русской церкви» [15, с. 95]. Со временем стало возможно говорить о вражде к религии уже не только среди «образованных» слоев. Монахиня Амвросия (Оберучева) вспоминала, как в 1907 г. она, работая земским врачом в уездном городе Смоленской губернии, подвергалась угрозам и провокациям за то, что проводила публичные церковные чтения (см. [37, с. 166]). Неудивительно, что вскоре большинство российского населения поддержало (по крайней мере, молчаливо) власть большевистской партии, провозгласившей воинствующий атеизм, а репрессии против православных иерархов, священников, монахов, верующих мирян воспринимались равнодушно либо даже инициировались посредством доносов (это четко прослеживается по следственным делам новомучеников).

Падение авторитета церкви усугублялось среди прочего тем, что на фоне ослабления веры в обществе священнослужители по-прежнему обязаны были осуществлять некоторые государственные полномочия (главным образом в сфере гражданского состояния). Поэтому церковное понимание, в частности, брачно-семейных отношений все чаще входило в конфликт с гораздо более мягким пониманием светским. Иллюстрацию этой проблемы можно найти у замечательного русского писателя Н.С. Лескова, кстати, с теплотой писавшего о священнослужителях: «Новый повод к самым сильным раздражениям был дан в 1878 году, и причиною к нему было так называемое в газетах неожиданное *“фиаско брачного вопроса в св. Синоде”*. Синодальные суждения по этому ноющему вопросу русской жизни далеко не вполне известны всему обществу, которое должно было довольствоваться только краткими “резюме”, а в них для него не было ничего утешительного. *Люди, несчастливые в браке, опять остались в безотрадном и безвыходном положении — тянуть целую жизнь тяжкое и неудобноносимое бремя несносного сожительства при взаимных неладах и ненависти.* <...> Говорили: “Наши епископы, верно, сами хотят доводить нас до клятвопреступничества¹⁴ и даже до преступлений еще более тяжких! Пусть же будет так, но *тогда мы знать не хотим этой церкви, у которой такие жестокие предстоятели*”» [38, с. 418–419].

Между прочим, навязанное церкви положение государственной инстанции (в области семейных от-

ношений) провоцировало некоторым образом и разложение самих ее служителей. Например, у того же Лескова епископ, отказывая в разрешении дворянину заключить «неканонический» брак, на прощание советует ему: «Я не знаю, где это, но только не раз слышал, будто тут есть такие попы, что за *пятьсот рублей вас не только на свояченице, а хоть на родной матери перевенчают*» [38, с. 449].

И все же светское государство могло еще долго не появиться, если бы секуляризация массового сознания не сошлась в одной исторической точке с еще двумя процессами — **конституционализацией и гуманитаризацией**. Под конституционализацией мы понимаем процесс формирования институтов, размывавших абсолютизм, приведший к тому, что нормой в европейском ареале стала *конституционно ограниченная власть*. А гуманитаризация подразумевает вплетение в правовую ткань гуманитарных идей — *ценности каждого индивида, личной свободы, равенства человеческого достоинства, естественных прав и свобод и т.п.*

Конституционализация принесла для церкви существенные перемены: при сменяемости политических сил церковные иерархи практически потеряли «объект» своего влияния. Даже если отдельные политики или партии лояльно относятся к религии и традиционной в данной стране церкви, это не имеет институционального характера.

Сама конституционализация обязана тому, что XVIII в. стал веком распространения гуманитарных идей. Но эти идеи отнюдь не являются продуктом секулярного сознания, хотя некоторые французские просветители были материалистами. Напротив, их источник — *христианское учение*, а многие гуманисты были не только верующими людьми, но и обладателями священного сана (например, Николай Кузанский). Конечно, Новый Завет не содержит понятия «права человека», но именно в нем мы находим основы современной концепции прав человека — идеи равной ценности каждого индивида, свободы выбора и личной ответственности за этот выбор. Протопресвитер А. Шмеман писал: «Когда оно (христианство. — М.К., Ю.С.) говорит о человеке, оно имеет в виду действительно *каждого* отдельного живого человека. Ради него, сказано в Евангелии, нужно оставить *девятью девятью других людей*¹⁵, он облечен образом и подобием Божиим, он призван к вечности, и потому его

¹⁴ Имелось в виду, что один из супругов или оба должны были ради развода совершить под присягой самооговор — признаться в прелюбодеянии, считавшимся единственной уважительной причиной для развода (ср. Мф. 19:9).

¹⁵ Христос в притче говорит, что «если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся» (Мф. 18:12–13. Ср.: Лк. 15:4–6).

судьба, судьба пускай самого незначительного и общественно ничтожного человека, так же важна, как важна судьба вождя, гения, ученого» [16, с. 110]. Именно в христианстве, по словам С.Н. Булгакова, «родилась новая личность. Не в теории, а в жизни, во внутреннем существе человека, в его сердце и воле совершился переворот. Человек почувствовал себя личностью, имеющей абсолютную ценность, “сыном Божиим”, и эту личность он должен был признать и в другом. Эту победу человеческой личности не могли дать ни языческие религии с их национальной ограниченностью, ни философия, которая скользила по поверхности ума культурного общества» [39, с. 46].

Хотя отдельные права индивида (правда, не всякого) признавались давно (например, в Моисеевом законодательстве [40, с. 11–12], в римском праве), только к середине XVIII в. появляются черты более или менее целостной концепции прав человека, которая позже стала стержнем политического дискурса. В этой концепции главными являются две идеи: 1) естественные права принадлежат каждому человеку от рождения, и, соответственно, все люди *равны* в своем человеческом достоинстве; 2) каждый индивид обладает личной автономией (*privacy*) и свободой.

Идеи равноправия и личной свободы, легшие на уже ослабленное религиозное сознание, вызвали к жизни и право на выбор мировоззрения, которое может быть и материалистическим (атеистическим, агностическим и прочими). Это право известно сегодня как **свобода совести**. Таким образом, государство «реципировавшее» концепцию прав человека, **вынуждено было стать светским**, даже если официально не отказывалось от государственной религии: от него потребовалось не только равное удаление от всех религий, но и нейтральное отношение к мировоззрению гражданина. Именно поэтому распространена позиция, согласно которой свобода совести выступает «как один из существенных признаков светскости государства» [4, с. 39]. С этим можно согласиться, но с оговоркой.

Не во всяком государстве, отторгающем от себя церковь, существует свобода совести. Яркий пример — Советское государство, которое было атеистическим¹⁶, но даже официально, не говоря о практике, не признавало равенство прав верующих и атеистов. Напомним формулировку ст. 124 Конституции СССР

¹⁶ Другой вопрос, можно ли атеистическое государство считать светским? Как заметил отец Александр Шмеман, отсутствие веры в Бога — «тоже вера, ибо сказать “материализм построит идеальное общество” — значит высказать априорное, религиозное суждение. Объекты веры могут быть самыми разными, но вера как движение человеческого сознания — та же самая» [16, с. 70].

1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода *отправления религиозных культов* и свобода *антирелигиозной пропаганды* признается за всеми гражданами»¹⁷ (в ст. 52 Конституции СССР 1977 г. была практически воспроизведена эта формула). Таким образом, лишь атеистам дозволялось свободно распространять свое мировоззрение. Впрочем, и само государство открыто проповедовало атеизм через школьные и университетские программы, журналы, лектории, кинофильмы и т.п. Верующим же (клиру и мирянам) запрещалось выполнять одну из главных своих задач — проповедовать, благовествовать за пределами религиозных зданий. В реальности наказывалась любая активность за пределами храма. В уголовных делах священников-новомучеников содержатся обвинения, например, в совершении служб на квартире и даже в раздаче конфет и печенья детям вне стен церкви (см., например, [41]).

* * *

Итак, получив от христианства идеи, легшие в основание концепции прав человека, христианская же цивилизация последовательно оборачивала ее против религии и церкви. Разумеется, довести до конца эту линию никому не удастся, но ущерб обществу и государству будет нанесен (уже наносится) ощутимый.

ПОЧЕМУ ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕСМОТР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

В разных государствах существуют разное отношение к исторически традиционной религиозной организации, разная степень доверительности между иерархами и высшими должностными лицами, разные традиции апелляции к церковному авторитету и т.д. Но при этом государство можно считать светским, если церковь как институт отрешена от процесса принятия государственных или муниципальных решений и не осуществляет публично-властных полномочий. Иными словами, если **церковь** — институционально, содержательно и процессуально **отделена от государства**.

Как правило, такое словосочетание не вызывает вопросов. Однако они появляются, если различать церковь как организацию и Церковь как мистиче-

¹⁷ Интересно, что в Конституции РСФСР 1918 г. формулировка была более взвешенная: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 13). Это, впрочем, не мешало самому настоящему террору в отношении священнослужителей.

ское тело Христово. Участники Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. понимали необходимость этого. Так, «возглавлявший VIII отдел (Предсоборного совета. — М.К., Ю.С.) архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) исходил из того, что “Церковь не должна входить в симфонию с государством, а должна быть самостоятельной, автономной”. “Но отсюда, — полагал владыка, — не следует, что Церковь должна быть отделена от государства в том виде, как это было во Франции. Государство должно признать за Церковью великую культурную силу и оказывать ей всяческую поддержку”» [42, с. 91]. Так же надо понимать и слова декларации «Об отношении Церкви к государству», составить которую было поручено известному русскому мыслителю С.Н. Булгакову¹⁸: «Ни в каком смысле не может быть отделена от жизни или рассматриваться, как “частное дело” личности, “сия победа, победившая мир”, вера наша. Напротив, ведаем, что и “мал квас все смешение квасит”. Отсюда оцениваем, в частности, и столь распространенную ныне мысль о полном отделении Церкви от Государства, то есть о не только внешнем, но и внутреннем отторжении всей государственности от всякого влияния церковного. **Такое требование подобно пожеланию, чтобы солнце не светило, а огонь не согревал.** Церковь, по внутреннему закону своего бытия, не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами. В частности, и государственность она ищет исполнять (наполнять. — М.К., Ю.С.) своим духом, претворять ее по своему образу» [43, с. 14].

Как добавляет К.В. Ковырзин, «Булгаков был убежден в том, что при определении “внутреннего” отношения между Церковью и Государством руководящим началом для христианской совести должно быть “не взаимное отчуждение и расхождение обеих стихий, но, напротив, их наибольшее сближение чрез внутреннее влияние церковной стихии в области государственной, в каких бы внешних формах это ни выражалось”. Вместе с тем, в документе подчеркивалось, что *духовное господство* Церкви не может быть достигнуто мерами внешнего принуждения, насильственными совесть иноверцев» [42, с. 93]. Думается, С.Н. Булгаков слишком «высоко поднял планку», говоря о «воцерковлении государства», «наполнении государственности своим духом» и «претворении ее по своему образу». Однако в главном он был прав: *влияние на общество (через государство) со стороны*

особой — неотмирной — институции должно сохраняться. Мы видим для этого две причины¹⁹.

Первая причина состоит в том, что, *отказываясь от своих христианских корней*²⁰, *государство перестает охранять право от разложения. Современное европейское (по сути, мировое) право родилось на основе христианской морали. Отрицая свой «генотип», право перерождается в нечто иное.*

Секулярное восприятие свободы и прав человека исключает встроенные в них христианские моральные ограничители (естественные пределы, см. [45]). Когда И. Ильф в своих «Записных книжках» пошутил: «Почему я должен уважать бабушку? Она меня даже не родила» [46, с. 38], он, сам того не подозревая, сформулировал формулу оправдания отказа от «сковывающих» человека правил. Это выражается среди прочего в **имморализме права**. Его сторонники, вроде бы выступая не против нравственности как системы регулирования, а только против «контактов» морали и права (см., например, [47]), на самом деле обосновывают «новые стандарты» допустимого.

Необходимость строгого разграничения морального и правового дискурсов обосновывается аргументами рациональности: так, согласно Ю. Хабермасу, тезисы и утверждения в одной из тематических областей не могут быть рационально обоснованы аргументами, заимствованными из другой тематической области, в силу их существенного различия [48, S. 143]. Ранее апологетом «очищения» права от чуждых ему элементов, в том числе моральных, выступал Г. Кельзен, хотя его аргументация коренным образом отличалась от суждений представителей дискурсивной теории [49, S. 36]. В некотором роде промежуточную позицию занимает Л. Фуллер, который признает, как он выражается, «внутреннюю мораль права», то есть принципы самого права, а «внешняя мораль», по Фуллеру, имеет релятивистский характер: о ней вспоминают лишь в том случае, когда возникает вопрос о возможности каких-то моральных проблем стать «объектом законодательства» [50, с. 118]. В его «картине права» естественные законы «остаются полностью земными и по происхождению, и по применению» [50, с. 118]. В то же время тезис об имморализме права отнюдь не все разделяют. Так, Р. Алексис постулирует и предлагает обоснование противоположного тезиса — о неразрывной связи права

¹⁸ Это поручение было дано VI отделом Поместного собора, занимавшимся вопросами правового положения Русской церкви в государстве (см. [42, с. 93]).

¹⁹ Существует и еще одна причина: христианство дает основание для нравственной оценки того или иного политического учения. Но здесь не будем об этом подробно говорить.

²⁰ Показательна история обсуждения так и не принятой Конституции ЕС. Среди возражений ряда стран против ратификации Конституции стало наличие в ее преамбуле «ссылки на христианские ценности Европы» (см. [44]).

и морали, то есть моральности права [51, с. 94–96]. Вместе с тем, согласно теории систем, разработанной немецким социологом Н. Луманом, отдельные сферы человеческой жизнедеятельности (политика, экономика, наука, культура, право, религия и пр.), возникшие в ходе процесса функциональной дифференциации общества, представляют собой замкнутые, самодостаточные и саморазвивающиеся (автопоэтические) системы, существующие по собственным законам и не имеющие устойчивых связей с другими системами (см. [52, с. 42–146]). А поскольку теория систем стала социологическим мейнстримом, можно предположить, что мнение о разделении систем права и морали рано или поздно возобладает вместе с вытекающим из него тезисом об имморализме права.

«Новые стандарты» далеко не всем по душе. Однако, к сожалению, эту «повестку» оседали **популисты**. «К сожалению» — потому что они одновременно покушаются и на конституционализм. Я.-В. Мюллер определяет популизм как «особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность <...> народа, который противопоставляется коррумпированному и морально деградировавшим элитам. <...> Помимо того что популисты выступают против элит, они также *противники плюрализма*: популисты утверждают, что они — и только они — являются истинными представителями народа. Их политические соперники всего лишь часть *безнравственной, развращенной элиты*. Во всяком случае, так популисты утверждают, пока они сами еще не во власти; оказавшись у кормила, они не признают никакой законной оппозиции» [53, с. 37–38]. В этой дефиниции весьма показательно, что исследователь употребляет слова об «особом моралистическом воображении политики», «безнравственной элите» и тому подобные с иронией. А ведь даже если популисты действительно лишь спекулируют на вопросах морали, значит, они улавливают соответствующий запрос немалой части общества. Тем самым создается опасный феномен: те, кто выступают за демократические ценности, возвели толерантность едва ли не в абсолют и не склонны считаться с христианскими ограничителями морали, а те, кто позиционируют себя в качестве защитников «традиционных ценностей», подвергают ревизии конституционализм.

А. де Токвиль возмущался: «Итак, что же с нами происходит? *Верующие сражаются против свободы, а друзья свободы нападают на религию*; благородные, великодушные люди превозносят рабство, а души низменные и угодливые ратуют за независимость; честные и просвещенные граждане становятся вра-

гами всякого прогресса, тогда как люди, лишенные нравственности и чувства патриотизма, объявляют себя апостолами цивилизации и просвещения!» [54, с. 33]. Это характерно и для нашего времени. «Верующие сражаются против свободы», на наш взгляд, так как ими (неважно — сознательно или интуитивно) движет отнюдь не безосновательное опасение, что свобода в глазах человека имеет тенденцию к расширению и *потере (забвению) пределов*, за которыми она начинает разлагать общество и по существу возвращать его к «естественному состоянию», причем не в руссоистском, а в гоббсовском его понимании, то есть к «войне всех против всех» [55, с. 95]. А это неизбежно востребует правителя с неограниченной властью, ибо, «хотя люди могут воображать, что такая неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако отсутствие таковой власти, а именно беспрестанная *война всех против всех, ведет к значительно худшим последствиям*» [55, с. 162].

Вторая причина состоит в том, что **утвердившаяся модель светского государства нарушает принцип правового равенства, ибо дискриминирует не просто религию, но вообще нематериалистическое мировоззрение** (такое ощущение, будто атеизм решил «отыграться» за долгие века религиозного сознания). Это более ста лет назад подметил Ф. Руффи, обвиняя не только церковь, не желавшую даже слышать о свободе совести, но и «свободных мыслителей» — атеистов, которые «*не имеют высокой цели бороться и добиваться равной свободы как для того, кто верит, так и для того, кто не верует, но стремятся прежде всего дискредитировать основания предписанных традицией верований*. Тот принцип, что мысли должна быть предоставлена *полная свобода* и что мнения не могут быть преследуемы, для них является уже не руководящей целью, а только лишь *средством, необходимым для того, чтобы пропагандировать свои антирелигиозные воззрения и тем самым добиваться конечного торжества неверия*» [27, с. 21].

Основная формула светскости гласит, что церковь отделена от государства. Но что означает в ней «государство» — систему, аппарат власти или нечто более широкое? Известно, что иногда государство определяют как «машину», «аппарат насилия» (К. Маркс), как «политическое учреждение» (М. Вебер) и т.п. Это можно принять, но только для определенных исследовательских или политических целей. На самом же деле система публичной власти, согласно классическому пониманию (см., например, [56, с. 206]), — это лишь один из трех «элементов» государства, которое немыслимо также без территории и населения. А в еще более широком смысле государство есть публично организованное общество (см., например,

[57]). Поэтому, если мы говорим «светское государство», значит, подразумеваем господство материалистического мировоззрения не только для госаппарата²¹, но и для всего общества.

Противники религиозного мировоззрения возразят: *о каком неравенстве можно говорить, если существует свобода совести, включающая в себя равные возможности для выбора мировоззрения?* Верно. Но это — субъективное право, и потому государство обязано лишь гарантировать, что оно само не будет преследовать или притеснять человека за его религиозные убеждения и не позволит этого никому другому. Однако свобода совести не обязывает государство, например, регулировать трудовые отношения таким образом, чтобы учитывать религиозные потребности работников. А в сфере образования свобода совести скорее нарушается, чем защищается. Прямолинейная трактовка понятия «светское государство» не допускает нематериалистических объяснений законов природы, исторических событий и явлений, вследствие чего, например, верующие дети утрачивают возможность ознакомления с альтернативными позициями и последующего критического осмысления учебного материала, когда в классе должны отвечать по учебнику: появление нашей вселенной обязано Большому взрыву, а человек произошел от обезьяны и стал *Homo sapiens* в результате эволюции²². Похожие проблемы существуют и в высшем образовании, в гуманитарных и социальных науках.

Итак, эрозия моральных оснований права и нарушение принципа правового равенства выступают аргументами в пользу **пересмотра модели отношений между государством (публично-властными институтами) и церковью (религиозными организациями)**.

Для начала требуется, пусть не полное, **уравнивание положения материалистического и религиозного мировоззрений**. В первую очередь речь идет о переработке учебных программ и учебных материалов в системах среднего и высшего образования, для того чтобы те или иные вопросы объяснялись с *разных мировоззренческих позиций*. Такую переработку следует предпринять

по тем предметам и темам (в частности, в сфере космогонии или антропологии), где материалистическое объяснение расходится с метафизическим.

Предвидим возмущение: авторы предлагают «погрузить современное государство в Средневековье», выступая за официальное признание картины мира, которая «противоречит науке» и ассоциируется с отсталостью, для некоторых — с мракобесием. Припомним, конечно же, и крестовые походы, и инквизицию, и негативное отношение церкви к демократии и правам человека, а в России еще и к университетскому образованию²³. Попробуем ответить.

Во-первых, вновь подчеркнем: речь идет не о вытеснении материалистической картины мира, а только о расширении *возможностей для мировоззренческого выбора*. В конце концов, как раз современному правопониманию соответствует тезис о том, что нельзя навязывать человеку какое-то одно миропонимание. Могут сказать, что для предоставления мировоззренческого выбора достаточно ввести уроки по определенной религии, как это сделано, например, в ФРГ. Основной закон этого государства гласит, что «обучение религии в публичных школах осуществляется наравне с другими предметами, за исключением неконфессиональных школ» (ч. 3 ст. 7). Что ж, и это полезно, хотя данная норма допускает, что какая-либо светская частная школа вправе отказаться от религиозных уроков (см. [59]), и это странно, коль скоро есть обязательные учебные программы. Но мы говорим о другом — об обязательности объяснения природных и социальных феноменов с разных позиций.

Во-вторых, приоритет материалистического мировоззрения выводят из *достоверного* знания, которое дает только наука, ибо только она способна предъявлять результаты, предсказанные и объясняемые теорией. Но наука (естественные науки) в онтологическом плане совершенно не противоречит вере в трансцендентный источник. Философские построения, открытия, изобретения есть *шаги к познанию законов, установленных Творцом*. Ньютон, Паскаль, Буридан, Бэкон, Кеплер, Лейбниц, десятки других знаменитых ученых именно так воспринимали научную деятельность.

В-третьих, да, христианские церкви разных конфессий в лице их священнослужителей действительно

²¹ В этом смысле гораздо более разумна формулировка ст. 1 Конституции Марокко 2011 г.: «Королевство Марокко является конституционной монархией, демократическим государством с парламентской формой правления и светской системой власти».

²² Конституционалисты с материалистическим мировоззрением, возможно, не задумываются, что такое представление ликвидирует основу для признания человеческого достоинства высшей ценностью. Русский философ Б.П. Вышеславцев писал: «Материализм Маркса обращается у него в презрение к людям. **Да и почему, в самом деле, благоговеть перед потомками обезьяны?**» [58, с. 178].

²³ По сведениям Н.М. Карамзина, ставший царем Борис Годунов в 1601 г. хотел завести в России университеты, «выписав» иностранных ученых. Но «сие важное намерение не исполнилось, как пишут, от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством закона и языка; что разность языков может произвести и разность в мыслях, опасную для церкви; что, во всяком случае, неблагоприятно вверять учение юношества католикам и лютеранам» [32].

совершили немало ошибок, исходя из неправильных представлений, порой напрямую противоречащих христианскому нравственному учению. Но как не всякие действия и слова адептов какого-либо политического или философского учения отражают его сущность, так и по этим ошибкам нельзя судить о вероучении и о представляющей его институции.

Другое направление пересмотра государственно-церковных отношений — это *переосмысление содержания понятия «отделение церкви от государства»*. Главное изменение должно состоять в переходе от восприятия доминирующей в данной стране религиозной институции как культурно-исторического (а то и чисто этнографического) феномена к ее пониманию как фактора, благотворно влияющего на общество и тем самым стабилизирующего государственность.

Сегодня государство видит в религии вынужденное наследие прошлого, а в религиозных организациях — хранителей давно отжившего, замшелого, отсталого; воспринимает эти организации как некое обременение, как необходимую дань культуре и истории. Между тем наступление постсекулярной эпохи ясно продемонстрировало непреходящую актуальность церкви как общественно-политического фактора²⁴. Несмотря на все попытки, церковь и вообще религиозные сообщества не были ни уничтожены физически, ни выдавлены из общественного сознания в «гетто» архаики и традиционализма. Несомненно успешным оказался, однако, проект упразднения устоявшихся институциональных связей и коммуникационных механизмов между церковью и государством, с одной стороны, и церковью и обществом — с другой, то есть секуляризации. В настоящее время церковь в значительной мере лишена возможности выступать в качестве нравственного камертона по той причине, что употребляемые ей термины, концепции и аксиомы (догматы) оказываются непонятными и оттого невоспринимаемыми секулярным обществом, которое утратило чувствительность к религиозной проблематике и религиозной аргументации.

Однако подобные когнитивные пробелы не должны быть проигнорированы. Для достижения всеобъемлющего взаимопонимания необходимо вступить в «процесс комплементарного обучения» [61, S. 10], в рамках которого будут разработаны и закреплены правила ведения диалога как между религиозными

и нерелигиозными членами общества, так и между членами церкви и представителями государственной власти. Понятно, что призывами такое взаимопонимание не достигается. Требуются институциональные преобразования, которые постепенно могут привести к перемене сознания. Но о них надо говорить отдельно.

* * *

Высказанные соображения могут показаться весьма спорными. Поэтому надеемся, что коллеги, в том числе исповедующие материалистическое мировоззрение, вступят в дискуссию с нами, в том числе по вопросам, которые здесь не поднимались, но тоже весьма значимы: как государство должно подходить к вопросу о финансировании религиозных организаций? Как выстраивать отношения между государством и религиозными организациями в многоконфессиональной стране? Должно ли быть различным отношение государства к исторически укорененным и новым религиозным организациям? Как стоит государству относиться к церковным расколам, к сектам? И т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митюков М.А. Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 68–80.
2. Митюков М.А. Образ светского государства: по материалам Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР (РФ) (1990–1993 гг.) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 58–65.
3. Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы: в 20 т. Т. 1. М.: Юр. лит., 1995.
4. Понкин И.В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2005.
5. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства: открытый доклад «Один век отделения церкви от государства». М.: Гнозис, 2006.
6. Holyoake G.J. The Principles of Secularism. 3 Aufl. Lond.: Book store; Austin & co., 1870.
7. Тейлор Ч. Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 218–253.
8. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1: От Каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерий, 2001.
9. Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4: Политик, Законы, Послезаконие. Письма. Сочинения

²⁴ Авторам известно, что «постсекулярность» является одной из наиболее оспариваемых концепций в современных социологии и философии. Однако в рамках настоящей статьи существование постсекулярной эпохи принято как «истина факта» (см. [60]).

- платоновской школы / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994.
10. Сильвестрова Е.В. Первый титул Шестнадцатой книги Кодекса Феодосия // Вестник ПСТГУ I: Богословие, философия. 2009. Вып. 2 (26). С. 7–20.
 11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Освященным Архиерейским Собором 13–16 августа 2000 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московской патриархии. — URL: <http://www.patriarhia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.03.2005).
 12. Бежанидзе Ю.И. Рецепция концепта «благой симфонии в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков»: автореф. дисс. ... канд. теологии. М., 2024.
 13. Florovsky G. Antinomies of Christian History: Empire and Desert, in: Christianity and Culture. Collected Works, vol. II. Belmont: Nordland Publishing Company, 1974.
 14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. Т. 1. М.: ИД ВШЭ, 2016.
 15. Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Роцинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
 16. Шмеман А. прот. Собрание статей. 1947–1983 / сост. Е.Ю. Дорман; предисл. А.И. Кырлежева. М.: Русский путь, 2009.
 17. Послание к Диогниту (пер. А.С. Десницкого) // Раннехристианские апологеты II–IV веков. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000.
 18. Протопресвитер Александр Шмеман. Проповеди и беседы // Портал «Православная энциклопедия “Азбука веры”». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/propovedi-i-besedy/3_8 (дата обращения: 19.11.2024).
 19. Феофан Затворник. Мысли на каждый день года [Электронный ресурс] // Портал «Православная энциклопедия “Азбука веры”». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/mysli-na-kazhdyj-den-goda-po-tserkovnym-chtenijam-iz-slova-bozhija/352 (дата обращения: 01.05.2022).
 20. Тертуллиан. Об идолопоклонстве // Тертуллиан. Избранные сочинения / общ. ред. А.А. Столярова / пер. с лат. М.: Прогресс, 1994.
 21. Архиепископ Иоанн (Шаховской). Тайна Церкви. Нью-Йорк, 1947.
 22. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Изд. группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998.
 23. Великая хартия вольностей [Электронный ресурс] // Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VELIKAYA_HARTIYA_VOLNOSTE.html (дата обращения: 11.12.2023).
 24. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006.
 25. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.
 26. Каменский А.Б. «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по руссиеведению: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; гл. ред. И.И. Глебова. Вып. 6. М., 2016. С. 220–261.
 27. Руффини Ф. Религиозная свобода. История идеи / пер. с ит.; аутентичное переизд. публикации 1914 г.; предисл. проф. Фр. Марджотта-Броглио (Брольо). М.: UNESCO Publishing: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995.
 28. Сидоров А. Обесчестить короля: hono и его место в каролингской политической культуре // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников и О. Тогоева. М.: ИД ВШЭ, 2021.
 29. Марсилиус Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с фр.; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014.
 30. Лютер Мартин. О светской власти. Калуга: Полиграф-Информ, 2012.
 31. Martin Luther. Der 82. Psalm ausgelegt 1530 // Werke (Weimarer Ausgabe), Bd. 31, Teil I.
 32. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека русской классической литературы. — URL: <https://онлайн-читать.рф/карамзин-история-государства-российского/7#4> (дата обращения: 19.11.2024).
 33. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Блаженного Августина. Ч. I [Электронный ресурс] // Христианский портал «MY STUDIES». — URL: <https://mstud.org/library/a/augustin/about/tryb1.html> (дата обращения 10.09.2024).
 34. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирующим. Монологи. СПб: Алетейя, 1994.
 35. Варламова Н.В. Религиозные основания западной правовой культуры // Вопросы правоведения. 2011. № 2. С. 59–76.
 36. Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 114–124.
 37. Монахиня Амвросия (Оберучева). История одной старушки: Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостью и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжелых страданий. М.: Сибирская Благовонница, 2016.

38. Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н.С. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. М.: Правда, 1981.
39. Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX в. Англия и Германия // Булгаков С.Н. Избранное / сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова; авторы коммент. В.В. Сапов, Д.С. Новоселов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
40. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / под ред. и с предисловием проф. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2005.
41. Священномученик Иоанн (Троянский), Великолукский, епископ. Житие [Электронный ресурс] // Портал «Православная энциклопедия "Азбука веры"». — URL: <https://azbyka.ru/days/> (дата обращения: 04.09.2016).
42. Ковырзин К.В. Поместный собор 1917-1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.
43. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 4, вып. 1: деяния 61–65. Петроград: Изд. Соборного Совета, 1918.
44. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Комментарий к договору, устанавливающему Конституцию для Европы – 2005 г. // СПС «Гарант».
45. Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 103–115.
46. Ильф И. Записные книжки. 1925–1937. М.: Советский писатель, 1957.
47. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2004.
48. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
49. Kelsen H. Reine Rechtslehre (1934). Tübingen: Mohr Siebeck, 2008.
50. Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.
51. Алекси Р. Понятие и действительность права / пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
52. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. М.: Логос, 2007.
53. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М.: ИД ВШЭ, 2018.
54. Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисловие Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000.
55. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
56. Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. по второму немецкому изданию С.И. Гессеном. СПб., 1908.
57. Мамут Л.С. Народ в правовом государстве / Российская академия наук. Институт государства и права. М.: Норма, 1999.
58. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994.
59. BeckOK Grundgesetz, Epping/Hillgruber, 59. Edition (Stand: 15.09.2024), Art. 7 Rn. 46.
60. Кырлежев А. Секуляризация и постсекулярное общество [Электронный ресурс] // Портал «Богослов.RU». — URL: <https://bogoslov.ru/article/1314267> (дата обращения: 25.09.2024).
61. Habermas J. Glauben und Wissen, Friedenspreis des Deutschen Buchhandels. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.

REFERENCES

1. Mityukov M.A. Diskussii o svetskom gosudarstve na Konstitucionnom soveshhanii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. No. 9. S. 68–80.
2. Mityukov M.A. Obraz svetskogo gosudarstva: po materialam Konstitucionnoj komissii S`ezda narodnykh deputatov RSFSR (RF) (1990–1993 gg.) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2018. No. 4. S. 58–65.
3. Konstitucionnoe soveshhanie: Stenogrammy. Materialy. Dokumenty. V 20 t. T. 1. M.: Yur. lit., 1995.
4. Ponkin I.V. Sovremennoe svetskoe gosudarstvo: konstitucionno-pravovoe issledovanie. M.: Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava, 2005.
5. Obshhie soobrazheniya po povodu otdeleniya cerkvi ot gosudarstva: otkrytyj doklad "Odin vek otdeleniya cerkvi ot gosudarstva". M.: Gnozis, 2006.
6. Holyoake G.J. The Principles of Secularism. 3 Aufl. Lond.: Book store; Austin & co., 1870.
7. Tejlor Ch. Chto takoe svetskost' ? // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2015. No. 1 (33). S. 218–253.
8. Eliade M. Istoriya very i religioznyh idej. T. 1: Ot Kamen'nogo veka do Elevsinskih misterij. M.: Kriterion, 2001.
9. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 4: Politik, Zakony, Poslezakonie. Pis'ma. Sochineniya platonovskoj shkoly / pod obshh. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Taho-Godi. M.: Mysl', 1994.

10. Sil' vestrova E.V. Pervyj titul Shestnadczatoj knigi Kodeksa Feodosiya // Vestnik PSTGU I: Bogoslovie, filosofiya. 2009. Vyp. 2 (26). S. 7–20.
11. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Prinyaty Arhierejskim Soborom 13–16 avg. 2000 g. [Elektronnyj resurs] // oficial'nyj sajt Moskovskoj patriarii. — URL: <http://www.patriarhia.ru/db/text/141422.html> (data obrashheniya: 03.03.2005).
12. Bezhanidze Yu.I. Recepciya koncepta "blagoj simfonii v russkoj bogoslovsko-politicheskoy mysli XI–XVII vekov": avtoref. diss. ... kand. teol. M., 2024.
13. Florovsky G. Antinomies of Christian History: Empire and Desert, in: Christianity and Culture. Collected Works, vol. II. Belmont: Nordland Publishing Company, 197
14. Veber M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushhej sociologii. V 4 t. / sost., obshh. red. i predisl. L.G. Ionina. T. 1. M.: ID VSE, 2016.
15. Solov'ev V.S. O duhovnoj vlasti v Rossii // Solov'ev V.S. Izbrannoe / sost., avtor vstup. st. i komment. S.B. Rocinskij. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010.
16. Shmeman A. prot. Sobranie statej. 1947–1983 / sost. E.Yu. Dorman; predisl. A.I. Kyrlezheva. M.: Russkij put', 2009.
17. Poslanie k Diognitu (per. A.S. Desniczkogo) // Rannehristianskie apologety II–IV vekov. Perevody i issledovaniya. M.: Ladomir, 2000.
18. Protopresviter Aleksandr Shmeman. Propovedi i besedy // Portal "Pravoslavnyaya enciklopediya "Azbuka very"". — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/propovedi-i-besedy/3_8 (data obrashheniya: 19.11.2024).
19. Feofan Zatvornik. Mysli na kazhdyj den' goda [Elektronnyj resurs] // Portal "Pravoslavnyaya enciklopediya "Azbuka very"". — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/mysli-na-kazhdyj-den-goda-potserkovnym-chtenijam-iz-slova-bozhija/352 (data obrashheniya: 01.05.2022).
20. Tertullian. Ob idolopoklonstve // Tertullian. Izbrannye sochineniya / obshh. red. A.A. Stolyarova. M.: Progress, 1994.
21. Arhiepiskop Ioann (Shahovskoj). Tajna Cerkvi. N'yu-Jork. 1947.
22. Berman G.Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya / per. s angl. 2-e izd. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M — NORMA, 1998.
23. Velikaya hartiya vol'nostej [Elektronnyj resurs] // Universal'naya nauchno-populyarnaya enciklopediya "Krugosvet". — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VELIKAYA_HARTIYA_VOLNOSTE.html (data obrashheniya: 11.12.2023).
24. Chicherin B.N. Obshee gosudarstvennoe parvo / pod red. i s predislaviem V.A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2006.
25. Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. M.: GUP "Oblizdat", TOO "Alir", 1998.
26. Kamenskij A.B. "Ottorzhenaya vozvrati": razdely Pol'shi i koncepciya sobiraniya russkih zemel' // Trudy po rossievedeniyu: sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedeniya; gl. red. I.I. Glebova. Vyp. 6. M., 2016. S. 20–261.
27. Ruffini F. Religioznaya svoboda. Istoriya idei / per. s it. Autentichnoe pereizd. publikacii 1914 g.; predisl. prof. Fr. Mardzhotta-Broglio (Brol'o). M.: UNESCO Publishing, 1995.
28. Sidorov A. Obeschestit' korolya: honor i ego mesto v karolingskoj politicheskoy kul'ture // Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya / sost. i otv. red. O. Voskoboynikov i O. Togoeva. M.: ID VSE, 2021.
29. Marsilij Padvanskij. Zashhitnik mira. Defensor pacis / per. s francz. B.U. Esenova; nauch. red., vstupit. st., primech. G.P. Lupareva. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya "Dashkov i K", 2014.
30. Lyuter Martin. O svetskoj vlasti. Kaluga: Poligraf-Inform, 2012.
31. Martin Luther. Der 82. Psalm ausgelegt 1530 // Werke (Weimarer Ausgabe), Bd. 31, Teil I (in German).
32. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. VI [Elektronnyj resurs] // Onlajn biblioteka russkoj klassicheskoy literatury. — URL: <https://onlajn-chitat.rf/karamzin-istoriya-gosudarstva-rossijskogo/7#4> (data obrashheniya: 19.11.2024).
33. Trubeczkoj E.N. Mirosozerczanie Blazhennogo Avgustina. Ch. I [Elektronnyj resurs] // Hristianskij portal "MY STUDIES". — URL: <https://mstud.org/library/a/augustin/about/tryb1.html> (data obrashheniya: 10.09.2024).
34. Shlejermaier F. Rechi o religii k obrazovannym lyudjam, ee prezirayushhim. Monologi. SPb: Aletejya, 1994.
35. Varlamova N.V. Religioznye osnovaniya zapadnoj pravovoj kul'tury // Voprosy pravovedeniya. 2011. No. 2. S. 59–76.
36. Andreeva L.A. Fenomen religioznogo indifferentizma v Rossijskoj imperii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2008. No. 4. S. 114–124.
37. Monahinya Amvrosiya (Oberucheve). Istoriya odnoj starushki: Ocherki iz mnogoletnej zhizni odnoj starushki, kotoruyu ne po zaslugam Gospod'ne ostavlyal Svoeju milost'yu i kotoraya schitala sebya schastlivoj vseгда, dazhe sredi samyh tyazhelyh stradanij. M.: Sibirskaya Blagozvonnicza, 2016.
38. Leskov N.S. Melochi arhierejskoj zhizni // Leskov N.S. Sobr. soch. V 5 t. T. 3. M.: Pravda, 1981.

39. Bulgakov S.N. Istoriya social`nyh ucheniya v XIX v. Angliya i Germaniya // Bulgakov S.N. Izbrannoe / sost., avtor vstup. st. O.K. Ivanczova; avtory komment. V.V. Sapov, D.S. Novoselov. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010.
40. Lopuhin A.P. Zakonodatel`stvo Moiseya. Issledovanie o semejnyh, social`no-ekonomicheskikh i gosudarstvennyh zakonah Moiseya. Sud nad Iisusom Hristom, rassmatrivaemyh s yuridicheskoy točki zreniya. Vavilonskij czar` pravdy Ammurabi i ego novootkrytoe zakonodatel`stvo v сопоставлении s zakonodatel`stvom Moiseevym / pod red. i s predislovиеm prof. V.A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2005.
41. Svyashhennomuchenik Ioann (Troyanskij), Velikolukskij, episkop. Zhitie [Elektronnyj resurs] // portal "Pravoslavnaya enciklopediya "Azbuka very"". — URL: <https://azbyka.ru/days/> (data obrashheniya: 04.09.2016).
42. Kovyrzin K.V. Pomestnyj sobor 1917–1918 godov i poiski principov cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij posle Fevral`skoj revolyucii // Otechestvennaya istoriya. 2008, No. 4. S. 88–97.
43. Svyashhennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi. Deyaniya. Kn. 4, vyp. 1: deyaniya 61–65. Petrograd: Izd. Sobornogo Soveta, 1918.
44. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Kommentarij k dogovoru, ustanavlivayushhemu Konstituciyu dlya Evropy — 2005 g. // SPS "Garant".
45. Krasnov M.A. Ogranichenie prav cheloveka ili poisk ih estestvennyh predelov? // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2009. No. 2. S. 103–115.
46. Il`f I. Zapisnye knizhki. 1925–1937. M.: Sovetskij pisatel`, 1957.
47. Bouz D. Libertarianstvo: Istoriya, principy`, politika / per. s angl. pod red. A.V. Kuryaeva. Chelyabinsk: Socium, 2004.
48. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992 (in German).
49. Kelsen H. Reine Rechtslehre (1934). Tübingen: Mohr Siebeck, 2008 (in German).
50. Fuller Lon L. Moral` prava / per. per. s angl. T. Danilovoj pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISEN, 2007.
51. Aleksi R. Ponyatie i dejstvitel`nost` prava / per. s nem. A. Lapteva, F. Kal`shojera. M.: Infotropik Media, 2011.
52. Luman N. Vvedenie v sistemnuyu teoriyu / per. s nem. K. Timofeeva. M.: Logos, 2007.
53. Myuller Ya.-V. Chto takoe populizm? / per. s angl. A. Arhipovoj; pod nauch. red. A. Smirnova. M.: ID VSE, 2018.
54. Tokvil` A. Demokratiya v Amerike / per. s fr.; predislovie Garol`da Dzh. Laski. M.: Ves` Mir, 2000.
55. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast` gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Sochineniya. V 2 t. / sost., red., avt. primech. V.V. Sokolov. T. 2. M.: Mysl`, 1991.
56. Ellinek G. Obshee uchenie o gosudarstve // Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1. Izd. 2-e, ispr. i dop. po vtoromu nemeczkomu izdaniyu S.I. Gessenom. SPb., 1908.
57. Mamut L.S. Narod v pravovom gosudarstve. M.: Norma, 1999.
58. Vysheslavcev B.P. Vechnoe v russkoj filosofii // Etika preobrazhennogo erosa. M.: Respublika, 1994.
59. BeckOK Grundgesetz, Epping/Hillgruber, 59. Edition (Stand: 15.09.2024), Art. 7 Rn. 46 (in German).
60. Kyrlezhev A. Sekulyarizaciya i postsekulyarnoe obshchestvo [Elektronnyj resurs] // Portal "Bogoslov. RU". — URL: <https://bogoslav.ru/article/1314267> (data obrashheniya: 25.09.2024).
61. Habermas J. Glauben und Wissen, Friedenspreis des Deutschen Buchhandels. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001 (in German).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL FOUNDATIONS OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT

Илья Викторович ЗАХАРОВ

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: izakharov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0657-2264, AuthorID: 907287

Анастасия Игоревна РЕЖЕЦКАЯ

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: rezhetskaya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-1371-3816, AuthorID: 1121059

Информация об авторах

И.В. Захаров — доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент

А.И. Режецкая — магистрант 2-го курса Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Аннотация. За последнее десятилетие цифровизация, распространяясь с молниеносной скоростью, охватывает весь мир, в том числе и Российскую Федерацию, и трансформирует различные аспекты человеческой жизнедеятельности. Серьезному влиянию подвергается один из основных секторов общества — государственный — посредством интеграции цифровых инструментов, технологий, процессов и решений в операции и услуги, предоставляемые населению. Изменение способов взаимодействия в системе «государство — общество» направлено на повышение эффективности публичного управления, вовлечение населения в принятие государственных решений, достижение консенсуса по актуальным социальным вопросам. Парадокс заключается в том, что цифровизация государ-

- ственного управления порождает многочисленные
- юридические проблемы и последствия, которые нуждаются в изучении со стороны как ученых, так и законодателей.
- Цель статьи — выявить особенности правовой базы
- РФ, регулирующей применение цифровых технологий в государственном управлении: электронное управление, цифровые общественные услуги, защита данных. Авторы рассмотрели реализацию и влияние цифровизации на сферу публичной политики. Предложена классификация нормативных правовых актов по категориям регулирования отдельных сфер цифровизации и информатизации. Проанализированы фундаментальные законодательные документы РФ с выявлением их слабых сторон. Сделаны выводы о том, что стремительное внедрение правительственными структурами в свой арсенал цифровых технологий не гарантирует эффективности и безопасности управления. Наличие четких правовых рамок по защите конфиденциальности, безопасности данных и прав граждан необходимо для упрощенной ориентации специалистов всех сфер
- в «ландшафте» цифрового общественного управления.

Ключевые слова: цифровизация, публичное управление, цифровые технологии, право, информатизация

Для цитирования: Захаров И.В., Режецкая А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 27–38; DOI: 10.17323/tis.2025.27357

Ilya V. ZAKHAROV

- Ural State Law University by V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia,
e-mail: izakharov@yandex.ru,
• ORCID: 0000-0003-0657-2264, AuthorID: 907287

Anastasiia I. REZHETSKAIA

Ural State Law University by V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia,
e-mail: rezhetskaya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-1371-3816, AuthorID: 1121059

For citation: Zakharov I.V., Rezhetskaia A.I. Digitalization of public administration: legal foundations of establishment and development // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 27–38; DOI: 10.17323/tis.2025.27357

Information about the authors

I.V. Zakharov — Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the V.F. Yakovlev Ural State Law University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A.I. Rezhetskaia — 2nd year Master's student of the Institute of State and International Law V.F. Yakovlev Ural State Law University

Abstract. Over the last decade, digitalization, spreading at lightning speed, has encompassed both the world in general and the Russian Federation in particular, and is transforming various aspects of human life. One of the main sectors of society, the public sector, is being seriously affected by the integration of digital tools, technologies, processes and solutions into the operations and services provided to the population. Changing the ways of interaction in the “state-society” system is aimed at improving the efficiency of public administration, involving the population in public decision-making, and reaching opinions on topical social issues. The paradox is that the digitalization of public administration generates numerous legal problems and consequences that need to be studied by both academics and the legislator himself.

The purpose of the article is to identify the peculiarities of the legal framework of the Russian Federation regulating the application of digital technologies in aspects of public administration: e-governance, digital public services, data protection. The article considers the process of implementation and influence of digitalization on the sphere of public policy. The classification of regulatory legal acts by categories of regulation of individual spheres of digitalization and informatization is proposed. The fundamental legislative documents of the Russian Federation are analyzed to identify their weaknesses. The article concludes that the rapid introduction of digital technologies by government structures in their arsenal does not guarantee the efficiency and security of governance. The existence of a clear legal framework for the protection of privacy, data security and citizens' rights is necessary for a simplified orientation of specialists in all spheres in the “landscape” of digital public administration

Keywords: digitalization, public administration, digital technologies, law, informatisation

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технический прогресс, совершенствование техники и развитие информационных технологий становятся закономерным следствием повышения важности виртуальной среды, упрощающей осуществление различных действий и расширяющей возможности ведения информационной деятельности. Цифровизация полностью не может исчерпать или заменить собой традиционные практики жизнедеятельности. Тем не менее цифровой информации как фундаменту виртуальной реальности, которая приобретает принципиально новую значимость для жизни каждого гражданина в информационном обществе, отдается приоритет в развитии правового регулирования.

Являясь косвенным объектом гражданских прав через призму существующих категорий, согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ, цифровая информация позволяет беспрепятственно учитывать материальные блага, закреплять на них права, идентифицировать стороны отношений, подтверждать принадлежность благ, фиксировать волеизъявление [1]. Ныне без автоматизированных технологий невозможно представить ни одну из сфер общества, в том числе публичное управление. Данный феномен обусловлен тем, что цифровые технологии создают новый тип общественных отношений, основанных на гармонии и систематизации в деятельности органов публичной власти. Процесс внедрения технологических решений необратим, поэтому возникает необходимость в выработке эффективных предложений для юридического регулирования цифровой среды и поступательного развития информационного законодательства.

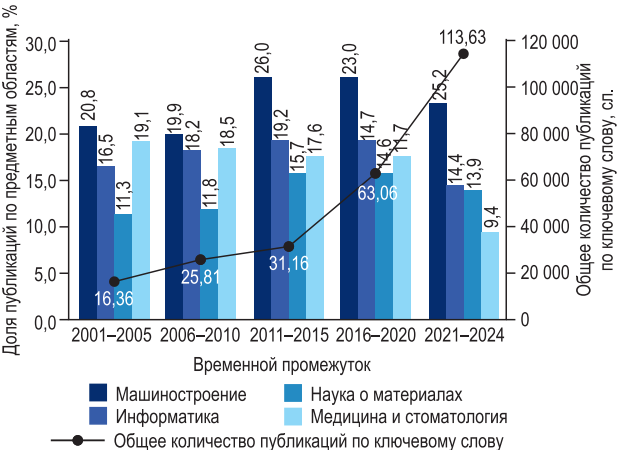
Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать особенности правовой базы РФ, регулирующей процесс применения цифровых технологий в системе публичного управления. Для реализации цели выдвигались следующие задачи: 1) рассмотреть исторический путь развития системы цифрового публичного управления; 2) предложить классификацию нормативных правовых актов (далее — НПА) по категориям регулирования сфер цифровизации и информатизации; 3) обозначить противоречия, порождаемые принятием правовых документов и отсут-

ствием действенных решений по кодификации НПА в области цифровизации.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Термин «цифровая трансформация» не нов для научной сферы, однако до конца не изучен. В рамках исследовательской работы проведен наукометрический анализ публикаций по ключевому слову «digital transformation» в полнотекстовой базе данных ScienceDirect за период с 2001 по 2024 г. (рис. 1) [2].

Рис. 1. Результаты анализа публикаций по ключевому слову «цифровая трансформация» за период 2001–2024 гг.

С 2001 г. в базе данных ScienceDirect представлено 304,8 тыс. публикаций, в которых упоминается термин «digital transformation». Примечательно, что цифровая революция началась в конце 1970-х годов, но до 2016-го цифровая трансформация не была предметом пристального исследования ученых. Пик активности изучения феномена пришелся преимущественно на конец 2019-го и на 2021–2024 гг. В эти периоды повышенный интерес к сфере цифровизации и цифровой трансформации сфер общественной жизнедеятельности был связан с социально значимыми событиями, происходящими в мировом пространстве. Например, 2019 г. — напряженная эпидемио-

логическая ситуация (пандемия COVID-19): резкий рост спроса на цифровые технологии, решения и системы для безопасного дистанционного взаимодействия не только граждан между собой, но и населения с представителями органов власти. В 2021–2024 гг. — санкционное давление со стороны западных стран, импортозамещение, модернизация отечественного интерактивного обслуживания.

Основная масса работ опубликована в журналах *Procedia Computer Sciencer* (2893 публикации, рубрикатор ГРНТИ 50.00.00), *Science of The Total Environment* (2388 публикаций, рубрикатор ГРНТИ 87.01.00), *Journal of Cleaner Production* (2200 публикации, рубрикаторы ГРНТИ 44.00.00 и 55.00.00), специализирующихся на энергетике, машиностроении и вопросах охраны окружающей среды. На журналы социологической и юридической тематики приходится менее 1% публикаций.

Таким образом, с 2016 г. цифровая трансформация активно исследуется учеными — экономистами, программистами, экологами — и приобретает все большую актуальность. Тем не менее отсутствует единое определение, что доказывает многогранность и дискуссионность термина.

В ходе проведенного анализа авторы пришли к выводу, что под цифровой трансформацией в широком смысле понимается процесс, направленный на совершенствование организации/государства/отдельных сфер с помощью внедрения существенных изменений их свойств посредством совокупности информационных, вычислительных, коммуникативных цифровых технологий [3]. В узком смысле цифровая трансформация означает интеграцию сложных знаний, информационных, вычислительных, коммуникационных технологий в целях всестороннего улучшения и ускоренного процесса модернизации работы органов власти, системы публичной политики, государства [4].

По мнению авторов, приведенные формулировки определяют вектор изучения, однако громоздки и затруднительны для восприятия. Важно понимать, что цифровая трансформация — не синоним «электронного правительства» (e-government), она не ограничена внедрением инновационных технологий, а включает в себя широкий спектр изменений в организационно-структурных аспектах государственного управления, операциях, механизмах системы публичного управления [5].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Цифровизация публичного управления представляет собой деятельность федеральных, региональных,

иных органов власти, а также органов местного самоуправления, образующих систему публичной власти, по управлению конкретными областями общественных отношений и отраслями экономики с применением цифровых и информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ).

Рассматривать трансформацию системы государственного и муниципального управления следует с применением системного подхода, существенно повышающего качество планирования и достижение поставленных правительством целей развития. Основываясь на системном подходе, публичное управление в цифровых условиях соответствует следующим направлениям:

- формирование в РФ цифрового пространства как совокупности цифровых инфраструктур, основанных на правовых нормах, механизмах организации, управления и использования. Создание единого виртуального пространства соответствует Указу Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» и обусловлено потребностью ревалоризации концептуального управления в стране, рационализации контроля информационных потоков для успешного использования сведений в государственных информационных системах (далее — ГИС) и информационных системах организаций с госучастием;

- предоставление населению государственных и муниципальных услуг в онлайн-форме с использованием информационно-коммуникационных технологий. Согласно Единому плану достижения национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., в рамках Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» на 01.01.2024 95% социально значимых услуг должны были быть переведены в цифровой формат. По словам замглавы Минцифры РФ О.Ю. Качанова, за 2022–2023 гг. 132 услуги уже оцифрованы [6]. При этом глава Минцифры РФ М.И. Шадаев 15.02.2023 представил Президенту РФ В.В. Путину скорректированные данные. По результатам первого этапа перевода государственных услуг в цифровой формат 204 услуги предоставляются в электронной форме (111 услуг оказывают федеральные ведомства, 93 — региональные ведомства и органы местного самоуправления) [7]. Преобразования связаны с внедрением единой цифровой платформы РФ «ГосТех», объединившей 60 тыс. представителей публичной власти и 7 тыс. властных структур, повысившей их уровень цифровизации;

- возникновение виртуальных структур существующих в реальности физических объектов (RT3D-,

XR- и AR-технологии). В научных кругах данное явление называется «цифровые двойники» (digital twin) и относится к различным сферам, в том числе к деятельности органов власти и их служащих. Концепция технологии появилась во второй половине XX в., практическое применение происходило позже ввиду неразвитости информационных технологий: с 2011 г. — в США, в начале 2022 г. — в РФ, после вступления в силу ГОСТ Р 57700.37-2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения». Согласно положениям Центра стратегических разработок, гражданин, идентифицируясь на госплатформе посредством «цифрового двойника», будет взаимодействовать с цифровой экосистемой и получать цифровые сервисы в соответствии со своими потребностями [8]. Иными словами, диалог «общество — государство» в цифровой плоскости будет выглядеть как «цифровой двойник гражданина — цифровой двойник органа власти/государственного служащего»;

- переход в цифровое пространство не только всей системы публичного управления, но и отдельных субъектов: коммерческих и некоммерческих организаций. Частному сектору отводится значимое место в разработке ИКТ для цифрового государства, однако за создание транспарентной политики и нормативной базы, обеспечивающей надлежащие условия развития, отвечают правительственные структуры;

- привлечение граждан РФ к решению вопросов общественной жизни в интернет-пространстве (цифровое участие) как новый принцип партиципативности или соучастия, включающий в себя фактор цифрового активизма, который, в свою очередь, направлен на проявление гражданской идентичности. Взаимодействие населения с органами публичной власти в интернете осуществляется в различных формах (категориях цифрового активизма). Классифицируя проявления цифрового активизма, Л.В. Милбрет (L.W. Milbrath) выделяет три категории: 1) зрительские действия (кликтивизм, метаголосование, утверждение); 2) транзитные действия (ботивизм, электронное финансирование, защита прав потребителей и цифровые петиции); 3) гладиаторские действия (активизм данных, хактивизм) [9].

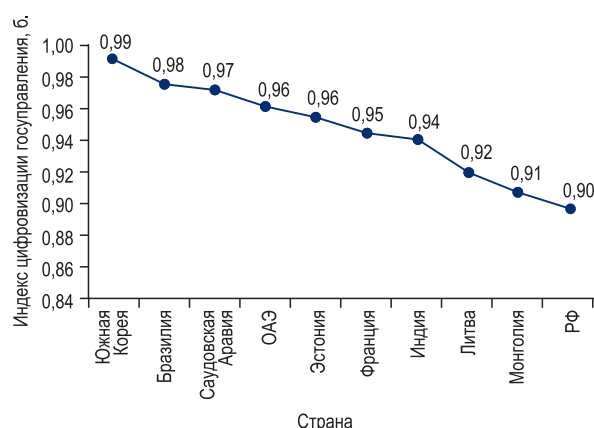
Согласимся с мнением А.Ю. Демидова и А.И. Лукашова о том, что цифровизация публичного управления заключается в создании общего национального цифрового пространства с одновременным подключением субъектов хозяйственной деятельности, где реализация властных полномочий, предоставление населению услуг и взаимодействие осуществляются цифровыми двойниками органов власти и служащих [10]. Около 30 лет назад данное положение вызвало бы скепсис

в обществе, но в условиях автоматизированных процессов современное общество близко к такому переходу.

Значение цифровизации для эффективности государственного управления определяется по существующим внутрироссийским методикам. В научных трудах предлагаются классификации, в частности: 1) по субъекту проведения (органы государственной власти; общественные объединения); 2) по объекту (оценка цифровизации субъектов РФ или отдельных отраслей экономики); 3) по целям (мониторинг конкретных показателей федеральных программ; комплексная оценка развития цифровизации) [11].

Авторы настоящей статьи не ставят своей целью анализ статистических данных по цифровизации сектора публичного управления с помощью указанных методик. Важно в общем виде понимать, какую роль играет цифровизация в функционировании институтов публичной власти. Согласно данным Всемирного банка GovTech Maturity Index 2022, из 198 стран Россия в 2022 г. вошла в группу стран с самым высоким рейтингом индекса цифровизации госуправления и заняла 10-е место, набрав 0,897 баллов (рис. 2) [12]. Наибольшее значение у РФ по субиндексу предоставления государственных услуг, развития цифровых госплатформ (PSDI — Public Service Delivery Index) — 0,960, наименьшее — по вовлеченности граждан в цифровое участие (DCEI — Digital Citizen Engagement Index) — 0,828.

Рис. 2. Топ-10 стран по цифровизации госсектора в 2022 г.

Показательны результаты исследования, проведенного Л.А. Василенко и соавторами в 2023 г., в ходе которого выявлено экспертное мнение служащих органов публичной власти в отношении трансформации системы публичного управления [13]. Представители властных структур отмечают значимые эффекты от цифровизации: повышается результативность деятельности государственных органов посредством

стандартизации и регламентации административно-управленческих процессов с применением цифровых сервисов; увеличивается производительность работы служащих по оказанию услуг населению.

Иными словами, цифровая трансформация выступает инструментом улучшения взаимодействия всех акторов общества посредством снижения административных барьеров. Государственные структуры установили запрос на изменение вектора от исключительно технологического к проактивному оказанию услуг с соблюдением принципов клиентоориентированности и персонализированности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Процесс становления современного цифрового публичного управления прошел длинный исторический путь. В развитии цифровизации можно выделить несколько стадий.

1-й этап (1994–2004 гг.) можно обозначить как «институционализация цифровизации государства». В конце XX — начале XXI в. государства, применяющие ИКТ, использовали термин «электронное правительство» (e-government), что получило нормативное отражение в НПА Европейского Союза и ООН. Отправной точкой для данного события послужило создание в 1994 г. первого в мире официального сайта органов власти в интернете (сайт Президента США Б. Клинтона: http://clinton1.nara.gov/White_House/). В том же году был создан электронный межведомственный обмен информацией (Net Results), включенный в 2000 г. в официальный путеводитель по государственной информации и услугам USAGov — www.usa.gov. США как основоположник концепции e-government способствовали переходу иных правительств к применению ИКТ в своей деятельности. Американский опыт был подхвачен прежде всего такими странами, как Германия, Япония, Республика Корея, Норвегия, Австралия.

Для анализа правительственных web-сайтов на предмет качества, актуальности функций и услуг в 2004 г. была разработана методика E-Participation Index. На основе расчета «индекса электронного участия» 20 лет назад эксперты заострили внимание на цифровом разрыве (неравенстве) обществ. В противовес действующим механизмам «решения» данной проблемы выступило массовое производство мобильных телефонов с доступом к интернету.

В России цифровизация госсектора получила отражение в федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)», однако низкий

уровень доступности сети «Интернет» (19% органов публичной власти и 1% госслужащих) стал барьером для ее надлежащей реализации. В результате программа не достигла поставленных целей, но, по словам тогдашнего министра информационных технологий и связи РФ А.Д. Реймана, она заложила основы для развития системы цифрового государства [14].

2-й этап (2005–2009 гг.) можно обозначить как «Сетевое правительство». Технологические инновации в сфере ИКТ и развитие преимуществ интернета от Web 1.0 к Web 2.0 позволили подключить к электронному правительству все объекты институциональной среды [15]. Целью создания своеобразной сети (Networked Government) выступало улучшение взаимодействия правительственных структур и населения, обозначенное в отчете США за 2008 г. [16]. В России действовала федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», по результатам реализации которой большая часть мероприятий была охарактеризована как решение узкоспециализированных технологических задач. Создать единую информационную и телекоммуникационную инфраструктуру системы публичного управления к 2006 г. не удалось. Новый вектор по реализации элементов инфраструктуры цифрового государства заложила Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года, ориентировавшая мероприятия на системный подход.

3-й этап (2010–2022 гг.) можно обозначить как «Цифровое государство» (Digital government). «Цифра» как автономная управленческая единица, включающая в себя менеджеральное решение, цель, задачи и итоговый продукт, «запустила» тренд на правительство как платформу. Переход от децентрализованной модели к единой интегрированной форме управления с предоставлением государственных онлайн-услуг посредством платформ и технических решений был отмечен в 2012 г. в отчете ООН «Электронное правительство для людей» [17].

4-й этап (2023 г. — настоящее время) характеризуется противоречивыми заявлениями экспертов. Одни считают, что переход к цифровому государству не завершен и третий этап «Цифровое государство» является составной частью второго — «Сетевое правительство». Другие, напротив, заявляют о завершении трансформации Digital government. По нашему мнению, цифровизация — длительный процесс, охватывающий все сферы институциональной структуры общества. Цифровая трансформация системы публичного управления взаимосвязана с процессами социальной, экономической и политической среды и проявляется в переходе государств от децентрализованной одноцелевой модели управления к интегри-

рованной единой модели, повышающей эффективность и качество управления. Однозначного ответа на вопрос, в каком виде предстанет государство в ближайшие 7–12 лет, дать невозможно ввиду непредсказуемости путей развития ИКТ.

ИКТ, представленные в большом количестве, не имеют границ в связи с их виртуальной природой. Без надлежащего правового регулирования правительства по всему миру утратили бы контроль над искусственным интеллектом (далее — ИИ), последствия стали бы фатальными: подрыв национальной безопасности, систематическое нарушение прав и свобод человека и гражданина, количественный рост преступлений с использованием ИКТ и ИИ.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследуя правовые основы цифрового публичного управления в РФ, следует упомянуть два актуальных для развития ИКТ документа. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22.07.2000,

принятая на саммите стран G8, и Декларация тысячелетия от 08.09.2000, утвержденная резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН, не являются для РФ юридически значимыми международно-правовыми актами. «Это же не организация, это так, клуб по интересам», — охарактеризовал Президент России В.В. Путин «большую семерку» [18]. Тем не менее данные документы закладывают концептуальные положения развития ИКТ, перехода к цифровому государству и новому типу общественных отношений.

В Российской Федерации предпосылками к становлению цифровой системы публичного управления выступают национальные стратегические документы. При формировании НПА правительственные структуры в основном выделяют сильные стороны цифровизации публичного управления как для органов власти, так и для российского общества, при этом проблемы зачастую нивелируются. Данное положение особенно актуально для работы. Слабые стороны стратегических документов РФ как один из элементов SWOT-анализа представлены в таблице.

Стратегические и программные документы РФ в области информатизации

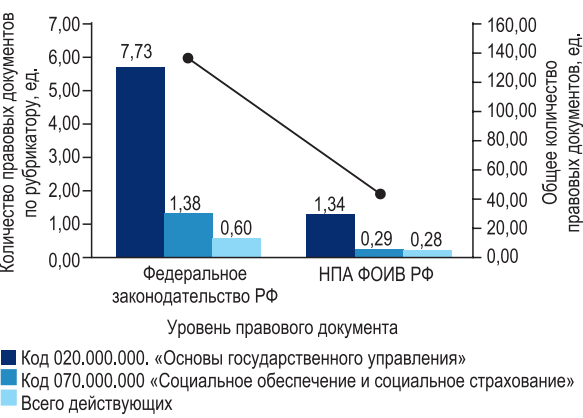
Наименование НПА	Характеристика
Концепция формирования информационного общества в России от 28.05.1999 № 32	Документ в общем виде обосновывает специфику перехода России к информационному обществу, определяет положения и устанавливает приоритеты государственной информационной политики
Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» от 28.01.2002 № 65	Реализация программы не способствовала улучшению качества взаимодействия государства и населения. Информационные системы дублировали традиционный бумажный документооборот
Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г. и план мероприятий по ее реализации от 27.09.2004 № 1244-р	Период исполнения концепции совпадал с мероприятиями в рамках ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)», задачи дублировались. Со стороны законодателя возникала необходимость неоднократного пересмотра положений НПА
Концепция региональной информатизации до 2010 г. от 17.07.2006 № 1024-р	Концепция абсолютно не учитывала особенности субъектов РФ. Территориальные различия и неравенство финансовых возможностей предопределили трудности, с которыми столкнулись регионы и их жители. Де-факто конституционные права граждан отдельных регионов на равный доступ к информации и получению услуг нарушались
Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212	Реализация Стратегии потребовала издания дополнительных НПА (например, для предотвращения угроз безопасности РФ в условиях цифровизации принята Доктрина информационной безопасности от 05.12.2016 № 646)
Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года от 06.05.2008 № 623-р	В 2009 г. Правительство РФ указало на отсутствие нормативно правового обеспечения для оказания населению электронных услуг как основной проблемы, препятствующей реализации концепции
Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» от 20.10.2010 № 1815-р	Программа оказалась в недостаточной степени гибкой и адаптированной к мировым тенденциям развития ИКТ. Положения документа дублировали иные государственные программы по внедрению ИКТ в деятельность органов власти
Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде от 25.12.2013 № 2516-р	Медленное внедрение электронных государственных услуг, низкая доля публикаций информации о деятельности органов власти, отсутствие действенного механизма перевода документов в цифровой вид, путаница и несогласованность в НПА — препятствия в достижении показателей концепции

Наименование НПА	Характеристика
Концепция региональной информатизации на 2014–2018 годы от 29.12.2014 № 2769-р	Концепция позволила скоординировать процесс информатизации в субъектах РФ после четырехлетнего отсутствия НПА. Несмотря на решение проблем по переводу услуг в электронный вид, в регионах остаются финансовый и кадровый дефицит, несогласованность действий ветвей власти
Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы от 09.05.2017 № 203	Предусматривает совершенствование законодательства в части включения в предмет правового регулирования новых информационных отношений

В таблице приведен лишь небольшой перечень фундаментальных нормативных правовых документов, заложивших основу для перехода РФ к цифровому обществу. На основе проведенного анализа НПА следует отметить, что основным барьером с 1999 г. по настоящее время на пути к качественной реализации концепций, программ, стратегий и информационной политики РФ в целом является дефектность законодательства: правовые коллизии, дублирование норм, нерациональное размещение норм в системе законодательства, избыточное правовое регулирование.

На 2024 г. на федеральном уровне разработано бессчетное количество НПА (законы, постановления, распоряжения, указы), под область регулирования которых подпадают цифровизация и ее составляющие. Основой для анализа российского законодательства выступил официальный сайт правовой информации России pravo.gov.ru. Критерием выборки послужил код классификатора правовых документов, подпадающий под область исследования, в соответствии с Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов» (рис. 3).

Рис. 3. Результаты анализа правовой базы Российской Федерации

Низкий уровень нормативной проработанности приводил и приводит к дублированию отдельных правовых статей и законов. Только понятийный аппарат в области цифровых правоотношений на 2025 г. от-

ражается в десятке НПА, например в федеральных законах от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Ежегодно в них вносятся изменения и дополнения, что обостряет путаницу и противоречивость законодательных норм, а широкая правоприменительная практика приводит к произвольному толкованию отдельных правовых положений.

В подкрепление данного положения сошлемся на Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», который был принят 22 года назад, когда ИКТ и интернетом пользовалось 9% населения РФ. Сегодня в закон внесено более 92 изменений и принято более 400 подзаконных актов, 50% которых были актуальными 10 лет назад.

Несмотря на обилие НПА в области информационной сферы, остаются неурегулированными важные аспекты. Отсутствуют критерии отнесения информационных систем к ГИС, общие юридические основы создания и развития цифровых платформ и экосистем, правовое сопровождение процессов эксплуатации ИИ, требования к инфраструктуре информационной безопасности, не закреплены гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при использовании цифрового профиля.

Анализируя российскую правовую базу по вопросам цифровизации системы публичного управления и отдельных ее элементов, авторы предлагают следующую классификацию (в скобках указано приблизительное количество существующих НПА):

- стратегические НПА в области информатизации — концепции, стратегии, национальные и региональные программы) (20 правовых документов);
- НПА, регулирующие технико-технологические аспекты информатизации (цифровую инфраструктуру), все операции с данными в РФ: 1) НПА по управлению данными (26 правовых документов); 2) НПА, закрепляющие концептуальные принципы совершения операций с данными (10 документов); 3) НПА о техническом регулировании управления данными (семь

правовых документов); 4) стандарты (ГОСТы) РФ в сфере управления данными (81 документ);

- НПА, устанавливающие порядок функционирования ГИС в России, в том числе область идентификации и аутентификации (27 документов);

- НПА в области осуществления цифрового взаимодействия представителей власти и населения: 1) НПА, регламентирующие принципы онлайн-взаимодействия (восемь документов); 2) НПА, регулирующие формы, каналы и технологии взаимодействия (23 документа); 3) НПА, закрепляющие механизмы осуществления взаимодействия как в традиционном, так и в инновационном видах (17 документов).

Безусловно, классификация нуждается в дополнительной проработке и детализации, однако является основой для дальнейшего исследования. Она определяет сферы правового регулирования деятельности органов публичной власти в условиях цифровизации и количество НПА. Следует также добавить отдельную категорию НПА в области конституционных прав и свобод граждан. Таким образом, на 2025 г. существует острая необходимость в систематизирующем документе с единым понятийным аппаратом и принципами регулирования для унификации правовых институтов и устранения административных барьеров — в Цифровом кодексе.

ЦИФРОВОЙ КОДЕКС:

СПАСЕНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ИЛИ ЕЕ КРАХ?

Цифровой кодекс — своеобразная «цифровая конституция», основанная на понимании киберпространства как трансграничной среды, где каждый гражданин участвует в определении правил функционирования и развития цифровой среды. Задача Кодекса состоит в упорядочивании в виртуальной реальности общественных отношений, которые можно подразделить на несколько уровней: 1) данные (цифровые данные и записи, цифровые ресурсы и реестры, сайты и приложения органов власти); 2) сервисы (цифровые и государственные сервисы, цифровые экосистемы); 3) системы (центры обработки данных, ГИС, системы ИИ). Многоуровневость регулирования обусловлена сложностью модели отношений в цифровой среде.

Цифровой кодекс будет способствовать укреплению и нормативному закреплению феномена «цифрового участия». Предполагается, что Кодекс будет не только наделять субъектов цифровых отношений соответствующими правами и обязанностями, но и формировать устойчивую нормативно-правовую связь между субъектами и цифровым гражданством или цифровой гражданской идентичностью.

Идея систематизации и кодификации законодательства в области цифровизации системы публично-

го управления (а вместе с ней ИКТ и информации) давно выдвигалась в российской юридической науке. Так, в 2014 г. И.А. Бачило совместно с группой коллег из Института государства и права Российской академии наук подготовили концепцию Информационного кодекса РФ [19]. В 2022 г. А.В. Минбалеев подчеркнул важность не просто развития информационного законодательства, а осуществления процессов упорядочивания правовых норм в сфере цифровизации на основе системного подхода [20].

В главе IV «Нормативное регулирование» Проекта стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года, разработанного Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России (опубликован 15.08.2023), обозначены краткосрочные (до одного года) и долгосрочные (5–10 лет) перспективы решения проблемы бессистемности законодательства. Парадокс заключается в том, что в ближайшее время планируется вновь вносить изменения в правовую базу РФ, а через пять лет основательно подойти к внедрению Цифрового кодекса как «акта, позволяющего сформировать стройную взаимосвязанную систему отраслевых правовых норм, регулирующих развитие и использование ИТ и инфраструктуры связи» [21].

Возникает вопрос: будет ли Цифровой кодекс актуален через 5–10 лет или придется искать новые пути для преодоления нормативного хаоса при стремительном внедрении цифровых средств и технологий в систему публичного управления? По мнению авторов, необходимо либо немедленно внедрять Цифровой кодекс, либо отказаться от этой идеи и с опережением предлагать новые решения, которые будут способствовать упорядочиванию НПА и устранению правовых дефектов.

Изучив опыт других стран, мы отмечаем, что зарубежные государства также стремятся к консолидации законодательства в области цифровой информации. Здесь можно говорить об отдельных успехах: от точечного регулирования информационной сферы до принятия фундаментальных НПА:

- Итальянская Республика — Цифровой административный кодекс 2005 г. (Codice dell'amministrazione digitale, 2005), регламентирующий вопросы цифрового взаимодействия органов публичной власти и населения, права населения на использование ИКТ, правовой режим работы с электронными данными [22];

- Канада — Закон об осуществлении Цифровой хартии 2022 г. (Digital Charter Implementation Act, 2022) [23];

- Республика Сингапур — Национальная программа создания цифрового государства 2020 г. (Digital Government Blueprint — DGB, 2020), закладывающая беспрепятственное внедрение электрон-

ных услуг населению, частному и правительственному секторам [24];

- Кыргызская Республика — Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики 2022 г., который регулирует систему отношений в виртуальном пространстве в определенных направлениях — от работы с цифровыми документами и сервисами до доступа пользователей цифровых систем к инфраструктуре [25];

- Федеративная Республика Германия — Закон о продвижении электронного Правительства 2015 г. (*Gesetz zur Forderung der elektronischen Verwaltung*, 2015), который призван упростить электронное взаимодействие и повысить качество предоставления государственных услуг [26].

Таким образом, различные страны находятся на разных этапах пути по консолидации и кодификации цифрового законодательства. Тем не менее мы наблюдаем действенные решения (зависящие от правовой системы и государственного строя), положения которых частично могут быть полезными для РФ после их необходимой модификации. При этом утверждение, что Россия отстает от других стран и находится на начальном этапе процесса систематизации НПА, — неуместно и необоснованно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, посвященное правовому регулированию системы цифрового публичного управления, позволяет сделать следующие выводы.

Переход РФ от традиционного типа правительства к новому, информационному государству и функционирование органов власти в условиях цифровизации с внедрением в свой арсенал множества ИКТ осуществлялось на фоне крайне запутанной правовой базы. Россия достигла высот во многих направлениях: оцифровка государственных услуг, повышение качества работы служащих органов власти, развитие блокчейн-систем, ИИ и онлайн-платформ для взаимодействия власти и общества. Тем не менее систематизация и проработка законодательных норм о цифровых технологиях и связанных с ними отраслях становится крайне необходимой. В этом контексте можно утверждать, что энергичное развитие ИКТ-сферы без надлежащего правового регулирования не только не позволит России продолжить путь цифровой трансформации, но и повлечет внешние и внутренние угрозы. Более того, вовлечение населения в принятие решений в сфере публичной политики в онлайн-пространстве замедлится, уровень доверия общества к органам власти опустится до минимума и станет критическим для властных структур.

В заключение следует отметить, что исследование цифровой трансформации системы публичного управления, правовых положений, а также отдельных аспектов изучаемой темы еще не окончено и требует дальнейшей теоретико-нормативной и методологической проработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черниченко Г.Н. Цифровые права в гражданском законодательстве: реалии и перспективы развития цифровых технологий применительно к охране результатов интеллектуальной деятельности // *Право и цифровая экономика*. 2019. № 1. С. 39–43.
2. Полнотекстовая база данных ScienceDirect // Elsevier. USA, 1997 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 07.12.24).
3. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019. Vol. 28 No. 2. P. 118–144.
4. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda. *Manag. Digit. Transform. Underst. Strateg. Process*. 2021. P. 13–66. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
5. Omar A., Weerakkody V., Daowd A. Studying transformational government: review of the existing methodological approaches and future outlook // *Government Information Quarterly*. 2020. Vol. 37. No. 2. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101458>
6. Минцифры перевело 132 социально значимые услуги в цифровой формат // *Российская газета: интернет-портал*. 2022. 18 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2022/08/18/mincifry-perevelo-132-socialno-znachimye-uslugi-v-cifrovoj-format.html?ysclid=lpionm2nhs94411261> (дата обращения: 27.11.2024).
7. Минцифры перевело в электронный вид более 200 социально значимых услуг / Федеральное казенное учреждение «Государственные технологии» (ФКУ «ГосТех»). 2023. 15 февр. [Электронный ресурс]. — URL: <https://platform.gov.ru/news/minczifry-perevelo-v-elektronnyj-vid-bolee-200-soczialno-znachimyh-uslug/?ysclid=lrifrrscb811540822> (дата обращения: 27.11.2024).
8. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 351 с.
9. Milbrath L.W. *Environmentalists, Vanguard for a New Society*. Albany. State University of New York Press, 1985.

10. Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1 (129). С. 28-34. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34
11. Цифровизация публичного управления: учеб. пособие / С.Н. Костина, Д.Л. Сиволов, Г.А. Банных и др.; под общ. ред. С.Н. Костиной. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 111 с. ISBN 978-5-7996-3570-1
12. WBG GovTech Maturity Index 2022 Update: Trends in Public Sector Digital Transformation // World Bank. Washington, DC, 2022.
13. Боев Е.И., Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровизация публичного управления: экспертная рефлексия проблем и вызовов // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 4–12. DOI 10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12
14. Леонид Рейман: «Я помогал решать вопросы государству» // Группа компаний ComNews — лидер рынка информации о российском ИКТ-бизнесе. 2024. 12 янв. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.comnews.ru/content/50469> (дата обращения: 12.12.2024).
15. Итинсон К.С. WEB 1.0, WEB 2.0, WEB 3.0: этапы развития веб-технологий и их влияние на образование // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 19–21. DOI: 10.26140/knz4-2020-0901-0005
16. United Nations e-Government Survey 2008 From e-Government to Connected Governance. [Electronic resource]. — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/04/UN_E-Government-Survey-2008.pdf?ysclid=lrasi1anuy796645606 (date of access 01/12/2024).
17. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People. [Electronic resource]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012Survey/Complete-Survey.pdf> (date of access 01/12/2024).
18. Владимир Путин назвал G7 клубом по интересам и пожелал ему успехов // ГоворитМосква.ру: сетевое издание, 2015. 10 июня [Электронный ресурс]. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/41989/?ysclid=lpjrv6doux863013070> (дата обращения: 27.11.2024).
19. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило; Институт государства и права РАН. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. 192 с. ISBN 9 78-5-88373-409-9
20. Минбалева А.В. Проблемы цифрового права: учеб. пособие. Саратов: Амирит, 2022. 233 с. ISBN: 978-5-00207-136-4
21. В России началось обсуждение «Цифрового кодекса», который приведет в порядок законодательство в ИТ и связи // CNews: сетевое издание. 2023. 8 нояб. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/20231108_v_pravitelstve_nachalos?ysclid=lrasn81qn630671388 (дата обращения: 27.11.2024).
22. DECRETO LEGISLATIVO 7 marzo 2005, No. 82 — Codice dell'amministrazione digitale. (G.U.16 maggio 2005, N. 112 S. O. No. 93). [Electronic resource]. — URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/pdf/codiceamministrazionedigitale.pdf?ysclid=lravlvx5c8206192068> (date of access 01/12/2024).
23. Bill C-27 Digital Charter Implementation Act, 2022 [Electronic resource]. — URL: https://www.unicef.ca/sites/default/files/2023-02/2023_Feb_UNICEF_Canada_Bill_C27.pdf (date of access 01/12/2024).
24. Digital Government Blueprint — DGB, 2020. [Electronic resource]. — URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/dgb-public-document_30dec20.pdf (date of access: 01.12.2024).
25. Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики // Министерство цифрового развития Кыргызской Республики Digital. gov. kg. 2023. 1 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (дата обращения: 27.11.2023).
26. Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung in Nordrhein-Westfalen (E-Government-Gesetz Nordrhein-Westfalen — EGovG NRW), 2015. [Electronic resource]. — URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=73520171220150354215 (date of access 01/12/2024).

REFERENCES

1. Chernichkina G.N. Cifrovye prava v grazhdanskom zakonodatel'stve: realii i perspektivy razvitiya cifrovyyh tehnologiy primenitel'no k ohrane rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti // Pravo i cifrovaja jekonomika. 2019. No. 1. S. 39–43 (in Russian).
2. Polnotekstovaya baza dannih ScienceDirect // Elsevier. USA, 1997 [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/> (data obrashheniya: 07.12.24).
3. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28. No. 2. P. 118–144.
4. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda. Manag. Digit. Transform. Underst. Strateg. Process. 2021. P. 13–66. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
5. Omar A., Weerakkody V., Daowd A. Studying transformational government: a review of the existing methodological approaches and future outlook // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37.

- No. 2. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101458>
6. Mincifry perevelo 132 social'no znachimye uslugi v cifrovoj format // Rossijskaja gazeta: internet-portal. 2022. 18 avg. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rg.ru/2022/08/18/mincifry-perevelo-132-socialno-znachimye-uslugi-v-cifrovoj-format.html?ysclid=lpionm2nhs94411261> (data obrashhenija: 27.11.2024).
 7. Mincifry perevelo v jelektronnyj vid bolee 200 social'no znachimyh uslug // Federal'noe kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennye tehnologii" (FKU "GosTeh"). 2023. 15 fevr. [jelektronnyj resurs]. — URL: <https://platform.gov.ru/news/mincifry-perevelo-v-elektronnyj-vid-bolee-200-soczialno-znachimyh-uslug/?ysclid=lralfirrs cb811540822> (data obrashhenija: 27.11.2024).
 8. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlja cifrovoj jekonomiki. Cifrovaja transformacija / M. Petrov, V. Burov, M. Shklyaruk, A. Sharov; Centr strategicheskikh razrabotok. M., 2018. 351 s. (in Russian).
 9. Milbrath L.W. Environmentalists, Vanguard for a New Society. Albany // State University of New York Press, 1985.
 10. Demidov A.Ju., Lukashov A.I. Otdel'nye podhody k cifrovoj transformacii gosudarstvennogo upravlenija // Gosudarstvennaja sluzhba. 2021. T. 23. No. 1 (129). S. 28–34. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34 (in Russian).
 11. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: ucheb. Posobie / S.N. Kostina, D.L. Sivovolov, G.A. Bannyh I dr.; pod obshh. red. S.N. Kostinoj. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet, 2022. 111 s. ISBN 978-5-7996-3570-1 (in Russian).
 12. WBG GovTech Maturity Index 2022 Update: Trends in Public Sector Digital Transformation // World Bank. Washington, DC, 2022.
 13. Boev E.I., Zotov V.V., Vasilenko L.A. Cifrovizacija publicnogo upravlenija: jekspertnaja refleksija problem i vyzovov // Cifrovaja sociologija. 2023. T. 6. No. 1. S. 4–12. DOI 10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12 (in Russian).
 14. Leonid Rejman: "Ja pomogal reshat' voprosy gosudarstvu" // Gruppa kompanij ComNews — lider rynka informacii o rossijskom IKT-biznese. 2024. 12 janv. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.comnews.ru/content/50469> (data obrashhenija: 12.12.2024).
 15. Itinson K.S. WEB 1.0, WEB 2.0, WEB 3.0: jetapy razvitija veb-tehnologii i ih vlianie na obrazovanie // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2020. T. 9. No. 1 (30). S. 19–21. DOI: 10.26140/knz4-2020-0901-0005
 16. United Nations e-Government Survey 2008 From e-Government to Connected Governance [Elektronnyj resource]. — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/04/UN_E-Government-Survey-2008.pdf?ysclid=lrasi1anuy796645606 (date of access 01/12/2024).
 17. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People [Elektronnyj resource]. — URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/Complete-Survey.pdf> (date of access 01/12/2024).
 18. Vladimir Putin nazval G7 klubom po interesam i pozhelal emu uspehov // GovoritMoskva.ru: setevoe izdanie. 2015. 10 ijunja [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/41989/?ysclid=lpjpv6doux863013070> (data obrashhenija: 27.11.2024).
 19. Koncepcija Informacionnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. I.L. Bachilo; Institut gosudarstva i prava RAN. M.: Kanon+, ROOI "Reabilitacija", 2014. 192 s. ISBN 9 78-5-88373-409-9 (in Russian).
 20. Minbaleev A.V. Problemy cifrovogo prava: ucheb. posobie. Saratov: Amirit, 2022. 233 s. ISBN: 978-5-00207-136-4 (in Russian).
 21. V Rossii nachalos' obsuzhdenie "Cifrovogo kodeksa", kotoryj privedet v porjadok zakonodatel'stvo v IT i svjazi // CNews: setevoe izdanie. 2023. 8 nojab. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/20231108_v_pravitelstve_nachalos?ysclid=lrasn81qn630671388 (data obrashhenija: 27.11.2024).
 22. DECRETO LEGISLATIVO 7 marzo 2005, No. 82 — Codice dell'amministrazione digitale. (G.U. 16 maggio 2005, No. 112 — S. O. No. 93) [Elektronnyj resource]. — URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/pdf/codiceamministrazionedigitale.pdf?ysclid=lravlvs5c8206192068> (date of access 01/12/2024).
 23. Bill C-27 Digital Charter Implementation Act, 2022 [Electronic resource]. — URL: https://www.unicef.ca/sites/default/files/2023-02/2023_Feb_UNICEF_Canada_Bill_C27.pdf (date of access 01/12/2024).
 24. Digital Government Blueprint — DGB, 2020 [Elektronnyj resource]. — URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/dgb-public-document_30dec20.pdf (date of access 01/12/2024).
 25. Proekt Cifrovogo kodeksa Kyrgyzskoj Respubliki // Ministerstvo cifrovogo razvitija Kyrgyzskoj Respubliki Digital.gov.kg. 2023. 1 avg. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (data obrashhenija: 27.11.2024).
 26. Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung in Nordrhein-Westfalen (E-Government-Gesetz Nordrhein-Westfalen — EGovG NRW), 2015. [Elektronnyj resource]. — URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=73520171220150354215 (date of access 01/12/2024).

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ «МЕДИЙНОСТИ» ОБЩЕСТВА¹ THE MODERN PARADIGM OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE “MEDIA” SOCIETY

Анна Владимировна БЕЛЯКОВА

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
belyakova.av@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4241-4511

Информация об авторе

А.В. Белякова — ведущий научный сотрудник центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Аннотация. В данной статье парадигма рассматривается в традиционном смысле — как «пример, модель, образец» применительно к теме исследования. Позиция автора заключается в том, что происходящая повсеместная цифровизация сфер государственного управления и общественной жизни влияет на трансформацию «концептуального» содержания правосудия в современном обществе в частности, и в правовой системе в целом. Эти изменения обусловлены не только технологическим прогрессом, но и геополитическими факторами. Развитие высокотехнологичных продуктов, рост спроса на инновационные решения и формирование новых экономических связей требуют переосмысления общественных отношений в условиях цифровизации. Стремительное развитие и распространение глобальной сети «Интернет», появление и распространение персональных компьютеров, мобильной связи и смарт-

- фонов не только трансформируют форму передачи информации, но и изменяют саму суть общественных, экономических, политических отношений. Проникновение информационно-коммуникационных технологий в сферу массовой коммуникации привело в обществе к интеграции процессов информатизации и медиатизации, которые вместе стали трансформировать реализацию общественных отношений. Правосудие и судебная система не являются в данном контексте исключением, поэтому автор рассматривает формирование «новой модели отправления правосудия».

Проанализированы влияние цифровизации на судопроизводство, организационно-технические аспекты функционирования судебных информационных систем и формирование образа суда и судей в СМИ и в цифровой среде. Рассматриваются вопросы обмена и распространения информации о правосудии в традиционных и сетевых изданиях, а также влияние новых информационных сервисов на судебную систему.

- **Ключевые слова:** парадигма, общественные отношения, правосудие, правовая система, судебная система, судебное право, цифровизация, медиатизация, информационно-коммуникационные технологии, судопроизводство, образ суда и судей, информационные сервисы

- **Благодарности.** Автор выражает признательность организаторам ежегодной международной научно-практической конференции «Медиаправо», особенно Кафедре ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, а также сердечно благодарит профессора Михаила Александровича Федотова и профессора Руслана Александровича Будника за предоставленную возможность принять участие в работе конференции и выступить на ней с докладом.

¹ Данная научная статья подготовлена по итогам выступления с докладом на тему: «Современная парадигма правосудия в условиях медиатизации общества» на XXXIII Международной научно-практической конференции «Медиаправо-2024», состоявшейся в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» 12–13 декабря 2024 г.

Для цитирования: Белякова А.В. Современная парадигма правосудия в условиях «медийности» общества // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 39–48; DOI: 10.17323/tis.2025.27358

Anna V. BELYAKOVA

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, belyakova.av@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4241-4511

Information about the author

A.V. Belyakova — Leading Researcher at the Center of Judicial Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Abstract. In this paper, the term “paradigm” is used in its traditional sense, referring to an example, model, or sample with respect to the topic under discussion. The author argues that widespread digitization of public administration and everyday life is leading to a transformation in the conceptual content of justice in modern society, especially in the legal system. This change is not only due to technological advances, but also to geopolitical factors. The development of high-tech products, increased demand for innovative solutions, and the formation of new economic connections require a re-evaluation of public relations in the light of digitalization. The rapid growth and expansion of the global Internet, as well as the emergence of personal computers, mobile communications, and smartphones are transforming not only the way information is transmitted but also the nature of social, economic and political interactions. The integration of information and communication technologies into mass communication has led to the convergence of informatization and media processes within society, transforming the way of conducting public relations. This trend has implications for justice and the judicial system. The author considers the “paradigm of modern justice” as a “new model of administration of justice”.

The impact of digitalization on judicial proceedings, the organizational and technical aspects of judicial information systems, and the image of courts and judges in media and digital environments are analyzed. Issues related to the exchange and dissemination of information on justice in both traditional and online media, as well as the influence of new information services on the justice system, are also considered.

Keywords: paradigm, public relations, justice, legal system, judicial system, judicial law, digitalization, mediatization,

- information and communication technologies, judicial
- proceedings, image of the court and judges, information
- services
- **Acknowledgements.** The author expresses her gratitude
- to the organizers of the annual international scientific and practical conference “Media Law” and special thanks to the
- UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights, and also hearty gratitude to Professor
- Mikhail Alexandrovich Fedotov and Professor Ruslan Alexandrovich Budnik for the opportunity to participate and speak at this event.

For citation: Belyakova A.V. The modern paradigm of justice in the context of the “media” society // Trudi po Intellectuальноy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 39–48; DOI: 10.17323/tis.2025.27358

Стремление к коммуникации обусловлено человеческой природой. Взаимодействие индивидов по вопросу создания более комфортных условий жизнедеятельности имеет длительную историю и привело к построению не только разного рода общественных институтов, но и государств в целом. Каждый исторический период развития национальных обществ характеризуется особенностями не только реализации социально-экономических отношений, но и взаимодействия и коммуникации индивидов как на профессиональном, деловом, так и на личностном и межличностном уровнях.

Современное национальное общество и человечество в целом прошли длительный путь трансформации в развитии коммуникативных и медийных навыков. Стремительное внедрение и повсеместное распространение информационных технологий (далее — ИТ-технологии) изменило не только формы и объем передачи данных, сведений и информации, но и культуру взаимодействия и восприятия индивидов. Под воздействием формируемого современного технологического уклада общества меняются способы ведения переговоров и встреч, трансформируются деловая и профессиональная среда, средства массовой информации (далее — СМИ), формы и способы передачи информации, взаимодействия с целевой аудиторией и т.д.

Переход от традиционного теле- и радиовещания к сетевой передаче данных и информации произошел в течение достаточно непродолжительного времени. Отдельно следует отметить, что это характерно для городских агломераций с высокой плотностью населения, в частности мегаполисов и крупных городов.

Нельзя утверждать, что на всей территории России существует бесперебойная телекоммуникационная связь и подключение к глобальной сети «Интернет». Это обусловлено территориальными факторами, а именно особенностями развития периферии, социально-экономическим распределением ресурсов в современном национальном обществе. Поэтому в данной статье анализируются особенности медийного общества в условиях технологичного развития индивидов применительно к крупным городским агломерациям.

Профессор М.А. Федотов в научной работе «Киберпространство как сфера обитания права» (1999) [1] обозначил прогнозы развития «киберпространства», которые не потеряли своей актуальности и приобрели новый оттенок. Отмечается также, что существуют риски формирования и развития в обществе «цифрового неравенства», которое может не только порождать дополнительные судебные разбирательства, формирование среды правовой неопределенности для заинтересованных лиц, но и создавать неравенство в доступе к высокотехнологичным продуктам и сервисам [1–3]. Этот вопрос требует дополнительных отдельных исследований и не является предметом изучения в данной работе.

МЕДИАРЕСУРСЫ И ПРАВОСУДИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ [4]

Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2141-1 «О средствах массовой информации» (далее — Закон «О средствах массовой информации») [5] установлен закрытый перечень средств массовой информации, которые условно можно охарактеризовать как традиционные: это периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) (ст. 2 Закона «О средствах массовой информации»). В ст. 2 данного нормативно-правового акта приведены основные понятия.

Для целей настоящей статьи представляет интерес понятие «сетевое издание», под которым понимается интернет-сайт, зарегистрированный в качестве СМИ. Этот термин был внесен в данный нормативный акт в 2011 г. [6]. Таким образом, законодателем четко регламентировано содержание СМИ в действующем законодательстве. Кроме того, необходимо отметить ряд других нормативно-правовых актов, регламентирующих смежные правоотношения в данной области. К ним относятся Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Современные общественные и экономические отношения отличаются ускоренным темпом развития «цифровизации» и «информационных технологий», что не позволяет законодателю с той же скоростью обновлять нормативно-правовую базу, поэтому все чаще в правоприменении возникают вопросы, требующие устранения правовой неопределенности действующего законодательства.

При этом в настоящее время существуют и иные современные «информационные ресурсы», позволяющие передавать и распространять сведения, информацию или иные данные в глобальной сети «Интернет». К ним относятся аудио- и видеоблоги, подкасты, телеграм-каналы, содержащие аудио- и видеоряда, а также социальные сети различного рода (паблики, форумы, личные страницы в социальных сетях), статьи в несетевых изданиях и многие иные формы передачи и распространения информации в интернете. Таким образом, в настоящее время с помощью развития разноплановых цифровых сервисов и продуктов существует достаточное количество возможностей для передачи и распространения информации, достоверность и объективность которой требует тщательной проверки.

Взаимодействие судебной власти и СМИ регламентируется на законодательном уровне. Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [7] устанавливаются особенности предоставления информации о деятельности национальных судов. Отдельные положения данного нормативно-правового акта конкретизируются в статьях Кодекса судейской этики, утвержденного 19.12.2012 на VIII Всероссийском съезде судей (далее — Кодекс судейской этики) [8], а именно в ст. 13 регламентируется порядок взаимодействия каждого конкретного судьи со СМИ, а в п. 4 ст. 14 (была введена в действие 01.12.2022) [9] устанавливается требование о том, что при использовании ИКТ, включая социальные сети и иные способы телекоммуникации, судьи должны подчиняться требованиям Кодекса судейской этики.

Два года назад было принято заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 24.05.2023 № С/КЭ-4 «О возможности судьи размещать научно-практические публикации по правовым вопросам в веб-приложениях “Яндекс” и “Телеграм”» (далее — заключение Комиссии) [10], в котором разъясняют-

ся вопросы, связанные с ведением личных аккаунтов в указанных цифровых сервисах, популяризацией права и законодательства. Интересно, что в данном заключении Комиссии ведение личных страниц судей в указанных веб-приложениях соотносится с опубликованием статей и текстов в научных и научно-популярных журналах и сборниках, что не совсем верно, поскольку в настоящее время любое веб-приложение, любую информационную систему можно не только «декодировать» третьим лицам, но и использовать недобросовестным (злонамеренным) образом. Поэтому данный момент требует более тщательной проработки.

Это обусловлено в том числе систематически возникающими в информационном пространстве вопросами по направленно проводимой дискредитации правосудия или отдельных представителей национальной судебной системы. В частности, на это обращалось внимание в развернутом дискуссионном материале «Скандализация правосудия» [11], в котором был отмечен не теряющий актуальности вопрос о том, что в настоящее время продолжает формироваться феномен «подрыва авторитета судебной власти посредством создания и распространения необоснованной критики в адрес судебной системы, суда или отдельных судей в информационном пространстве с целью насаждения в общественных массах негативного восприятия современного правосудия».

Информационно-телекоммуникационные системы обеспечивают мгновенный сбор и распространение данных, создавая эффект информационного перенасыщения: чем больше информации поступает, тем менее актуальной и достоверной она воспринимается. В результате пользователи продолжают искать новые сведения по интересующей их теме или объекту.

Специалистам в области продвижения в интернете известны определенные механизмы запуска и промоушна информации. Это не только создание «всплывающих окон» (рекламные баннеры в поисковых информационных системах), но и отзывы пользователей, создание «реальных историй» и т.п.² При этом возникает вопрос о достоверности предоставляемых сведений и информации, так как недобросовестная конкуренция может выражаться и в форме создания негативного образа в интернете. Кроме того,

² Например, в последнее время распространено такое явление, как оставление отзыва на маркетплейсах или на специализированных сайтах (типа «Отзовик.ру»), где все «неравнодушные» могут поделиться своим положительным или отрицательным впечатлением о товаре, услуге, магазине и так далее, то есть происходит формирование образа посредством чужого, субъективного, оценочного суждения, что не совсем верно, так как достоверность и объективность являются также субъективными, оценочными суждениями.

личные мотивы, а также мотивы субъективного характера также могут быть реализованы посредством создания целенаправленного негативного имиджа чего-либо или кого-либо. Таким образом происходит формирование искаженных образов в восприятии не только потребителей и отдельных индивидов, но и в массовой культуре, что в итоге негативно влияет на правосознание и правовую культуру граждан.

К примеру, информационно-поисковые системы, такие как «Яндекс» и другие аналогичные системы, позволяют оставлять отзывы на те или иные объекты, указанные на «Яндекс Картах». Если внести наименование того или иного суда Москвы или любого иного крупного города России в указанной поисковой системе, то представится возможность ознакомиться с достаточным количеством негативно-оценочных субъективных суждений заинтересованных лиц, которые, не обладая профессиональными юридическими знаниями, оставляют в интернете негативные отзывы о личном опыте взаимодействия с судебной системой, создавая и формируя для целевой аудитории негативный «медиаобраз» современного правосудия. При этом данные лица или группы лиц, не обладая знаниями о праве, государстве, государственном устройстве, судоустройстве, правовой системе и иными специальными знаниями, воспринимают судебные органы не как судебную власть, а как организации на «уровне оказания судебных услуг», что не только неверно, а недопустимо. Это может привести к накопительному эффекту и создать дополнительные социальные противоречия в обществе.

Отдельные аспекты данной проблемы были рассмотрены в диссертационном исследовании Е.А. Поворовой на тему: «Медиатизация судебной власти с позиций постклассической теории права» [12], а также в ряде ее научных публикаций по рассматриваемой проблематике [13, 14]. При этом организационно-технические аспекты данной проблемы еще ждут своего исследования и решения.

Представляет интерес одобренная Советом судей РФ 05.12.2019 Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (далее — Концепция) [15]. Данный документ формирует информационную политику судебной системы, выделяет основные мероприятия для достижения следующих целей: повышение уровня доверия к судебной системе; формирование благоприятного имиджа органов судебной власти; объективное освещение деятельности судов в СМИ; совершенствование способов доступа к информации о деятельности судов для заинтересованных лиц и представителей СМИ; открытость и гласность судопроизводства, а также гармонизация отношений судебной власти и обще-

ства. Концепция призвана оптимизировать взаимодействие судебного сообщества с представителями СМИ, в том числе и с сетевыми изданиями.

Примем во внимание, что как юриспруденция, так и журналистика находятся в плоскости общественных наук, охватывают знания об обществе [16] и требуют разбираться в смежных областях. Для успешной реализации современных профессиональных компетенций необходимо развивать междисциплинарный подход. Современные специалисты должны обладать разноплановыми компетенциями, в том числе знаниями в смежных областях.

Юриспруденция как сфера профессиональной деятельности призвана упорядочивать социально-экономические отношения, вносить ясность и четкость в совершение тех или иных действий заинтересованных лиц и субъектов при реализации собственной или чужой воли, это осуществляется посредством как законов, так и обычаев делового оборота.

В свою очередь, СМИ имеют иные цели и задачи: к ним относятся не только передача информации и освещение происходящих событий, но и, как уже было выше отмечено, формирование сознания в общественных массах путем создания и распространения тех или иных сведений, особенно в современной действительности, когда существует достаточное количество «цифровых» сервисов и других высокотехнологичных инструментов по формированию и распространению информации. Это является следствием того, что IT-технологии стремительно захватывают все новые области и сферы реализации, а правовая система не успевает адаптироваться к новым условиям в реализации социально-экономических отношений.

Проблема соотношения медиаресурсов и современного правосудия заключается в том, что право как система правовых норм, регулирующих общественные отношения, стремится объективно и равнозначно оценивать происходящие события через призму соотношения прав, обязанностей и ответственности всех заинтересованных лиц. Возникновение тех или иных прав накладывает также обязанности и влечет ответственность, это неразрывная «триада» реализации правоотношений, где существует строгая и последовательная регламентация на уровне национального законодательства, где фактические обстоятельства, а именно факты или действия (в отдельных случаях бездействие) имеют существенное значение.

В профессиональной деятельности юристов не принято отражать те или иные эмоции, придавать эмоциональный окрас происходящим событиям; важное значение имеют доказательственная база, установление фактов и обоснование позиции на основе имеющихся доказательств и правовой базы. Иными

словами, правовая позиция по делу должна быть аргументирована, обоснована и подкреплена имеющимися доказательствами.

СМИ — это не только освещение тех или иных событий, но и формирование устойчивых образов в сознании индивидов посредством специальных знаний и навыков, в том числе с помощью применения различного рода психологических и стилистических техник. В профессиональной деятельности журналистов присутствуют как эмоциональный окрас произошедших или освещаемых событий, фактов и так далее, так и субъективные оценочные суждения, которые могут в отдельных случаях придавать событиям и фактам более «яркий оттенок», а в других случаях — определенным образом их интерпретировать. Это является спецификой данного рода профессиональной деятельности.

При этом необходимо отличать официальные СМИ, в том числе официальные сетевые издания, от иных информационных ресурсов, которые имеют иные цели и задачи, но при этом создают дискреционные начала как в медийной области, так и в иных сферах.

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ В УСЛОВИЯХ «МЕДИАТИЗАЦИИ» И «ЦИФРОВИЗАЦИИ». ПОСЛЕДСТВИЯ ПОДМЕНЫ ПОНЯТИЙ ДЛЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Понятийно-категориальный аппарат, используемый в профессиональном сообществе, имеет важное значение не только для научного дискурса, но и для практической деятельности.

Роль и значение медиаресурсов нельзя ни переоценивать, ни недооценивать, поскольку СМИ в течение длительного периода времени не только были источником передачи информации и распространения тех или иных сведений о людях, событиях, исторических местах, но и формировали массовое сознание, массовую культуру, способствовали как централизации, так и децентрализации общества на отдельных территориях и в отдельные исторические периоды.

В связи с повсеместным засилием разноплановых информационно-коммуникационных технологий изменяется и трансформируется профессиональный, научный и производственный стиль изложения и восприятия. Отсутствует ясность в используемых понятиях, категориях и терминах в СМИ, которые интерпретируют и излагают их с разных точек зрения, что приводит к увеличению числа оценочных и субъективных суждений. Однако такой подход не всегда верен, поскольку рассмотрение и разрешение той

или иной категории дел требует точности и ясности в понимании представленных доводов, доказательств и иных материалов. В противном случае может возникнуть необходимость проведения дополнительных экспертиз или привлечения узкопрофильных специалистов.

Поэтому необходимо гармонизировать данную сферу путем разработки и принятия единого понятийно-категориального аппарата в целях его дальнейшего использования, также существует объективная необходимость проведения «мониторинга понятийного аппарата» для устранения тех или иных противоречий в нормативно-правовой базе и гармонизации современной правовой и социальной действительности.

Современные медиаресурсы помимо прочего формируют те или иные представления в политико-правовой плоскости с учетом отдельных характеристик, в результате чего происходит не только подмена понятий, используемых и применяемых в праве и юриспруденции, но и смещение ценностных установок и ориентиров в массовом сознании. Это является повсеместным явлением, которое усложняется в связи с большим количеством формируемого медиаконтента для целевых аудиторий. Примером может служить искажение представлений у общества и целевой аудитории об экспертах, экспертной деятельности и специалистах в той или иной сфере профессиональной деятельности. То есть происходят искажение и подмена понятий, формирование ложных представлений на основе популярного медиаконтента, распространяемого медиаресурсами.

В рассматриваемом контексте автор подразумевает под медиаресурсами всю совокупность современных источников передачи, обобщения и распространения информации, так как в зависимости от целевой аудитории, возрастных и социальных групп различаются и медиаконтент, и способ его получения.

«Медийность» судебной власти означает, по мнению автора, создание и поддержание образа в интернете путем запуска и поддержания единого информационного пространства.

Такие термины, как «медиатизация», «медиаправо», «информатизация» и «машиночитаемое право», становятся все более распространенными и используются в научном сообществе, правовых актах и средствах массовой информации. При этом их смысловая нагрузка может значительно различаться в зависимости от контекста.

Для системы правосудия это имеет особое значение, так как медиатизация и информатизация судебной системы проходит уже не первый виток. При этом медиатизация и информатизация, с одной стороны, соотносятся между собой, а с другой стороны,

имеют различные природу, последствия и содержание. В связи с этим в рассматриваемой проблематике необходимо обратить внимание на реализацию нескольких основных моментов.

Во-первых, это этические и профессиональные аспекты судебной деятельности как в рабочее, так и в свободное время и их освещение в СМИ с использованием правильного терминологического аппарата.

Во-вторых, открытость, гласность и доступность информации о деятельности судов и специфике судебной системы в СМИ.

В-третьих, независимость судебной системы, в том числе от общественного мнения и целенаправленной критики со стороны третьих лиц.

В рассматриваемой области правовой конфликт может возникнуть в любом из этих аспектов.

Медиатизация современного общества как переход от печатного издания до телеграм-канала — это маленький шаг или **большой прыжок в развитии СМИ? Каковы последствия для судебной системы?**

Последние два десятилетия повсеместной цифровизации изменили не только реализацию социально-экономических отношений, но и восприятие передачи информации. Традиционно СМИ воспринимались как печатные издания, радио- и телевидение, но теперь крайне редко можно встретить человека с печатной книгой или бумажным экземпляром газеты «Коммерсантъ». В настоящее время печатные издания, будь то книги или газеты, а также чашка кофе или модный «девайс», чаще всего становятся антуражем для модных фотосессий или создания медиаобраза в социальных сетях или иных пабликах в целях продвижения и популяризации своего личного бренда или иного продукта.

С одной стороны, это веяние времени и поступательного развития нашего общества, когда от технологизации происходит поступательный переход к информатизации, а с другой стороны, это визуализация передачи информации, которая кодируется посредством разного рода современных объектов материального мира.

Если в начале 2000-х годов, чтобы подготовить научную статью, необходимо было обратиться в Российскую государственную библиотеку, то теперь достаточно выйти в интернет, правильно ввести запрос и выбрать необходимые источники.

Данные примеры призваны проиллюстрировать, с одной стороны, как изменилась жизнь современного жителя мегаполиса, а с другой, как модернизируются общественные отношения, профессиональные навыки и деловая среда. Оптимизация и упрощение отдельных процессов — это объективная реальность. В то же время мы наблюдаем за формированием па-

раллельных процессов, последствия которых мы сможем оценить лишь с течением времени.

Таким образом, формируемый медиаресурсами образ современного правосудия направлен на создание определенных представлений о судебной системе, судьях, судебном процессе для той или иной целевой аудитории [16]. В зависимости от контекста он может быть сформирован как в негативном, так и в позитивном ключе. В связи с этим необходимо создавать и развивать аккредитованные официальные СМИ, в том числе и сетевые, для поддержки целостного положительного медиаобраза современного национального правосудия.

В рассматриваемом аспекте немаловажна проблематика в области формируемого массмедиа «доверия к судебной власти», на что, в частности, обращает внимание А.В. Кротов [17].

В большинстве случаев освещаются и тиражируются именно негативные, отрицательные формы реализации судебной деятельности, что представляется не совсем верным. Ранее уже было отмечено, что помимо официальных сетевых изданий существуют и иные формы передачи информации в интернете, что позволяет формировать имидж чего-либо или кого-либо. Это связано с тем, что «цифровые инструменты и виртуальное пространство» как среда реализации общественных и иных форм отношений менее урегулированы и более подвержены созданию устойчивых форм и образов.

Судьи как представители судебной власти, в том числе и вне рабочего времени, наиболее уязвимы при взаимодействии со СМИ, на что, в частности, обращает внимание О.В. Романовская [18]. Таким образом, судья остается судьей и во вне рабочее время, его профессиональная деятельность не позволяет разграничивать служебное и внеслужебное время, так как он находится под пристальным вниманием заинтересованных лиц, в том числе имеющих определенные умыслы и цели, что приводит к необходимости поставить ряд вопросов. Во-первых, с точки зрения общечеловеческих ценностей это свобода (действий, мыслей, передвижения и т. п.) судьи как индивидуума (человека и гражданина), а во-вторых, право на отдых и право на защиту и неприкосновенность частной жизни. То есть необходимо разграничивать общечеловеческие ценности и профессиональные и служебные стандарты, в том числе и для судебной деятельности.

Как уже было отмечено выше, современные информационные технологии позволяют создавать, формировать, распространять и тиражировать разноплановые сведения и информацию. В связи с этим необходимо обратить внимание на реализацию глас-

ности и открытости судопроизводства [19] в современных условиях, поскольку современные массмедиа, а также справочно-информационные ресурсы позволяют обеспечить информационную доступность, публичность и общеизвестность судебных заседаний и судебных актов. При этом возникает вопрос: вся ли представленная в судебных актах и озвученная в судебных заседаниях информация должна и может быть тиражирована в различных информационных ресурсах? Полагаю, что данный аспект имеет двоякую природу: с одной стороны, необходимо соблюдать традиционные принципы судопроизводства, а с другой, надо обеспечивать защиту личной и частной жизни, а также защиту персональных данных и иной информации, которая может представлять интерес для злоумышленников. Этот аспект требует более тщательной проработки и исследований, так как затрагивает несудопроизводственные и несудоустроительные начала в отправлении правосудия, а также ряд организационно-технических вопросов.

Поэтому автор полагает, что существует необходимость обратиться к развитию «концепции судебного права», в том числе и с точки зрения развития организационно-технических аспектов, а именно установления взаимообусловленных связей при внедрении медийных и информационных технологий в судопроизводство и иные смежные правовые институты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для современного общества, судебной системы и правосудия формирование позитивных взаимосвязей между этими сферами деятельности может принести не только негативный результат, но и создать положительный эффект. Для этого необходимо в первую очередь опереться на современное образование и междисциплинарный подход. Например, для создания положительного образа того или иного суда или конкретного судьи либо системы правосудия в целом следует обратиться к области специальных знаний, требующихся для работы, например, пресс-секретаря того или иного суда. Для того чтобы правильно апеллировать к юридическим понятиям, а также содержательно освещать происходящие события в правовой и политико-правовой плоскостях, необходимы не только общие представления о праве и юриспруденции, но и специальные знания в этой области, в сфере развития и реализации правоотношений, особенностей функционирования национальной судебной системы и т.п. Помимо этого надо иметь не точечные знания в той или иной сфере, а их совокупность в области журналистики, юриспруденции и современных информационных-телекоммуникационных техно-

логиях. Для этого необходимо рассмотреть возможность разработки и внедрения специализированных программ на базе магистратуры или курсов повышения квалификации (см. [20]). Интересной представляется разработка курса «Журналистика в области юриспруденции» на базе факультетов журналистики. Целью подобных курсов является формирование знаний в области теории права и иных юридических дисциплин для создания основ правового мышления, прививания правовой культуры и профессионального сознания будущим специалистам.

Другим немаловажным аспектом в реализации соотношения современных медиаресурсов и правосудия в национальном обществе является расширение специализированных изданий, в том числе сетевых изданий, аккредитованных высшими судебными инстанциями, которые могли бы осуществлять информационную и коммуникативную функцию между судебными органами и обществом, освещая интересные юридические события, биографии и профессиональный опыт представителей судейского сообщества, популяризируя правовую культуру, рассказывая об особенностях судебной деятельности и специфике работы, приводя яркие примеры из практики и т.п.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в течение нескольких последних десятилетий в массовом сознании происходило формирование восприятия судебных органов как единственного из возможных средств правовой защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, что не совсем верно. Примером могут служить разноплановые телепрограммы и ток-шоу, тиражируемые на различных телеканалах [21], что привело к формированию такого феномена, как «судебное правосознание», которое заключается в том, что большинство российских граждан не знают об иных правовых средствах разрешения правовых конфликтов вне судебной системы. К ним относятся проведение переговоров между сторонами с последующим заключением мирового соглашения, обращение к медиатору или, по отдельным категориям дел, в специализированные органы, оказывающие содействие в разрешении в досудебном порядке возникшего правового конфликта (например, институт финансового уполномоченного) [22]. В большинстве случаев заинтересованные лица не владеют информацией либо относятся к ней недоверчиво и не воспринимают всерьез иные механизмы урегулирования разногласий в правовой сфере.

На основе изложенного можно сделать несколько выводов.

1. Для предоставления достоверной и объективной информации о событиях в правовой плоскости в современном российском обществе необходимо

развивать междисциплинарный подход, усиливать роль и значение образования, в том числе путем создания новых специальностей и направлений подготовки. Важно внедрять дополнительные профессиональные программы, охватывающие междисциплинарные области и сферы деятельности.

2. Следует рассмотреть возможность создания на всех уровнях (федеральном, региональном и местном) специализированных сетевых и печатных изданий, осуществляющих информационно-коммуникативную функцию в сфере правосудия, что, в частности, предусмотрено Концепцией информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы.

3. Необходимо формировать условия взаимовыгодного сотрудничества между пресс-службами судов и современными медиаресурсами, усиливать конструктивный диалог между судебными органами и обществом, оптимизировать подачу и изложение информации, а также освещение обществу интересных событий из судебной деятельности.

Для реализации изложенного необходимо усилить организационно-техническое оснащение судов; разработать и внедрить руководящие и координирующие начала по данному вопросу; рассмотреть возможность создания специализированного отдела или центра по данному направлению развития судебной системы и правосудия (так как для разрешения отдельных вопросов необходимо централизованное и согласованное руководство). Разработка концепции судебного права могла бы этому способствовать. Таким образом, в современных условиях государственная политика в сфере развития судебной системы принимает новые формы, учитывающие в том числе «медийную» составляющую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. № 1.
- Степанов О.А. Теоретико-правовые основы безопасного функционирования и развития информационно-электронных систем: дисс. ... докт. юр. наук: 12.00.01. М., 2005.
- Белякова А.В. «Цифровое» правосудие в России 2.0 // Вестник Московского университета. Серия 11: «Право». 2022. № 5. С. 124–142.
- Белякова А.В. Медиа-ресурсы и правосудие в России: проблемы соотношения: доклад на XXXII международной научно-практической конференции «Медиаправо-2023» 07.12.2023. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2141-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.
- Федеральный закон от 14.06.2011 № 142-ФЗ // Российская газета. 2011. № 129. 17 июня.
- Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2023 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Российская газета. 2008. № 265. 26 декабря.
- Кодекс судейской этики от 19.12.2012 (утв. VIII Всероссийском съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.
- Постановление Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 4 «О внесении изменений в Кодекс судейской этики» // СПС «КонсультантПлюс».
- Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 24.05.2023 № С/КЭ-4 «О возможности судьи размещать научно-практические публикации по правовым вопросам в веб-приложениях “Яндекс” и “Телеграм” // СПС «КонсультантПлюс».
- Скандализация правосудия / В. Момотов, М. Федотов, А. Иванов и др. // Закон. 2019. № 4. С. 35–53.
- Поворова Е.А. Медиатизация судебной власти с позиций постклассической теории права: дис. ... канд. юр. наук: 5.1.1. М., 2024.
- Поворова Е.А. Медиатизация: парадигма постклассического измерения в праве // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 74–80.
- Поворова Е.А. Независимость судебной власти: этика и медиа // Закон. 2023. № 11. С. 164–172.
- Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
- Крюкова Е.С. Медиаобраз правосудия: проблемы поддержки легитимности решений с помощью медиакommunikаций // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 57–69.
- Кротов А.В. Официальное освещение поведения судей как инструмент формирования доверия к судебной власти // Российский судья. 2024. № 11. С. 33–38.
- Романовская О.В. Судебная власть и средства массовой информации: о праве судьи на свободу выражения мнения // Судья. 2015. № 1. С. 24–28.
- Белякова А.В., Поворова Е.А. Медиатизация принципа гласности судебного процесса в условиях цифрового государства // Право и экономика. 2023. № 6 (424). С. 20–29.
- Справочная информация: «Федеральные образовательные программы, федеральные государственные образовательные стандарты, дополнительные профессиональные программы» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Судебное шоу // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебное_шоу (дата обращения: 10.02.2025).
21. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 12.03.2024) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Российская газета. № 121. 2018. 6 июня.

REFERENCES

1. Fedotov M.A. Kiberprostranstvo kak sfera obitaniya prava // Byulleten' YuNESKO po avtorskomu pravu. 1999. T. XXXII. № 1.
2. Stepanov O.A. Teoretiko-pravovye osnovy bezopasnogo funktsionirovaniya i razvitiya informatsionno-elektronnykh sistem: diss. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.01. M., 2005.
3. Belyakova A.V. "Tsifrovoye" pravosudie v Rossii 2.0 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 Pravo. 2022. No. 5. P. 124–142.
4. Belyakova A.V. Media-resursy i pravosudie v Rossii: problemy sootnosheniya: доклад // XXXII mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Mediapravo-2023". NIU VShE, 07.12.2023.
5. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.1991 № 2141-1 "O sredstvakh massoy informatsii" (v red. ot 23.11.2024) // Rossiyskaya gazeta. 1992. 8 fevr. № 32.
6. Federal'nyy zakon ot 14.06.2011 No. 142-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2011. 17 iyunya. No. 129.
7. Federal'nyy zakon ot 22.12.2008 № 262-FZ "Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 14.07.2023 (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023)) // Rossiyskaya gazeta. 2008. 26 dekabrya. No. 265.
8. Kodeks sudeyskoy etiki It 19.12.20212 (utv. VIII Vserossiyskom s"ezdom sudey 19.12.2012) // Byulleten' aktov po sudebnoy sisteme. 2013. No. 2.
9. Postanovlenie Vserossiyskogo s"ezda sudey ot 01.12.2022 No. 4 "O vnesenii izmeneniy v Kodeks sudeyskoy etiki" // SPS "Konsul'tantPlyus".
10. Zaklyuchenie Komissii Soveta sudey RF po etike ot 24.05.2023 No. S/KE-4 "O vozmozhnosti sud'i razmeshchat' nauchno-prakticheskie publikatsii po pravovym voprosam v veb-prilozheniyakh Yandeks i Telegramm" // SPS "Konsul'tantPlyus".
11. Skandalizatsiya pravosudiya / V. Momotov, M. Fedotov, A. Ivanov i dr. // Zakon. 2019. No. 4. P. 35–53.
12. Povorova E.A. Mediatizatsiya sudebnoy vlasti s pozitsiy postklassicheskoy teorii prava: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.1. M., 2024.
13. Povorova E.A. Mediatizatsiya: paradigma postklassicheskogo izmereniya v prave // Rossiyskaya yustitsiya. 2024. No. 3. P. 74–80.
14. Povorova E.A. Nezavisimost' sudebnoy vlasti: etika i media // Zakon. 2023. No. 11. P. 164–172.
15. Kontsepsiya informatsionnoy politiki sudebnoy sistemy na 2020–2030 gody (odobrena Sovetom sudey RF 05.12.2019) // SPS "Konsul'tantPlyus".
16. Kryukova E.S. Mediaobraz pravosudiya: problemy podderzhki legitimnosti resheniy s pomoshch'yu mediakommunikatsiy // Rossiyskaya yustitsiya. 2024. No. 7. P. 57–69.
17. Krotov A.V. Ofitsial'noe osveshchenie povedenie sudey kak instrument formirovaniya doveriya k sudebnoy vlasti // Rossiyskiy sud'ya. 2024. No. 11. P. 33–38.
18. Romanovskaya O.V. Sudebnaya vlast' i sredstva massovoy informatsii: o prave sud'i na svobodu vyrazheniya mneniya // Sud'ya. 2015. No. 1. P. 24–28.
19. Belyakova A.V., Povorova E.A. Mediatizatsiya printsipa glasnosti sudebnogo protsessa v usloviyakh tsifrovogo gosudarstva // Pravo i ekonomika. 2023. No. 6 (424). P. 20–29.
20. Spravochnaya informatsiya: "Federal'nye obrazovatel'nye programmy, federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty, dopolnitel'nye professional'nye programmy" // SPS "Konsul'tantPlyus".
21. Судебное шоу // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебное_шоу (дата обращения: 10.02.2025).
22. Федеральный закон от 04.06.2018 No. 123-FZ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 12.03.2024) "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг" // Rossiyskaya gazeta. 2018. No. 121. 6 iyunya.

ПРОСОДИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГОЛОСА ГРАЖДАНИНА

PROSODY IN THE LEGAL PROTECTION OF THE HUMAN VOICE

Артём Русланович БУДНИК

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия,
budnikart@gmail.com,
ORCID: 009-0005-6623-9668

Информация об авторе

А.Р. Будник — студент 3-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

Аннотация. Законопроект об охране голоса человека как объекта личных неимущественных прав в условиях его копирования с помощью искусственных нейронных сетей определил цель и задачи настоящего исследования. Цель работы — системный анализ феномена просодии как юридически значимого параметра. Перечень решенных в исследовании задач охватывает выявление особенностей, параметрический анализ, проверку гипотезы о возможности оцифровки и автоматизированного воспроизведения одной из основных модальностей речи человека — просодии требования. Методика работы построена на нахождении источника качественных образцов данной речевой модальности, параметризации и цифровизации выбранной просодии, а также ее сравнении с нейтральными примерами вербальной коммуникации.

В статье сделан вывод о необходимости правовой детализации категории «голос» в целях выработки эффективного механизма его охраны и защиты. Полезным итогом работы является постановка эксперимента по измерению и фиксации параметров, которые образуют совокупность повторяющихся признаков, характерных для речевой модальности требования, выполненного с использованием неадаптированных образцов высказываний индивидуумов. Результаты эксперимента получили математическую оценку и лингвистическую интерпретацию. На основании выявленных закономерностей и экспериментальных данных разработан программный модуль генерации речевой просодии требования. Созданный прототип прошел экспериментальную верификацию качества его целевой функции.

Научная новизна работы заключается в конкре-

- тизации знаний о феномене и параметрах просодии,
- необходимых для законодательного регулирования
- голосовой идентичности граждан в качестве нематери-
- ального блага, а также в доказательстве возможности
- автоматического воспроизведения вербальной экспрес-
- сии человека программно-аппаратными средствами.
- Практическая значимость исследования обусловлена
- применимостью его результатов для правовой охраны
- голоса человека, глубокого обучения больших линг-
- вистических моделей навыкам речевой коммуникации
- и придания вербальным элементам характеристик опре-
- деленной просодии, в том числе с помощью интеграции
- разработанного прототипа.

- **Ключевые слова:** правовая охрана голоса, голос как
- личное благо, просодия, параметры просодии, оциф-
- ровка речи, лингвистическая модель, генеративная
- языковая модель, искусственная нейронная сеть, разра-
- ботка программного продукта

- **Для цитирования:** Будник А.Р. Просодия как элемент
- правовой охраны голоса гражданина // Труды по
- интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
- Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 49–66; DOI: 10.17323/
- tis.2025.27359

Artjom R. BUDNIK

Bauman Moscow State Technical University, Moscow,
Russia,
budnikart@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-6623-9668

Information about the author

A.R. Budnik — 3rd year student of Bauman Moscow State Technical University

Abstract. The draft law on the protection of the human voice as an object of personal non-property rights when

it is generated by artificial neural networks defined the objectives of this study to identify the features, parametric analysis and digitalization of one of the main modalities of human speech—demand prosody. The methodology of the work is based on a systemic analysis of the phenomenon of prosody as a legally significant parameter, putting forward and testing a hypothesis about which type of speech prosody is the most pronounced. The selected methodology included a search for a source of high-quality samples of this speech modality, parameterization and digitalization of the selected prosody, as well as its comparison with neutral examples of verbal communication.

The results of the work include a conclusion on the need for legal detailing of the category of voice in order to develop effective mechanisms for its protection and defense. A useful result of the work was the setting up of an experiment on measuring and recording parameters that form a set of recurring features characteristic of the speech modality of demand, using unadapted, natural examples of individual statements. The results of the experiment were mathematically assessed and linguistically interpreted. Based on the identified patterns and experimental data, a software module for generating speech prosody of the requirement was developed. The created prototype passed experimental verification of the quality of its target function.

The scientific novelty of the work lies in the specification of knowledge about the parameters of prosody, important for its legislative regulation as an intangible benefit, as well as in proving the possibility of automatic reproduction of human verbal expression by software and hardware. The practical significance of the study is due to the applicability of its results for the legal protection of the human voice, deep training of large linguistic models in speech communication skills and imparting characteristics of a certain prosody to verbal elements, including through the integration of the developed prototype.

Keywords: legal protection of voice, personal right, prosody, prosody parameters, speech modality digitization, linguistic model, generative language model, artificial neural network, software product development

For citation: Budnik A.R. Prosody in the legal protection of the human voice // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 49–66; DOI: 10.17323/tis.2025.27359

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в сфере искусственных нейронных сетей наблюдается стремительное развитие больших языковых моделей, в частности авторегрессионных генеративных инструментов на основе технологии GPT (Generative Pre-trained Transformer) [1]. Большие GPT-подобные лингвистические модели также используются для анализа и обработки естественного языка людей (Natural Language Processing, NLP) [2]. Прогресс NLP-технологий позволил разработчикам двинуться в направлении обучения искусственных нейронных сетей характерной для человека речевой коммуникации [3].

Эти методы получили наименование Generative Audio (далее — GA) либо Generative AI for Audio (далее — GAIA). Второй вариант подчеркивает применение технологии искусственного интеллекта в данном процессе. GAIA представляют собой инструменты человекоподобного озвучивания сгенерированного нейронной сетью текста, а также один из перспективных векторов развития языковых моделей и технологий обработки естественного языка. GAIA-технология нацелена на повышение качества взаимодействия пользователя с результатами нейросетевой генерации контента, обогащая их более реалистичными и захватывающими звуковыми эффектами. Развиваясь параллельно с языковыми моделями, GAIA предлагает инновационные методы озвучивания контента с использованием пространственного звука, контекстно определенных и персонализированных аудиоэффектов. Это не только повышает качество восприятия сгенерированного материала, обогащая мультимедийный опыт пользователей, но и придает синергию прогрессу языковых компьютерных моделей.

Задача повышения качества озвучивания текста остается одной из наиболее важных при разработке систем речевого синтеза, особенно в контексте интенсивного развития инструментов узкого искусственного интеллекта¹, и осложняется рядом следу-

¹ Узкий искусственный интеллект (его также называют слабым ИИ или просто ИИ) — это состояние компьютерного программного обеспечения на сегодняшний день. Компьютерные программы в основном разрабатываются программистами-людьми

ющих факторов [4]. Лингвистические особенности, такие как произношение звуков, интонация и ритм речи, могут существенно варьироваться в различных языках и диалектах. Синтезатор речи должен учитывать эти моменты для достижения естественности и воспринимаемости результатов его работы [5]. Фонетические особенности, включая различия в произношении звуков, требуют тщательного моделирования. Тембральные характеристики, связанные с уникальным звучанием каждого голоса, также представляют собой вызов для машинного синтеза речи [6]. Локально-обусловленные особенности, такие как акцент или диалект, могут влиять на фонетические и акустические элементы речи. Качественная модель синтеза речи должна быть способна адаптироваться к разнообразию акустической информации. Речевой синтезатор необходимо строить с учетом просодических элементов, таких как ритм, интонация и тон голоса². Совокупность атрибутов речевой просодии обеспечит передачу эмоциональной окраски и намерений говорящего, что важно для генерирования естественной и понятной речи [7].

Оборотная сторона прогресса лингвистических моделей, голосовых генераторов и вокальных синтезаторов проявилась в увеличении количества случаев неавторизованного использования голосов граждан в коммерческих [8] и противоправных [9] целях. Быстрее других на этот вызов отреагировало государство, в котором расположен самый крупный мировой кластер производства развлекательного контента; лоббисты оценили конкурентный потенциал и масштаб экономических последствий применения технологий имитации голоса, репликации внешности и других узнаваемых черт умерших артистов. В результате был принят специальный закон³, призванный

ми, причем процесс от ввода до вывода открыт для проверки. Программы обычно специализируются в одной области, и может быть математически доказано, что они безопасны или дружелюбны. Даже в модельно-ориентированных архитектурах, где производство исходного кода частично автоматизировано, результирующий код разрабатывается человеком, и результаты его выполнения в значительной степени предсказуемы.

² Просодия — раздел фонетики, в котором рассматриваются такие особенности произношения, как высота, сила/интенсивность, длительность, придыхание, глоттализация, палатализация, тип примыкания согласного к гласному и другие признаки, являющиеся дополнительными к основной артикуляции звука. Элементы просодии реализуются в речевом потоке на всех уровнях речевых сегментов (в слове, слове, синтагме, фразе и т.д.), выполняя при этом смысловозначительную роль. В рамках просодии изучается как субъективный уровень восприятия характеристик суперсегментных единиц (высота тона, сила/громкость, длительность), так и их физический аспект (частота, интенсивность, время).

³ Поправка в гражданское законодательства Штата Калифорния. An act to amend Section 3344.1 of the Civil Code,

ограничить использование этой этически сомнительной практики, которая к тому же способна нанести непоправимый ущерб индустрии. В России также выросло количество случаев так называемой кражи голоса, что отмечено в прессе⁴ и целевых исследованиях специалистов [10]. По этой причине в нашей стране разработан проект правовой нормы об охране голосов граждан, которую планируется включить в Гражданский кодекс Российской Федерации в качестве отдельной статьи⁵.

Цели настоящего исследования разбиты на три этапа. Первый этап заключается в юридическом анализе законопроекта об охране голоса гражданина и выявлении того недостатка, который может препятствовать его эффективному применению на практике. Здесь же будут приведены обоснование необходимости параметрического описания категории «голос» и аргументы в пользу включения речевой просодии в перечень этих характеристик. Второй этап состоит в анализе и классификации особенностей модальностей речи человека. Цели второго этапа — углубленное понимание речевой просодии и разработка методики для обработки естественного языка компьютерными средствами. Достижение целей второго этапа формирует основу для реализации программно-инженерного решения по автоматическому модулированию речевого образца просодией определенного типа на следующей стадии работы. На третьем этапе исследования будет разработан программный модуль, выполняющий функцию автоматического преобразования речи, сгенерированной в нейтральной модальности, для ее озвучивания в заданной просодии. Разработка программного модуля позволит сделать шаг в направлении создания более совершенных и адаптивных систем генерации речи на основе искусственного интеллекта, а также подчеркнет необходимость более четкого и параметрически конкретного определения такого объекта правовой охраны, как голос гражданина.

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основы для правового анализа используется проект Федерального закона № 718834-8 «О вне-

relating to intellectual property. Assembly Bill No. 1836. Use of likeness: digital replica.

⁴ См. Яценко Г. Что делать, если голос украли и используют без разрешения? VC.ru., 19.12.2023. — URL: <https://vc.ru/legal/959152-chto-delat-esli-golos-ukrali-i-ispolzuyut-bez-razresheniya>

⁵ Система обеспечения законодательной деятельности Российской Федерации. Законопроект № 718834-8. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8>

сении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», предполагающий его дополнение ст. 152.3 «Охрана голоса гражданина». Предлагаемые положения оцениваются с точки зрения их достаточности для решения вопросов, которые проявились в судебных разбирательствах об охране голоса и иных звуковых персонализирующих характеристик человека. Далее выполняется анализ научной литературы в целях исследования тех параметров, которые используются, чтобы описывать голосовую, звуковую и речевую идентичности индивидуума для их учета при конструировании соответствующих регуляторных норм.

Для упрощения задачи выявления характерных признаков, их оцифровки, генерации и разработки механизма автоматического воспроизведения речевой модальности выбирается ее наиболее ярко выраженный, показательный пример. Установление закономерностей, обеспечение чистоты эксперимента, повторяемости и верификации выводов требует наличия не менее десяти типовых образцов. Известно, что наиболее ярко выраженной речевой модальностью является просодия требования [11]. В частности, Ю. Лотман отмечал: «Речевой акт требования может вызывать различные эмоциональные реакции у адресата, в зависимости от тонового окраса и контекста. Например, требование, выраженное сильным эмоциональным зарядом, может вызвать негативную реакцию или конфликт» [12]. Эту мысль в эссе «Речевые акты» развил Дж. Сёрл: «Речевой акт требования может быть эффективным только в том случае, если адресат принимает его как легитимный и обоснованный. Для этого необходимо учитывать социальные нормы и ожидания, а также отношения между говорящим и адресатом» [13]. Таким образом, для достижения целей исследования необходимо найти и проанализировать не менее десяти речевых образцов предъявления требования.

Материал исследования удалось найти на канале видеохостинга [14], где в режиме реального времени показаны моменты работы офицеров полиции США в различных ситуациях. Пользовательский контент регулярно применяется для осуществления социокультурных научных исследований вследствие его высокой информативности и широты эмпирической базы. Так, лингвистические работы Н. Мэдзлен с соавторами [15, 16], посвященные изучению просодических характеристик выражения различных видов отношений в видеоблогах, основаны на сообщениях частных видеоблогеров, составивших собой рафинированную базу релевантных материалов для решения поставленных задач. Публикации, которые были выбраны автором этой статьи из указанного источни-

ка, имеют достаточно высокое отношение сигнал/шум — от 60 дБ и выше, что сделало их пригодными для оцифровки, параметризации и анализа.

В ходе исследования был проведен анализ 11 высказываний полицейских, которые включали требования и нейтральные обращения. Данные речевые образцы были измерены с помощью программного комплекса PRAAT⁶ по следующим параметрам: частота звука в герцах (Гц), громкость образцов в децибелах (дБ), продолжительность высказываний в миллисекундах (мс).

Закономерности, выявленные в результатах измерений, положены в основу разработки программного решения для модуляции речевого образца с целью его воспроизведения в просодии требования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Просодия как юридически значимый параметр правовой охраны голоса

Проблема охраны голоса как нематериального и неотчуждаемого блага личности в России вышла на уровень законотворческих инициатив, которые в большинстве случаев предполагают введение юридической охраны голоса по аналогии с охраной изображения гражданина, зафиксированной в ст. 152.1 ГК РФ. Следует отметить, что для решения данной проблемы могут быть использованы и более общие правовые нормы ст. 150 ГК РФ. Из состава нематериальных благ, определенных в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, голос или вокальная идентичность личности вполне относится к «нематериальным благам, принадлежащим гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемым и не передаваемым иным способом». В таком случае ч. 2 данной статьи требует защиты этого блага «в соответствии с действующими нормами Гражданского кодекса и другими законами в случаях и порядке, ими предусмотренных...». Работа в направлении охраны голоса или вокальной идентичности личности как неотчуждаемого нематериального блага представляет собой своевременную реакцию законодателя на возникшую проблему. Выбранная юридическая техника нормотворчества, заключающаяся в регулировании подобных отношений подобными средствами, выглядит вполне логичным подходом.

Развитие и доступность технологий имитации голоса послужили причиной роста количества дел

⁶ PRAAT — это свободное программное обеспечение для фонетического анализа речи, разработанное и поддерживаемое Полом Бурсма и Дэвидом Венинком из университета Амстердама.

о противоправном использовании голоса гражданина в судах Российской Федерации и других стран. В рамках судебных разбирательств, предъявления и оценки доказательств участники таких процессов сталкиваются с необходимостью определения того, что представляет собой категория «голос человека» в конкретных ее параметрах, признаках и характеристиках. Такая определенность необходима для проведения экспертиз и сравнений голосовых и вокально-артикуляционных образцов в целях установления фактов их копирования или заимствования.

Лапидарность формулировок проекта Федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», связанная, по всей видимости, с намерением сохранить лаконичность правовой конструкции, взятой за образец нормы об охране изображения гражданина, породит проблему, которая неизбежно проявится в судебных спорах об охране прав граждан на их голос. Эта проблема заключается в отсутствии в тексте законопроекта определения и квалифицирующих признаков понятия «голос». Законодатель, предположительно, исходит из того, что граждане и правоприменители имеют некое общее, бытовое представление о феномене голоса человека, которого будет вполне достаточно для решения юридических споров.

Анализ предметных научных исследований феномена голоса человека обнаруживает высокую сложность, полимодальность и междисциплинарность данного явления с точки зрения как множественности параметрических характеристик, применяемых для его описания, так и способов их измерения [17]. Значение знаний о голосе для юриспруденции невозможно переоценить, поскольку голосовые параметры человека высоко информативны для анализа и правовой квалификации поступков, действий и бездействия человека [18–21]. Так, вина как психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности, может быть выявлена, подтверждена или опровергнута с помощью параметрического анализа голоса подозреваемого [22].

Технологии синтеза голоса *deepfake* и имитации певческого голоса *vocaloid* породили категорию юридических дел о копировании голосов известных личностей без их разрешения в развлекательных и коммерческих целях. Носители узнаваемых голосов протестуют против практики использования их личного нематериального блага, которая получила наименование «вокальная имперсонация». Суть вокальной имперсонации заключается в том, что профиль голоса целевого артиста оцифровывается нейросетью по ряду

заданных параметров, включая индивидуальные характеристики тембра, физиологические особенности артикуляции гласных и согласных звуков, специфику дыхания и голосового звукоизвлечения, а также прочие атрибуты вокала, связанные с отличительными чертами произношения, ритмического и динамического слогового интонирования музыкальных и речевых фраз в зависимости от эмоциональной окраски музыкально-смыслового сообщения, формирующие в комплексе узнаваемую голосовую индивидуальность артиста.

В качестве примера практики вокальной имперсонации можно привести резонансный спор с участием продюсерского агентства Jay-Z Roc Nation, которое в 2020 г. потребовало удаления дипфейковых видеороликов, где артист рэп-жанра Jay-Z исполняет песни Билли Джоэла «We Didn't Start the Fire» и монолог «Быть или не быть» из пьесы Шекспира «Гамлет». Этот же метод был использован при создании нового трека ушедшего из жизни американского артиста Тупака Шакура и также вызвал неоднозначную реакцию в среде профильных юристов [23].

В классической науке голосоведения выделяют певческие и разговорные голоса, характеризующиеся тремя основными параметрами: высотой, тембром и регистром голоса [24, 25]. Однако в современных тематических исследованиях предлагаются расширенные перечни атрибутов индивидуализации голосов [26]. Это, вероятно, связано с тем, что современная музыкальная культура породила множество стилей и направлений, в которых вокальная составляющая имеет немного общего с традиционным академическим и эстрадным пением. Среди новых подходов к голосовому звукоизвлечению стоит упомянуть бэлтинг, тванг и фрай в поп-музыке; скриминг, гроулинг, грайндкор и гуттурал в тяжелой металлической музыке; речитатив, скэт и разнообразные артикуляционные трюки в рэп- и хип-хоп-жанрах.

Дополнительные параметры голосовой индивидуализации включают в себя фонетические акустико-артикуляционные признаки звукообразования, которые могут определять особенности разговорных голосов и составлять художественный метод артистов вокального жанра. Артикуляция представляет собой сложный механизм, функционирование которого обусловлено скоординированной работой дыхательной системы, рта и носоглотки, голосовых связок, языка и губ. Результаты совместной работы этих систем носят строго индивидуальный характер и в значительной мере определяют голос человека. В число артикуляционных параметров голосовой индивидуализации включают специфику произнесения шумных согласных — обструэнтов; особенности звукообразования сонорных согласных, аппроксимантов, носовых, од-

ноударных и дрожащих фонем; придание нетипичного звучания гласным звукам в ударных и безударных слогах. Именно эти дополнительные характеристики используются для индивидуализации голосов упомянутых выше артистов в спорах о правомерности вокальной имперсонации.

Такой атрибут голоса и речи человека, как просодия, логично продолжает ряд параметров, определяющих голос человека, поскольку она является важной фонетической характеристикой. Пересечение объемов понятий «голос человека» как будущего объекта правовой охраны и «речевая просодия» становится очевидным при анализе определений обеих категорий. С.И. Ожегов определяет голос как совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок. Под просодией понимают систему озвучивания слогов речи, интонационные и фонетические особенности произношения и артикуляции звуков. Как видим, обе категории используются для описания способности человека произносить множество разнообразных звуков для осуществления голосовой коммуникации. По этой причине такой параметр, как просодия, должен быть изучен и учтен при дальнейшей детализации правовой нормы об охране голоса гражданина, сформулированной в упомянутом законопроекте в самом общем виде. Конкретизация признаков объекта регулирования необходима для выработки работоспособного механизма регламентации отношений вовлеченных в них субъектов. Без такого уточнения предлагаемая норма может оказаться неэффективной для практического разрешения соответствующих споров.

Обеспечение эффективной правовой охраны голоса с учетом речевой просодии приобретает еще большую актуальность в условиях бурного развития генеративных нейростетевых инструментов. Имитация голоса, окрашенного специфически узнаваемой просодией, позволяет приблизить подражательный результат нейросетевой генерации к оригиналу, повысить степень его убедительности и усилить впечатление достоверности, что, однако, может использоваться не только в позитивных и легальных целях, но и в противоправной практике для осуществления обманных и мошеннических действий.

АНАЛИЗ, ОЦИФРОВКА И АВТОМАТИЗАЦИЯ ГЕНЕРАЦИИ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

По материалам [27, 28] и из собственного опыта автором этой статьи и его коллегами был установлен ключевой фактор, который обуславливает чистоту эксперимента и релевантность измеренных данных. Этот фактор представляет собой использование по-

вторяющихся однотипных образцов речевых фрагментов. Повторяющиеся однотипные образцы речевых фрагментов снижают рассеивание значений данных. Данный подход позволяет более точно выделить и проанализировать те элементы просодии, которые относятся к выражению требования [29]. В противном случае разнообразие ситуаций и контекстов увеличивает зашумленность и дисперсию результатов измерений, осложняя интерпретацию результатов.

Образцы строго регламентированной речи, в частности высказывания исполняющих служебные обязанности полицейских, — наиболее подходящий материал для исследования просодии должностования. Это утверждение опирается на тот факт, что регулирование поведения и речи официального лица снижает вариативность форм его выражения, делает высказывания более стандартизированными, уменьшает случайные влияния и как следствие предоставляет более качественные данные для структурного анализа [30].

Обнаруженная на видеохостинге база данных образцов, соответствующих критериям строго регламентированной однотипной коммуникации, выступает основой повторяемости характера обращений и качества результатов исследования. Найденные материалы, содержащие четко выраженные требования полицейских в типовых ситуациях, обеспечивают консистентность экспериментальных данных. Эти материалы позволяют выявить и оцифровать характерные признаки просодии конкретного типа — просодии должностования, которая проявлена в однородных условиях.

Анализ одиннадцати образцов высказываний позволил выявить, что требования, выраженные сотрудниками полиции, имели различные частоты, что отражено на графике в герцах (Гц). Некоторые требования имели высокую частоту, указывающую на энергичность и интенсивность коммуникации, а другие — низкую частоту, свидетельствующую о более спокойном и сдержанном выражении требований.

Что касается громкости, измеренной в децибелах (дБ), то графики показали различные ее уровни, связанные с требованиями и спокойными обращениями. Некоторые требования сопровождались высоким уровнем громкости, что указывает на эмоциональность и интенсивность коммуникации, а другие имели более низкий уровень громкости, свидетельствующий о спокойном и непринужденном настрое.

Кроме того, была проанализирована продолжительность каждого высказывания в секундах. Графики позволили наглядно представить различия в продолжительности требований и спокойных высказываний. Некоторые требования были более длительными, что может указывать на более подробное и развернутое их изложение, а другие оказались краткими и сжатыми.

Графическое представление и расшифровка результатов эксперимента

Частота основного тона (далее — ЧОТ), громкость и длительность высказывания являются определяющими параметрами просодии, которые позволяют вывить ее тип, оцифровать и воспроизвести. Приведу аргументы, которые подчеркивают значимость этих критериев.

ЧОТ может быть связана с эмоциональным состоянием говорящего. Повышенная ЧОТ указывает на возбуждение или стресс, тогда как пониженная — на спокойное состояние говорящего. В контексте речевых просодий ЧОТ может указывать на специфическую интонационную модальность, характерную для высказываний определенного типа [31].

Идентификация акцентов⁷ и эмфазы⁸. Высокая ЧОТ может также указывать на характерный акцент или эмфазу, что важно для стандартизации речевых образцов, где определенные слова или фразы подчеркиваются согласно сложившейся практике [32].

Громкость и выделение важных частей высказывания. Громкость играет ключевую роль в выделении элементов речи. При типизации просодии классификация элементов речи по громкости может помочь определить вид обращения среди таких, например, как инструкция, требование или предупреждение [33].

Эмоциональная окраска. Громкость может передавать эмоциональную окраску высказывания. В регламентированных образцах коммуникации подчеркнутая громкостью экспрессивная окраска выступает инструментом передачи эмоционального оттенка, который особенно важен в специфических сценариях, например в требовательных обращениях, произносимых служащими полиции [34].

Длительность и структура высказывания. Длительность определяет темп и ритм речи, что важно для структурирования высказывания. Для стандартных просодий характерны определенный темп и длительность отдельных элементов речи [35].

⁷ Акцент в лингвистическом контексте представляет собой особенности произношения звуков, интонации, ритма и других элементов речи, которые отличают говорящего от носителя стандартного или иного диалекта. Акцент является результатом влияния языковой среды, в которой говорящий вырос, и может проявляться в форме различий в звуковом строе, ударении слов, в интонации и даже в выборе лексики.

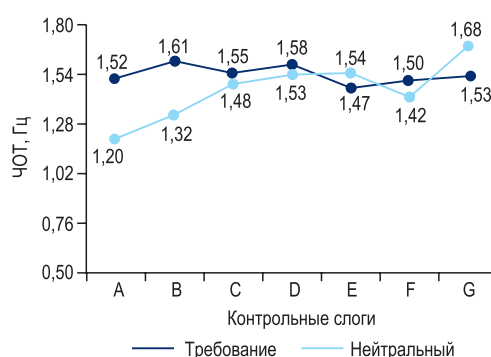
⁸ Эмфаза в лингвистическом контексте представляет собой явление акцентуации или усиления определенных элементов в речи для достижения эффекта выделения, подчеркивания важности или передачи эмоционального оттенка в высказывании. Эмфатическое ударение, или выделение, может воздействовать на различные компоненты речи, такие как звуковая интонация, громкость, длительность и даже выбор лексики.

Поддержание стандартов коммуникации. Стандартизированная длительность элементов речи направлена на поддержание определенных стандартов коммуникации, что особенно важно в профессиональных областях, где точность и ясность высказывания имеют большое значение [36].

Многомерный синтетический анализ просодии с учетом ЧОТ, громкости и длительности высказывания позволяет описать и в дальнейшем интерпретировать образцы стандартизированной коммуникации, а также воссоздать нюансированный речевой портрет говорящего [37].

График на рис. 1 отображает соотношение ЧОТ двух видов речевых образцов — требования и нейтрального высказывания. На графике представлены две линии, одна соответствует требованию, а другая — нейтральному обращению.

Рис. 1. Соотношение ЧОТ высказывания требования и нейтрального обращения

Диапазон тона нейтрального высказывания выше параметра данного признака требования в 5 раз (0,5/0,1). Диапазон требования имеет свою особенность: он развивается преимущественно в пределах четвертого и пятого уровней. Диапазон тона нейтрального высказывания развивается от третьего уровня до пятого, происходит градуальный рост кривой ЧОТ, но с пятого контрольного слога кривая ЧОТ резко идет вниз, затем стабилизируется и останавливается на пятом уровне. Максимальные значения зафиксированы в разные контрольные слоги: у первой фразы — в завершении предтакта⁹, а у вто-

⁹ Предтакт в лингвистическом контексте представляет собой феномен, характеризующийся предварительным фонетическим воздействием на артикуляционные аспекты речи перед началом произнесения конкретного фонемного элемента. Этот явный префонетический эффект взаимодействия с артикуляционной системой говорящего может влиять на последующие фонемные выражения, оказывая воздействие на их артикуляционные параметры, интонацию и ритмические характеристики. Артикуляционные приготовления, предше-

рой — в завершении затакта¹⁰. Консенсуса в отношении минимальных значений также не наблюдается, потому что у первой фразы они зафиксированы в участке каденции¹¹, а у второй в предтакте.

Что касается тональных уровней слогов фраз, то у первой фразы в предтакте сначала происходит рост, который прерывается и идет на спад, во второй же фразе идет постоянный рост. Похожая ситуация — и в ритмическом корпусе¹², у первой фразы также сначала рост, затем падение, у второй фразы постоянный рост, но уже в меньшей степени. На участке каденции первая фраза выходит на плавный рост, который дублируется в затакте. Вторая фраза в каденции показы-

вающие фонеме, рассматриваются как фаза предтакта, включающая в себя координацию мускулатуры артикуляционных органов и установление определенных физиологических конфигураций в преддверии произнесения целевой фонемы. Предполагается, что предтакт может служить механизмом оптимизации артикуляции и обеспечивать более эффективное выполнение фонетических задач, таких как достижение оптимальной аккомодации артикуляционных аппаратов для предстоящего речевого элемента.

¹⁰ Затакт — это предшествующая активация артикуляции перед началом произношения конкретного фонемного элемента в рамках высказывания. Затакт включает в себя координацию мускулатуры артикуляционных органов и предварительную организацию параметров перед выражением следующего фонемного сегмента. Он направлен на оптимизацию артикуляционных процессов для точного и эффективного произнесения последующего фонетического элемента.

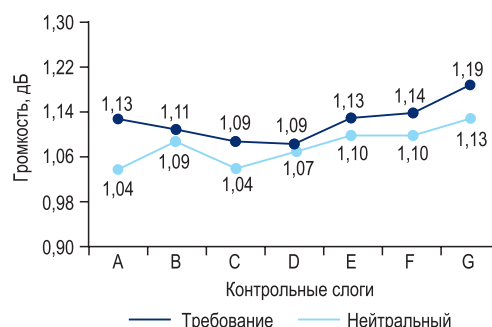
¹¹ Каденция в лингвистическом контексте представляет собой структурно-функциональный элемент, характеризующийся завершением или паузой в высказывании, который, в свою очередь, вносит определенный моментарный пунктуационный отсчет в рамках лингвистической формы. Данный феномен демонстрирует свою важность в контексте ритмической и интонационной организации языка, предоставляя акустические и семантические индикаторы завершения или перехода к следующей фразе. В лингвистических исследованиях каденция рассматривается как средство структурирования и маркировки лингвистических единиц, что подчеркивает ее существенную роль в оркестрации синтаксической и прагматической организации речевого материала. Разъяснение многозначных аспектов каденции обогащает наше понимание механизмов фразовой организации и взаимодействия элементов в рамках вербальной коммуникации.

¹² Ритмический корпус — это структурированное агрегирование ритмических элементов в музыкальном или лингвистическом контексте, представляющее собой набор данных, охватывающий временные отношения между звуковыми или лингвистическими сегментами. В музыкальном смысле ритмический корпус может включать в себя информацию о длительностях, акцентах, темпе и других параметрах, связанных с организацией времени в музыкальном произведении. В лингвистическом контексте ритмический корпус может содержать данные о длительности и интонационных аспектах речи, предоставляя базу для анализа ритмических особенностей языка. Ритмический корпус служит инструментом для исследования и описания временных структур в музыке или языке, а также для проведения сравнительного анализа исследуемых ритмических явлений.

вает резкое изменение, но в отрицательную сторону, в затакте же наблюдается рост.

График на рис. 2 показывает соотношение громкости двух видов высказываний в ситуации требования и нейтрального тона. На графике представлены две линии, одна соответствует требованиям, а другая — нейтральным обращениям.

Рис. 2. Соотношение громкости двух видов высказываний

Диапазон интенсивности¹³ обеих фраз находится примерно на одном уровне. Диапазон интенсивности первой фразы охватывает третий и четвертый уровни, а кривая интенсивности второй фразы развивается на втором и третьем уровнях. Максимальные показатели фраз находятся на разных уровнях, у первой фразы максимальный показатель равен 1,2, у второй — 1,1, но они расположены в одной зоне фонетической сегментации¹⁴. Динамическая вершина требования и нейтрального высказывания зафиксирована в затакте. В минимальном значении фразы схожи — оба значения находятся в ритмическом корпусе, но у нейтрального обращения минимальное значение находится в предтакте.

Кривая требования фиксирует показатели падения от начала предтакта до начала ритмического корпуса, в ритмическом корпусе происходит стагнация, за которой следует постоянный рост до конца затакта.

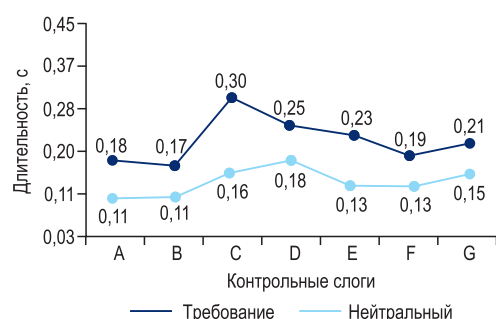
¹³ Под интенсивностью в анализе речи понимается степень выраженности, энергичности или силы, с которой произносится или выражается какой-либо элемент речи в контексте. Интенсивность может относиться к различным аспектам речи, включая громкость, эмоциональную окраску, ударение, артикуляцию, а также использование средств паралингвистической коммуникации.

¹⁴ Под фонетической сегментацией в анализе речи понимается процесс разбиения непрерывного потока звуков, образующих высказывание, на дискретные фонетические единицы. Этот процесс является неотъемлемой частью фонетического исследования и направлен на выделение индивидуальных фонетических единиц, таких как фонемы, дифтонги, согласные и гласные, а также их последовательности и взаимодействия внутри произносимого текста.

та. Кривая нейтрального тона показывает другую картину: в предтакте рост, переходящий в падение, затем в ритмическом корпусе — рост до участка каденции, в котором происходит стагнация, далее продолжается рост.

График на рис. 3 отображает соотношение длительности двух видов высказываний в ситуации требования и нейтрального обращения. На графике представлены две линии, одна соответствует требованиям, а другая — нейтральным заявлениям.

Рис. 3. Соотношение длительности двух видов высказываний

Средняя скорость фонации¹⁵ обеих фраз находится на уровне семи слогов в секунду. Требование располагается на втором, третьем и даже четвертом уровнях, а нейтральное высказывание — лишь на первом и втором уровнях. Расположение максимальных значений фраз находится в ритмическом корпусе, но присутствует дифференциация в точках. Минимальные показатели зафиксированы в предтакте с разницей лишь в местоположении точек.

Похожие контуры слоговой долготы¹⁶ прослеживаются практически на всем протяжении развертывания сопоставляемых фраз. Исключение составляет лишь ритмический корпус, где кривая длительности речи нейтрального обращения начинает идти вниз на одну точку позже по сравнению с темпом речи требования. Различия проявляются в уровне темпоральных параметрах¹⁷, как видно из графика на рис. 3, ско-

рость и замедление речи нейтрального высказывания более плавные и не такие контрастные.

Лингвистическая интерпретация результатов эксперимента

Частота основного тона высказывания может изменяться в зависимости от различных факторов, включая выделение определенных слов и выражение эмоций. В случае требования ЧОТ может быть выше, чем при нейтральном изречении. Обычно, когда люди выражают требование, они придают ему большее значение и силу. Голос становится более энергичным и громким, чтобы подчеркнуть важность и привлечь внимание к требованию. ЧОТ требования оказывается повышенной, чтобы придать выражению большую динамику и убедительность. В нейтральных высказываниях собеседники не выражают эмоционального отношения к сказанному, поэтому ЧОТ обычно остается стабильной и значительно не изменяется. Однако в конце фразы может происходить незначительное увеличение ЧОТ. Это может быть связано с небольшим изменением интонации для логического завершения изречения с явным заключением, подчеркивания важности последнего слова либо идеи. Итак, в требовании уровень ЧОТ может быть выше, чтобы придать силу обращению, а в нейтральном высказывании ЧОТ может лишь незначительно возрастать в конце фразы для ее акцентированного завершения.

Если говорить о различии громкости (интенсивности) фраз двух исследуемых видов, то громкость требования в среднем выше, чем громкость нейтральной сентенции, так как это обусловлено спецификой работы служащих полиции. Использование повышенной громкости в требованиях позволяет им подчеркнуть свой авторитет и напомнить гражданам о необходимости выполнять их инструкции. Громкие команды помогают установить контроль и привлечь внимание находящихся вблизи лиц, чтобы предотвратить возможные нарушения или пресечь преступления. В некоторых случаях, особенно в шумной обстановке или быстро развивающихся ситуациях, громкость требований полицейских способствует более эффективной коммуникации. Это позволяет полицейским передать инструкции и указания быстро и четко, чтобы избежать недоразумений, снизить риск ошибочной интерпретации и неправильных реакций.

Полицейские часто оказываются в опасности или в потенциально рискованных ситуациях, в которых

¹⁵ Скорость фонации в лингвистическом контексте представляет собой меру темпа произношения речи, измеряемую количеством произносимых фонем, слов или слогов в единицу времени. Этот параметр является ключевым аспектом в акустическом анализе и описывает, с какой быстротой речь произносится говорящим.

¹⁶ Под слоговой долготой в анализе речи понимается мера продолжительности произносимого слога в речи. Этот параметр измеряется величиной времени, отражая длительность времени, в течение которой артикулируется определенный слог внутри произносимого слова или фразы.

¹⁷ Под темпоральными параметрами в анализе речи понимаются характеристики, связанные с временными аспектами про-

изношения и организации речевого потока. Эти параметры охватывают различные временные аспекты, такие как длительность, темп и темпоральная структура, и являются ключевыми для изучения ритма, темпа и синхронизации в речи.

их безопасность зависит от способности привлечь внимание и обеспечить исполнение их требований. Громкость обращений помогает решить эти задачи, а также транслировать уверенность и поддерживать безопасность. Эти и многие другие аспекты обуславливают и обосновывают более высокую интенсивность требования. В начале требования его громкость может несколько снижаться, потому что говорящий стремится быть дипломатичным или ненавязчивым, особенно в случаях, когда межличностные отношения связаны с уважением и тактичностью. Он может стараться убедить собеседника с помощью аргументов и логики, а не с помощью силы или настойчивости. Возрастание громкости может происходить с течением времени по нескольким причинам. Во-первых, если требование не было сразу же выполнено, говорящий может увеличить его громкость для трансляции настойчивости и готовности добиться своей цели. Во-вторых, у говорящего могут накапливаться раздражение, возмущение, негодование и другие отрицательные эмоции из-за несоответствующей реакции адресата послания, и он готов проявить твердость намерений через повышение громкости требования.

Нейтральные высказывания могут иметь скачок громкости в начале предложения, чтобы привлечь внимание слушателя к актуальной информации. Это повышение громкости может быть вызвано сознательным выбором говорящего или автоматической реакцией вследствие важности передаваемых данных. Однако затем, если нейтральное изречение не требует немедленной реакции или эмоционального отклика, громкость может снизиться и стабилизироваться на обычном уровне. Так происходит по мере того, как говорящий выполняет свою роль информатора, не требуя дальнейшего внимания слушателя. Если же состояние невозмутимости говорящего нарушается либо информация становится более важной или эмоционально заряженной, громкость может постепенно возрастать, чтобы сфокусировать внимание адресата на смысловой нагрузке событий или фактов.

Длина фразы в ситуации требования может быть больше, чем в нейтральном высказывании, поскольку в таких случаях обычно используются более формальные и точные выражения. Например, вместо простого и короткого «Come out» («Выходите») сотрудник сказал «Come out here for me» («Выходите сюда ко мне»). Это связано с тем, что в ситуациях требования необходимо быть ясным и точным в выражениях, чтобы избежать недопонимания и конфликтов. Кроме того, в требовании часто используются сильнее эмоционально окрашенные выражения, такие как «Don't be swearing at the cops» («Не ругайтесь на полицейских»), «You better come out and show me some

hands right now» («Вам лучше выйти и показать мне руки прямо сейчас»), «Why don't you go and step out of your vehicle?» («Почему бы вам не выйти из машины?»). Дополнительные конструкции и выражения увеличивают длину фразы, поскольку уточняют смысл и сообщают эмоциональный посыл требования.

Относительная скорость произнесения фразы может зависеть от интонации, эмоций и контекста. Например, если требование высказано с яростной интонацией, то оно может быть произнесено быстрее, но с большей энергией и убедительностью. С другой стороны, если требование произнесено спокойно и уверенно, то реплика может быть сказана медленнее, но с большей ясностью и точностью. Как правило, полицейские в ситуациях требования используют более формальные и точные выражения, чтобы избежать недопонимания и конфликтов. Однако они также могут использовать эмоционально окрашенные выражения, чтобы убедительнее донести свою позицию. Например, при задержании подозреваемого они могут использовать составные, усиливающие требование конструкции, такие как «Положите руки на голову и не двигайтесь» или «Вы арестованы за нарушение закона». В таких ситуациях фраза может быть длиннее, чем в нейтральном высказывании, чтобы убедительнее и детальнее довести свое требование и избежать непредвиденных ситуаций.

Если сравнить длительность высказываний на рис. 3, то можно заметить, что к точке С идет замедление, а затем ускорение. Это может быть связано с тем, что человек начинает разговор с целью привлечь внимание. Когда он убедился, что собеседник его слушает, он может перейти к более мягкому и понятному общению, чтобы добиться нужного результата без лишней конфронтации. Ускорение речи может быть связано с тем, что человек хочет достичь быстрого и эффективного решения проблемы или выполнения задачи, но при этом не хочет создавать напряжения или конфликта.

Сравнение ЧОТ на обоих графиках показывает, что у нейтрального высказывания более выраженный разброс значений. Это может быть обусловлено следующими факторами. Интерпретация контекста: нейтральное высказывание в зависимости от ситуации может быть воспринято по-разному. Некоторые люди склонны воспринимать его характер как позитивный, а другие, наоборот, — как негативный. Индивидуальные предпочтения: люди могут иметь разные предпочтения в отношении тона и стиля выражения своих изречений. Например, одни отдадут предпочтение более официальному и ровному тону, в то время как другие — более эмоциональным и выразительным интонациям. Культурные различия: разные культуры имеют разные стандарты в отношении тональности речи. На-

пример, в некоторых культурах более прямолинейное и открытое высказывание может быть воспринято как нейтральное, в то время как в других культурах нейтральным считается более дипломатичное и осторожное выражение мнения. В то же время тональность требования должна быть ровной, чтобы обеспечить четкость и однозначность его смысла. Если тональ-

ность требования будет меняться или колебаться, это может привести к недопониманию или неправильному выполнению задачи. Поэтому важно формулировать требования ясно и точно, придерживаясь одной тональности на всем протяжении сообщения.

В табл. 1 сведены полученные в результате эксперимента данные.

Таблица 1. Значения измеренных параметров высказывания требования

1	Фраза	<i>You better come out and show me some hands right now</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,19	0,23	0,34	0,43	0,52	0,26	0,27
	Гц		307	343	342	327	295	335	290
	дБ		61	64	65	64	64	63	63
2	Фраза	<i>Come to my voice</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,05	0,16	0,06	0,08	0,14	0,14	0,17
	Гц		330	362	290	380	355	335	290
	дБ		60	62	60	63	64	63	61
3	Фраза	<i>Alright both of you take a breath</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,21	0,15	0,07	0,11	0,18	0,7	0,25
	Гц		170	95	175	231	303	211	150
	дБ		69	70	72	68	68	63	65
4	Фраза	<i>Just do you</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,15	0,17	0,04	0,13	0,14	0,16	0,27
	Гц		148	157	133	188	207	183	162
	дБ		66	70	65	70	67	67	65
5	Фраза	<i>Don't be swearing at the cops</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,25	0,09	0,10	0,19	0,12	0,10	0,33
	Гц		162	225	176	187	178	165	159
	дБ		66	66	62	68	65	56	57
6	Фраза	<i>Come out here for me</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,05	0,10	0,05	0,09	0,07	0,12	0,20
	Гц		184	186	172	189	180	163	123
	дБ		58	68	65	68	60	68	61
7	Фраза	<i>Put your right foot in front of our left and then just stand there</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,11	0,06	0,41	0,23	0,55	0,28	0,68
	Гц		182	150	195	219	180	150	167
	дБ		70	62	68	65	65	66	65
8	Фраза	<i>Why don't you go and step out of your vehicle</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,14	0,22	0,11	0,16	0,27	0,14	0,53
	Гц		250	280	287	214	241	243	184
	дБ		69	64	68	62	65	63	65
9	Фраза	<i>Gotta be under here somewhere</i>	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,14	0,07	0,10	0,17	0,11	0,08	0,32
	Гц		155	134	116	120	114	106	118
	дБ		72	66	66	68	66	60	63

Окончание табл. 1

10	Фраза	Why are we here	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,13	0,03	0,04	0,03	0,10	0,10	0,12
	Гц		216	281	290	281	256	295	326
	дБ		74	74	74	70	68	67	66
11	Фраза	These pants are green	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
	Секунды		0,16	0,06	0,15	0,06	0,016	0,13	0,21
	Гц		167	223	179	150	129	220	140
	дБ		68	64	74	70	68	74	66

РАЗРАБОТКА МОДУЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ
ГЕНЕРАЦИИ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

Программирование прототипа модуля генерации
речевой просодии

Полученные результаты позволяют создать прототип программной утилиты для автоматического модулирования сигнала в целях придания ему просодии должествования, выбранной для проведения эксперимента. Разработанная программа для ЭВМ может быть интегрирована в генеративную искусственную нейронную сеть (ИНС), чтобы реализовать речевую коммуникацию в соответствующей просодии. При решении задачи был задействован языковой агент ChatGPT. Данный инструмент был использован для создания кода программы, которая преобразует аудио-сигнал.

Созданный лингвистической моделью в результате серии итеративных запросов исследователя программный код изменяет параметры входного аудиосигнала в соответствии с экспериментально установленными значениями для просодии требования, представленными в таблице. Модулированный выходной сигнал сохраняется и воспроизводится для оценки результатов работы утилиты. Данный подход позволяет автоматизировать процесс звуковой обработки речи, обеспечить гибкую настройку параметров генерации и широкие возможности для анализа параметров вербальной коммуникации. Ниже записан показательный фрагмент кода программы, разработанной для генерации речевой просодии.

```
from pydub import AudioSegment
from pydub.playback import play

def modulate_audio(input_file, output_file, duration_
factor=1.0, volume_factor=1.0, pitch_factor=1.0):
    # Загрузка звукового файла
    sound = AudioSegment.from_file(input_file)

    # Изменение длительности слога
    duration_changed = sound.speedup(playback_speed=
duration_factor)
```

```
# Изменение громкости (интенсивности)
volume_changed = duration_changed + 10 * volume_
factor # Поднимем или понизим громкость

# Изменение герцовки (высоты голоса)

pitched = volume_changed._spawn(volume_changed.
raw_data, overrides={
    "frame_rate": int(sound.frame_rate * pitch_factor)
})

# Сохранение модулированного звукового файла
pitched.export(output_file, format="wav")

# Проигрывание оригинала и модулированного звука
print(<<Исходный файл:>>)
play(sound)
print("Модулированный файл:")
play(pitched)

# Пример использования
modulate_audio("input.wav", "output_modulated.
wav", duration_factor=0.8, volume_factor=1.5, pitch_
factor=1.2)
```

Процесс создания программного модуля включил в себя следующие этапы.

- 1. Выбор инструмента для генерации исходного текста модуля. В качестве инструмента была выбрана ИНС GPT-3 в силу того, что она является одним из наиболее передовых доступных агентов автоматизированного программирования на языке Python.
- 2. Интеграция. С помощью встроенного в GPT-3 API (интерфейса программирования приложений) мы реализовали возможность аппаратно-программного взаимодействия с этой языковой моделью.
- 3. Разработка кода модуля. Модуль генерации речевой просодии был запрограммирован итерационно-циклическим методом отправки запросов в GPT-3, обработки полученных ответов и формирования уточняющих заданий. Цикл повторялся до достижения готового к тестированию результата.
- 4. Извлечение и контейнеризация. Перспективные версии исходного текста GPT-3 извлекались, оформ-

лялись в виде функциональной программной библиотеки и снабжались интерфейсами ввода и вывода данных для последующего тестирования.

5. *Тестирование и оценка результатов.* Синтезированный модулем речевой сигнал сравнивался с эталонным образцом из базы данных по лингвистическим параметрам, указанным выше, а также на слух непредвзятого пользователя¹⁸. По результатам сравнения оценивалась эффективность функционирования модуля и формировались корректирующие запросы для ИНС GPT-3 в целях получения следующей, более совершенной версии исходного текста программы. Этот процесс повторялся до сближения параметров эталонного и тестируемого образцов на уровне 70–92%.

Экспериментальная верификация
модуля генерации речевой просодии

Необходимость разработки программного модуля генерации речевой просодии обусловлена потребностью в экспериментальной верификации результатов, полученных в ходе исследования. Созданная программная

утилита реализована с использованием языка программирования Python и ИНС GPT-3 от компании OpenAI.

Испытания модуля проводились с использованием высококачественного микрофона, программного обеспечения для обработки аудиоинформации, а также плоских, лишенных выраженной просодии речевых фрагментов (табл. 2). Модуль принимал входной сигнал и вносил изменения в ритм, интонацию, эмоциональные нюансы и другие параметры речи в соответствии с предварительно запрограммированными настройками. На выходе модуля снимался аудиосигнал с измененными параметрами, реализующими просодию требования. В каждом сеансе испытаний были использованы идентичные параметры входного сигнала и программной модуляции просодии.

Эксперимент был повторен десять раз для доказательства стабильности показателей. Результаты испытаний оказались корректными и повторяемыми, что свидетельствует об обоснованности выбранной методики исследования и воспроизведения такого лингвистического элемента, как речевая просодия, а также о ее качественной реализации.

Таблица 2. Значения сгенерированных модулем параметров просодии требования

Исходный образец	Person calling for help	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды		0,14	0,08	0,15	0,07	0,17	0,14	0,19
Гц		174	213	168	160	131	225	146
дБ		69	67	72	71	65	70	67
Генерация 1		Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды		0,17	0,12	0,22	0,11	0,21	0,17	0,23
Гц		181	222	175	166	140	231	152
дБ		74	69	76	73	67	72	70
Генерация 2		Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды		0,16	0,12	0,21	0,10	0,21	0,18	0,22
Гц		179	220	178	168	137	230	151
дБ		74	68	75	72	67	71	70
Генерация 3		Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды		0,16	0,11	0,22	0,11	0,20	0,17	0,21
Гц		178	221	176	168	141	229	151
дБ		73	69	74	73	66	72	68
Генерация 4		Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды		0,17	0,12	0,21	0,11	0,21	0,18	0,23
Гц		179	222	176	167	139	230	150
дБ		69	67	72	72	66	70	67

¹⁸ Lay Listener — тест непредвзятого пользователя, также известный как Lay listener, представляет собой концепцию, описывающую способность восприятия звуков и аудиоинформации обыденным, далеким от науки пользователем, лишенным специализированных знаний в области аудиотехники или звуковой обработки. Термин «Lay listener» подчеркивает отсутствие технического образования или опыта в сфере звуковых технологий у данного слушателя.

Генерация 5	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,17	0,11	0,20	0,10	0,22	0,17	0,21
Гц	177	222	179	168	137	231	152
дБ	72	69	74	72	67	71	68
Генерация 6	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,17	0,12	0,22	0,11	0,21	0,17	0,23
Гц	181	222	175	166	140	231	152
дБ	74	69	76	73	67	72	70
Генерация 7	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,17	0,13	0,22	0,11	0,21	0,18	0,23
Гц	180	221	176	167	138	231	152
дБ	72	68	74	72	67	72	69
Генерация 8	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,17	0,12	0,22	0,10	0,21	0,17	0,23
Гц	178	222	175	166	140	230	151
дБ	73	69	76	73	67	71	69
Генерация 9	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,17	0,12	0,22	0,10	0,21	0,17	0,21
Гц	179	219	177	169	143	229	151
дБ	73	69	73	71	66	72	68
Генерация 10	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая
Секунды	0,16	0,12	0,21	0,11	0,21	0,17	0,22
Гц	179	222	176	167	138	228	153
дБ	72	69	74	72	67	73	69

Важным итогом эксперимента стал факт подтверждения гипотезы о возможности автоматической генерации коммуникативных речевых просодий с помощью программно-аппаратных компьютерных средств.

Практическая применимость и масштабирование прототипа

Разработанный прототип представляет собой масштабируемую систему, которая может быть дополнена другими просодиями и интегрирована в генеративную нейронную сеть для реализации функции человекоподобной голосовой коммуникации.

Прототип модуля создан на основании предложенной в статье методики. Это означает, что система может быть обучена и настроена для воспроизведения различных интонационных, ритмических и эмоциональных параметров речи, характерных для просодий других видов. Увеличение номенклатуры поддерживаемых просодий расширит функциональные возможности и полезность прототипа.

Масштабируемость относится к способности системы расширяться и приспосабливаться к новым требованиям, сохраняя при этом эффективность

и стабильность [38]. Модульная структура разработанного прототипа призвана обеспечить гибкость и расширяемость его программной системы, а также поддержку библиотеки просодий без существенного изменения архитектуры данной утилиты.

Созданный модуль может быть встроен в нейросетевые структуры с машинным и глубоким обучением. Научно-лингвистическая природа данного проекта открывает возможность использования разработанного прототипа в системах искусственного интеллекта, основанных на больших языковых моделях. Для этого прототип должен быть адаптирован к стандартам и интерфейсам, используемым в данной области, включая настройку взаимодействия с входными и выходными слоями ИНС. Осуществление такой интеграции сделает данный прототип эффективным инструментом для разработки систем синтеза речи с учетом различных лингвистических и эмоциональных контекстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие больших языковых моделей, способных генерировать релевантные ответы на вопросы и поддержи-

вать содержательную коммуникацию с пользователем, ставит перед их исследователями и разработчиками новые задачи. Сегодня сформировался тренд на совершенствование аудиоречевых каналов коммуникации искусственных нейронных сетей, которые призваны достоверно имитировать особенности человеческой речи.

В настоящем исследовании выдвинута гипотеза о возможности параметризации, оцифровки, генерации и последующего воссоздания фонетических особенностей речевого потока, характерного для человека. Для этого выбран наиболее яркий и простой пример просодии требования, которая контрастно высвечивает критерии, определяющие данный вид речевой модальности. Минимально необходимый комплект изученных показателей включил в себя частоту основного тона, громкость и длительность произнесения анализируемых фраз.

Проведенный по указанным выше параметрам анализ одиннадцати речевых образцов показал наличие закономерностей, позволяющих отличать нейтральную тональность обращений от тех, что связаны с предъявлением требования. Вытекающим из данного факта следствием оказалась возможность воссоздавать эти показатели и придавать таким образом нейтральным высказываниям тон и характер требования.

Для проверки данного предположения на практике было осуществлено прототипирование программного модуля, выполняющего задачу изменения параметров тонально нейтрального высказывания так, чтобы после обработки частоты основного тона, длительности и громкости произнесенных слогов оно приобрело просодию требования. Создание прототипа было выполнено с помощью нейросетевого генератора программного кода на языке Python итеративным методом постановки задачи, оценки результата ее выполнения и формулировки следующего запроса, развивающего полученный продукт в необходимом направлении.

Разработанная программная утилита прошла тестирование на предмет качества модуляции сигнала в целях приближения его характеристик к искомым значениям. Результаты испытаний оказались корректными и повторяемыми, эксперимент был воспроизведен десять раз для доказательства стабильности показателей, его итоги представлены в виде таблицы измеренных величин.

Факт работоспособности созданного модуля позволил сделать заключение о корректности выдвинутой в статье гипотезы относительно реализуемости моделирования речевой просодии компьютерными средствами, практической применимости теоретических выводов исследования и его материального результата в виде прототипа программного продукта для обучения больших языковых моделей человекоподобной коммуникации.

Полученный результат также подчеркнул актуальность разработки эффективной правовой нормы для охраны звуковой или вокальной идентичности гражданина, именуемой в повседневном обиходе голосом человека, в конкретных параметрах, которые позволяют количественно и качественно сравнивать между собой речевые или певческие образцы для информированного и справедливого разрешения связанных с ними юридических споров. Объемы понятий «голос» и «речевая просодия» пересекаются. Просодия объективируется в звуковой форме и по этой причине может интерпретироваться как голос гражданина. Правовое регулирование использования голоса человека требует уточнения этого феномена в определенных характеристиках, одной из которых выступает речевая просодия.

Анализ просодии особенно эффективен в области права и правосудия. В судебных разбирательствах истолкование интонации может использоваться для обнаружения истинности или ложности намерения говорящего, определяющего исход дела. Просодия может служить индикатором эмоционального состояния человека. Эмоции, выраженные через голос, могут указывать на степень искренности и уверенности говорящего (свидетеля, истца, ответчика и т.д.). Так, если гражданин говорит с повышенными интонацией и темпом, это может свидетельствовать о нервозности, неуверенности или надуманности его высказывания. Анализ просодии позволяет точнее понимать контекст и оценивать достоверность показаний. Таким образом, учет извлекаемой из просодии информации становится фактором повышения качества судопроизводства.

В условиях растущей популярности технологий синтеза и распознавания речи знания о просодии и необходимость принимать эту звуковую характеристику индивидуума во внимание становятся еще более актуальными задачами. Современные системы могут не только фиксировать высказывания, но и анализировать их произношение и эмоциональную окраску. Это открывает новые возможности для защиты прав граждан при посягательствах на их интересы со стороны мошенников, поскольку позволяет надежно идентифицировать и интерпретировать их голосовые данные. По этой причине интеграция просодических аспектов в законодательную и правоприменительную практику — это шаг к более эффективной охране прав граждан и справедливому правосудию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Language Models are Unsupervised Multitask Learners / A. Radford, J. Wu, R. Child et al. OpenAI, 2019. P. 1–24.

2. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and language processing: An introduction to natural language processing, computational linguistics, and speech recognition / Ed. 3. Lond.: Pearson, 2019. P. 1–16.
3. Потапов В.В., Казак Е.А. Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. трудов. М.: РАН. ИНИОН, Отдел языкознания, 2022. 280 с.
4. Чубиков А.В. Исследование методов для повышения качества озвучивания текста в системах речевого синтеза // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. № 4(20). С. 551–558.
5. Huang L., Yu D. Linguistic Features for Speech Synthesis: A Review // IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. 2011. Vol. 19. No. 7. P. 1723–1734.
6. Xu Y., Jiang X. Voice Synthesis Based on Timbral Characteristics // Proceedings International Conference on Electrical and Control Engineering. Melaka, Malaysia, 2019. P. 124–128.
7. Tao X., Li S. Emotional Speech Synthesis Based on Prosodic Attributes // Proceedings IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing. New Orleans, LA, USA, 2017. P. 511–515.
8. Chung D., Kim H., Ahn S. An integrated study of user acceptance and resistance on voice commerce // International Journal of Innovation and Technology Management. 2022. Vol. 19. No. 7.
9. Singh R., Jiménez A., Øland A. Voice disguise by mimicry: deriving statistical articulometric evidence to evaluate claimed impersonation // IET Biometrics. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 282–289.
10. Матвеев А.Г., Мартыанова Е.Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex iure. 2023. № 3. С. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131
11. Анимян Т.С. Экспрессивный потенциал просодии в инаугурационной риторике (на материале обращения Джоозефа Байдена в 2021 г.) // Litera. 2021. No. 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36334
12. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1981. № 515. С. 3–7.
13. Searle J.R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. Lond.: Cambridge University Press, 1969. P. 1–220.
14. YouTube-канал A&E, рубрика видео «LIVE PD». — URL: <https://www.youtube.com/@AETV>
15. Madzlan N.A., Han J., Bonin F., Campbell N. Automatic recognition of attitudes in video blogs — prosodic and visual feature analysis // INTERSPEECH-2014. Eds. H. Li, P. Ching. ISCA, 2014. P. 1826–1830. — URL: https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2014/i14_1826.html
16. Madzlan N.A., Han J., Bonin F., Campbell N. Towards automatic recognition of attitudes: Prosodic analysis of video blogs // Proceedings 7th International Conference on Speech Prosody 2014 / Eds. N. Campbell, D. Gibbon, D. Hirst. ISCA, 2014. P. 91–94. DOI: 10.21437/SpeechProsody.2014-6
17. Рафикова А.С., Валуева Е.А., Панфилова А.С. Голос и психологические свойства человека: обзор современных исследований // Психология Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 195–215.
18. Ramsay R.W. Speech patterns and personality // Language and Speech. 1968. Vol. 11. No. 1. P. 54–63. DOI: 10.1177/002383096801100108
19. Eisenberg P., Zalowitz E. Judging expressive movement: III. Judgments of dominance-feeling from phonograph records of voice // Journal of Applied Psychology. 1938. Vol. 22. No. 6. P. 620–631. DOI: 10.1037/h0059457
20. Stagner R. Judgments of voice and personality // Journal of Educational Psychology. 1936. Vol. 27. No. 4. P. 272–277. DOI: 10.1037/h0057086
21. Taylor H.C. Social agreement on personality traits as judged from speech // Journal of Social Psychology. 1934. Vol. 5. No. 2. P. 244–248. DOI: 10.1080/00224545.1934.9919452
22. Truesdale D.M., Pell M.D. The sound of passion and indifference // Speech Communication. 2018. Vol. 99. P. 124–134. DOI: 10.1016/j.specom.2018.03.007
23. Jones A., Bennett R., Cross S. Keepin' it real? Life, death, and holograms on the live music stage // The Digital Evolution of Live Music / Eds. Angela Cresswell Jones, Rebecca Jane Bennett. Kingston Upon Hull, UK: Chandos Publishing, 2015. P. 123–138. ISBN 9780081000670. DOI: 10.1016/B978-0-08-100067-0.00010-5
24. Рудин Л.Б. Основы голосоведения. М.: Граница, 2009. 104 с. — URL: https://voiceacademy.ru/images/files/nauch_trudi/osnovy-golosovedenija-2009.pdf
25. Емельянов В.В. Развитие голоса. Координация и тренинг: учебное пособие. 12-е изд., стер. СПб.: Лань; Планета музыки, 2023. 168 с. — URL: <https://reader.lanbook.com/book/316097#4>
26. Busquet F., Efthymiou F., Hildebrand C. Voice analytics in the wild: Validity and predictive accuracy of common audio-recording devices // Behaviour Research. 2024. Vol. 56. P. 2114–2134. DOI: 10.3758/s13428-023-02139-9
27. Brown A., Davis K. The importance of using repetitive speech samples in prosody research // Journal of Speech Sciences. 2018. Vol. 3. No. 27. P. 245–260.

28. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 181 с.
29. Lee H., Park S. Analyzing prosodic elements in speech demands using repetitive speech fragments // *Proceedings of the International Conference on Speech and Language Processing. ISCA*, 2019. P. 89–102.
30. Johnson R., Adams M. The use of regulated speech samples in studying prosody of obligation // *Law Enforcement Quarterly*. 2020. Vol. 4. No. 15. P. 312–325.
31. Garcia L., Rodriguez E. Intonational modalities in specific types of utterances // *Journal of Phonetics and Intonation*. 2017. Vol. 1. No. 19. P. 56–70.
32. Cho T., Ladefoged P. Variation and universals in VOT: evidence from 18 languages // *Journal of Phonetics*. 1999. Vol. 2. No. 27. P. 207–229. DOI: 10.1006/jpho.1999.0094
33. Heldner M. On the reliability of overall intensity and spectral emphasis as acoustic correlates of focal accents in Swedish // *Journal of Phonetics*. 2003. No. 31. P. 39–62. DOI: 10.1016/S0095-4470(02)00071-2
34. Scherer K.R., Banse R., Wallboett H.G. Emotion inferences from vocal expression correlate across languages and cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 1. No. 32. P. 76–92. DOI: 10.1177/0022022101032001009
35. Blicher D.L., Diehl R.L., Cohen L.B. Effects of syllable duration on the perception of the Mandarin tone2/ tone3 distinction: Evidence of auditory enhancement // *J. Phonetics*. 1990. No. 18. P. 37–49. DOI: 10.1016/S0095-4470(19)30357-2
36. Cutler A., Foss D.J. On the role of sentence stress in sentence processing // *Language and Speech*. 1977. Vol. 1. No. 20. P. 1–10. DOI: 10.1177/002383097702000101
37. Elif Bozkurt, Yücel Yemez, Engin Erzin. Multimodal analysis of speech and arm motion for prosody-driven synthesis of beat gestures // *Speech Communication*. 2016. No. 85. P. 29–42. DOI: 10.1016/j.specom.2016.10.004
38. Chen M., Mao S., Liu Y. Big data: A survey // *Mobile Networks and Applications*. 2014. Vol. 2. No. 19. P. 171–209. DOI: 10.1007/s11036-013-0489-0
39. Potapov V.V., Kazak E.A. Rechevaya kommunikaciya v setevyx strukturax: mezhdru globalnym i lokalnym: sb. nauch. trudov. M.: RAN. INION; Otdel yazykoznaniya, 2022. 280 p.
40. Chubikov A.V. Issledovanie metodov dlya povysheniya kachestva ozvuchivaniya teksta v sistemax rechevogo sinteza // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. 2018. No. 4(20). P. 551–558.
41. Huang L., Yu D. Linguistic Features for Speech Synthesis: A Review // *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2011. Vol. 19. No. 7. P. 1723–1734.
42. Xu Y., Jiang X. Voice Synthesis Based on Timbral Characteristics // *International Conference on Electrical and Control Engineering*. Melaka, Malaysia, 2019. P. 124–128.
43. Tao X., Li S. Emotional Speech Synthesis Based on Prosodic Attributes // *Proceedings IIEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing*. New Orleans, LA, USA, 2017. P. 511–515.
44. Chung D., Kim H., Ahn S. An integrated study of user acceptance and resistance on voice commerce // *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2022. Vol. 19. No. 7.
45. Singh R., Jiménez A., Øiland A. Voice disguise by mimicry: deriving statistical articulometric evidence to evaluate claimed impersonation // *IET Biometrics*. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 282–289.
46. Matveyev A.G., Martyanova E.Yu. Grazhdansko-pravovaya okhrana golosa cheloveka pri yego sinteze i posleduyushchem ispolzovanii // *Ex iure*. 2023. No. 3. S. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131
47. Anikyan T.S. Ekspressivnyj potencial prosodii v inauguracionnoj ritorike (na materiale obrashheniya Dzhozefa Bajdena v 2021 g.) // *Litera*. 2021. No. 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36334
48. Lotman Yu.M. Semiotika kultury i ponyatie teksta // *Uchen. zapisky Tart. gos. un-ta*. 1981. No. 515. S. 3–7.
49. Searle J.R. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language* // Cambridge University Press. 1969. P. 1–220.
50. YouTube-kanal A&E, rubrika video “LIVE PD”. — URL: <https://www.youtube.com/@AETV>
51. Madzlan N.A., Han J., Bonin F., Campbell N. Automatic recognition of attitudes in video blogs — prosodic and visual feature analysis // *INTERSPEECH-2014*. Eds. H. Li, P. Ching. ISCA, 2014. P. 1826–1830. — URL: https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2014/i14_1826.html
52. Madzlan N.A., Han J., Bonin F., Campbell N. Towards automatic recognition of attitudes: Prosodic analysis of video blogs // *Proceedings 7th International Conference on Speech Prosody 2014* / Eds.

REFERENCES

1. Language Models are Unsupervised Multitask Learners / A. Radford, J. Wu, R. Child et al. *OpenAI*. 2019. P. 1–24.
2. Jurafsky D., Martin J.H. *Speech and language processing: An introduction to natural language processing, computational linguistics, and speech recognition* / Ed. 3. Lond.: Pearson, 2019. P. 1–16.

- N. Campbell, D. Gibbon, D. Hirst. ISCA, 2014. P. 91–94. DOI: 10.21437/SpeechProsody.2014-6
17. Rafikova A.S., Valuyeva E. A., Panfilova A.S. Golos i psikhologicheskiye svoystva cheloveka: obzor sovremennykh issledovaniy // Journal of the Higher School of Economics. Psychology. 2022. T. 19. No. 1. S. 195–215.
18. Ramsay R.W. Speech patterns and personality // Language and Speech. 1968. Vol. 11. No. 1. P. 54–63. DOI: 10.1177/002383096801100108.
19. Eisenberg P., Zalowitz E. Judging expressive movement: III. Judgments of dominance-feeling from phonograph records of voice // Journal of Applied Psychology. 1938. Vol. 22. No. 6. P. 620–631. DOI: 10.1037/h0059457
20. Stagner R. Judgments of voice and personality // Journal of Educational Psychology. 1936. Vol. 27. No. 4. P. 272–277. DOI: 10.1037/h0057086
21. Taylor H.C. Social agreement on personality traits as judged from speech // Journal of Social Psychology. 1934. Vol. 5. No. 2. P. 244–248. DOI: 10.1080/00224545.1934.9919452
22. Truesdale D.M., Pell M.D. The sound of passion and indifference // Speech Communication. 2018. Vol. 99. P. 124–134. DOI: 10.1016/j.specom.2018.03.007
23. Jones A., Bennett R., Cross S. Keepin' it real? Life, death, and holograms on the live music stage // The Digital Evolution of Live Music / Eds. Angela Cresswell Jones, Rebecca Jane Bennett. Kingston Upon Hull, UK: Chandos Publishing, 2015. P. 123–138. ISBN 9780081000670. DOI: 10.1016/B978-0-08-100067-0.00010-5
24. Rudin L.B. Osnovy golosovedeniya. M.: Granitsa, 2009. 104 s. — URL: https://voiceacademy.ru/images/files/nauch_trudi/osnovy-golosovedeniya-2009.pdf
25. Emelyanov V.V. Razvitiye golosa. Koordinatsiya i trening: uchebnoye posobiye. 12-e izd., ster. SPb.: Lan; Planeta muzyki, 2023. 168 s. — URL: <https://reader.lanbook.com/book/316097#4>
26. Busquet F., Efthymiou F., Hildebrand C. Voice analytics in the wild: Validity and predictive accuracy of common audio-recording devices // Behaviour Research. 2024. Vol. 56. P. 2114–2134. DOI: 10.3758/s13428-023-02139-9
27. Brown A., Davis K. The importance of using repetitive speech samples in prosody research // Journal of Speech Sciences. 2018. Vol. 3. No. 27. P. 245–260.
28. Kibrik A.E. Metodika polevykh issledovaniy (k postanovke problemy). M.: Izd-vo Mosk. un-t-a, 1972. 181 p.
29. Lee H., Park S. Analyzing prosodic elements in speech demands using repetitive speech fragments // Proceedings of the International Conference on Speech and Language Processing. ISCA, 2019. P. 89–102.
30. Johnson R., Adams M. The use of regulated speech samples in studying prosody of obligation // Law Enforcement Quarterly. 2020. Vol. 4. No. 15. P. 312–325.
31. Garcia L., Rodriguez E. Intonational modalities in specific types of utterances // Journal of Phonetics and Intonation. 2017. Vol. 1. No. 19. P. 56–70.
32. Cho T., Ladefoged P. Variation and universals in VOT: evidence from 18 languages // Journal of Phonetics. 1999. Vol. 2. No. 27. P. 207–229. DOI: 10.1006/jpho.1999.0094
33. Heldner M. On the reliability of overall intensity and spectral emphasis as acoustic correlates of focal accents in Swedish // Journal of Phonetics. 2003. No. 31. P. 39–62. DOI: 10.1016/S0095-4470(02)00071-2
34. Scherer K.R., Banse R., Wallbott H.G. Emotion inferences from vocal expression correlate across languages and cultures // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 1. No. 32. P. 76–92. DOI: 10.1177/0022022101032001009
35. Blicher D.L., Diehl R.L., Cohen L.B. Effects of syllable duration on the perception of the Mandarin tone2/tone3 distinction: Evidence of auditory enhancement // J. Phonetics. 1990. No. 18. P. 37–49. DOI: 10.1016/S0095-4470(19)30357-2
36. Cutler A., Foss D.J. On the role of sentence stress in sentence processing // Language and Speech. 1977. Vol. 1. No. 20. P. 1–10. DOI: 10.1177/002383097702000101
37. Elif Bozkurt, Yücel Yemez, Engin Erzin. Multimodal analysis of speech and arm motion for prosody-driven synthesis of beat gestures // Speech Communication. 2016. No. 85. P. 29–42. DOI: 10.1016/j.specom.2016.10.004
38. Chen M., Mao S., Liu Y. Big data: A survey // Mobile Networks and Applications. 2014. Vol. 2. No. 19. P. 171–209. DOI: 10.1007/s11036-013-0489-0

Научная статья

УДК: 343.533.4

DOI: 10.17323/tis.2025.27368

Original article

НЕЙМИНГ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ И КОМАНД В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА РЕКЛАМУ ИГР, ОСНОВАННЫХ НА РИСКЕ И ПАРИ NAMING OF SPORTS EVENTS AND TEAMS IN THE CONTEXT OF THE LEGAL RESTRICTIONS ON ADVERTISING RISKY GAMES

Ольга Валентиновна АФАНАСЬЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
oafanasieva@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-2041-6631

Геннадий Евгеньевич СЕРЕГИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
gseregina@hse.ru,
ORCID: 0009-0008-8219-7594

Яна Владиславовна СТАРШАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
yerofeeva@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-5482-2980

Информация об авторах

О.В. Афанасьева — доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, кандидат политических наук

Г.Е. Серегин — старший преподаватель Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ

Я.В. Старшая — старший преподаватель Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ

- **Аннотация.** Рассмотрены особенности продвижения букмекерских услуг, относящихся к социально-рисковой категории, в отношении рекламы которых предусмотрен особый правовой режим. В настоящее время широкое распространение получила практика использования средств индивидуализации букмекеров в официальных названиях спортивных соревнований, команд, сооружений. Проанализированы актуальное рекламное законодательство и формирующаяся правоприменительная практика в части продвижения игр, основанных на риске и пари. Авторы уделяют особое внимание этическим вопросам такой коммуникации, определяют рамки допустимости использования кобрендинга применительно к этой сфере.

- **Ключевые слова:** нейминг, реклама социально-рисковых услуг, продвижение игр, основанных на риске и пари, средство индивидуализации, букмекерские компании, беттинг, этика в рекламе, кобрендинг, договоры

- **Для цитирования:** Афанасьева О.В., Серегин Г.Е., Старшая Я.В. Нейминг спортивных событий и команд в контексте законодательных ограничений на рекламу игр, основанных на риске и пари // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2; С. 67–77. DOI: 10.17323/tis.2025.27368

и воспользоваться предлагаемыми услугами, учитывая ее высокий риск.

2. Ограничения по месту распространения такой рекламы — допускается размещение рекламы в местах проведения спортивных соревнований, в специализированных СМИ и на официальных сайтах спортивных лиг, во время прямой трансляции или в записи спортивных соревнований.

3. Ограничения по содержанию (контенту) рекламных фото- и видеоизображений — полный запрет на использование в рекламе букмекеров образов людей и животных. Запрещаются прямое или косвенное визуальное упоминание персонажей, в том числе отдельных частей тела, анимационные изображения и изображения вымышленных персонажей, а также закадровые диалоги, которые позволят у конечного потребителя рекламного ролика сформировать образ человека [5].

Регулятор на законодательном уровне допускает размещение и распространение не только так называемой прямой рекламы, которую потребитель может однозначно идентифицировать как рекламную информацию, но и «косвенной» — размещение средств индивидуализации организаторов азартных игр в спортивных сооружениях или на спортивной форме спортсменов и (или) спортивных клубов.

При этом стоит отметить, что в сравнении с зарубежными практиками регулирования рекламы букмекеров российские нормы кажутся достаточно жесткими. Например, в Великобритании рекламу букмекерских контор регулирует Кодекс Великобритании по незфирной рекламе, прямому и рекламному маркетингу (The UK Code of Non-broadcast Advertising and Direct & Promotional Marketing, CAP). В соответствии с ним реклама азартных игр (в том числе ставок на спорт) не должна содержать утверждения о гарантиях выигрыша, социальной одобряемости или ссылаться на традиционный характер азартных игр. Помимо стандартных в отечественном понимании требований к рекламе таких услуг кодекс содержит требования относительно защиты несовершеннолетних. Так, реклама не должна использовать образы лиц, которым не исполнилось 25 лет или которые кажутся моложе 25 лет. Кодекс не содержит каких-либо ограничений относительно партнерских контрактов между букмекерами и спортивными организациями, а также интеграции нейминга букмекера в нейминг спортивных соревнований. В Великобритании такие практики довольно распространены.

Например, на 2025 г. чемпионат Английской футбольной лиги носит официально спонсорское наименование Sky Bet Championship, в которое интегрировано название английской букмекерской конторы Sky Bet. С 2021 г. деятельность букмекерских

компаний регулируется Единым регулятором азартных игр (ЕРАИ), созданным на основании Федерального закона от 30.12.2020 №493-ФЗ и распоряжения Правительства Российской Федерации от 09.06.2021 №1526-р) [6]. В функционал ЕРАИ входят государственный контроль (надзор) за организацией и проведением азартных игр и обеспечение внебюджетного финансирования спорта.

Законодательство и правоприменительная практика регулирования рынка букмекерских услуг, безусловно, продолжают свое развитие, однако на текущий момент можно отметить, что используемые букмекерскими компаниями коммуникационные практики, не подпадающие напрямую под действие ФЗ «О рекламе», остаются вне компетенций ЕРАИ. Среди таких практик можно выделить использование партнерских программ, рекламу в социальных сетях и интеграции с блогерами, а также имиджевую рекламу букмекерских компаний.

В последнее время широкое распространение получила практика интеграции нейминга букмекера в официальное название спортивного соревнования, спортивной команды и спортивных сооружений, которая представляет собою одну из форм так называемого кобрендинга (его правовая природа будет рассмотрена далее). Многие крупнейшие спортивные соревнования в России на текущий момент интегрируют средства индивидуализации букмекеров в свои официальные названия, среди которых всем известные «FONBET Чемпионат Континентальной хоккейной лиги» или «FONBET Кубок России по футболу» [7, 8].

Помимо спортивных соревнований в отечественной рекламной практике можно найти примеры кобрендинга букмекера и стадиона, например «BetBoom Арена» в Уфе, а также букмекера и спортивного клуба — футбольный и баскетбольный клубы с общим названием «Пари Нижний Новгород» [9, 10].

Следствием такого кобрендинга букмекерской компании со спортивным соревнованием, спортивной командой и спортивным сооружением стала практика распространения рекламной информации о спортивном соревновании, спортивной команде и спортивном сооружении, содержащая название букмекерской компании, за пределами спортивных сооружений и использование прочих коммуникационных инструментов, посредством которых законом запрещено размещать непосредственно рекламу и средства индивидуализации букмекеров.

Практика использования такого кобрендинга при продвижении букмекерских услуг разнообразна и не может не привлекать внимание широкой аудитории, а не только тех, кто заинтересован в заключении пари

на спортивные события. Так, в 2020-х годах реклама соревнований — партнеров букмекерской компании «Фонбет» стала массовым явлением. Информационные сообщения с кобрендингом букмекера и спортивного соревнования, зачастую сопровождаемые образами людей, размещались и продолжают размещаться в разных городах России на рекламных конструкциях, различных медиафасадах и даже в московском метро. А в Нижнем Новгороде была проведена акция, в рамках которой знаковые городские памятники были одеты в новую форму футбольного клуба «Пари Нижний Новгород», содержащую в том числе логотип букмекерской компании «Пари».

При этом на текущий момент в нормативно-правовых актах, регулирующих сферу рекламы, не сформирована позиция относительно законности и допустимости распространения такого рода информации, однозначно продвигающей социально-рисковые услуги на широкую потребительскую аудиторию.

Оценить масштаб таких партнерских контрактов объективно сложно: в публичном доступе отсутствуют какие-либо аналитические материалы. Однако рассмотрение коммуникационных практик ведущих букмекерских компаний, занимающих лидирующие позиции на российском рынке букмекерских услуг, представляет значительный интерес.

Прежде чем приступить к определению кобрендинга с точки зрения действующего законодательства, необходимо рассмотреть его юридические признаки, а также правовые основания его использования букмекерскими компаниями.

В теории возможна ситуация, когда кобрендинг букмекера и спортивного соревнования имеет статус товарного знака, для получения которого необходима процедура государственной регистрации. В этом случае можно говорить о том, что кобрендинг выступает средством индивидуализации конкретного спортивного соревнования, пусть даже на время действия партнерского контракта, и с точки зрения существующей правоприменительной практики вопросов о соответствии коммуникаций с использованием такого нейминга было бы меньше. Это было бы особенно актуально в случае, когда контракт заключается на длительный период и предполагает возможность пролонгации, при отсутствии у сторон возражений. Например, партнерское соглашение между букмекерской конторой «Пари» и футбольным клубом «Пари Нижний Новгород» действует с 2021 г. по сей день и в публичном поле нет никаких признаков того, что данное сотрудничество может быть прекращено в ближайшее время.

В качестве аналогии можно привести ситуацию с рекламой другого социально-рискового товара —

алкогольной продукции. Так, в п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О рекламе» установлен запрет на использование образов людей и животных в рекламе алкоголя. При этом из текста закона не следует, что данный запрет распространяется на средства индивидуализации алкогольной продукции, которые содержат в себе текстовые обозначения или графические образы людей и животных. Для уточнения границ действия данного запрета следует обратиться к Руководству по соблюдению обязательных требований «Требования к рекламе отдельных видов товаров (алкогольная продукция, лекарственные средства, биологически активные добавки)», утвержденному приказом ФАС РФ № 1079/23 от 28.12.2023 [11].

На сегодняшний день действует следующий порядок использования средств индивидуализации алкогольной продукции в рекламе:

- запрет на использование образов людей и животных не распространяется на демонстрацию в рекламе самого товара в том виде, в котором он представлен на рынке, в том числе с использованием на этикетке данного товара изображений людей или животных, товарных знаков, содержащих такие изображения;
- запрет на использование образов людей и животных не распространяется на названия алкогольной продукции, в том числе если такое название, наименование одновременно является обозначением человека или животного.

При этом демонстрация в рекламе алкогольной продукции отдельно товарного знака в виде изображения людей и/или животных либо части упаковки алкогольной продукции с использованием образа человека и/или животного рассматривается как нарушение.

ФАС РФ как регулятор в сфере рекламной деятельности допускает возможность распространения рекламной информации, содержащей средства индивидуализации алкогольной продукции с образами людей и животных, только в случае демонстрации самого товара или упаковки товара с этими образами и/или текстовыми обозначениями.

Таким образом, если провести аналогию между регулированием распространения рекламы алкогольной продукции и рекламы игр, основанных на риске и пари, то можно сделать вывод о том, что использование в коммуникациях кобрендинга с букмекером могло бы не подпадать под запрет на рекламу букмекеров только в том случае, если такой кобрендинг имел бы статус средства индивидуализации спортивного соревнования — зарегистрированного товарного знака. При этом вопрос использования в рекламной информации образов людей будет вторичен. Во-первых,

в настоящий момент в России нет ни одной букмекерской компании, которая бы использовала образы людей и/или животных и/или их текстовое обозначение в качестве элемента товарного знака. Во-вторых, объектом рекламирования в такой коммуникации выступало бы непосредственно спортивное соревнование, на рекламу которого такой запрет не распространяется.

Однако на практике нет ни одного зарегистрированного товарного знака, который сочетал бы в себе нейминг букмекера и спортивного соревнования. Для иллюстрации ситуации с кобредингом спортивных соревнований и букмекерских компаний рассмотрим следующие случаи из практики — футбольный клуб «Пари Нижний Новгород» и спортивное соревнование «FONBET Кубок России по футболу».

Футбольный клуб «Пари Нижний Новгород» зарегистрирован 28.04.2016 как автономная некоммерческая организация «Футбольный клуб «Пари Нижний Новгород», краткое наименование — АНО «ФК «Пари НН» [12]. По данным РБК, АНО «ФК «Пари НН» владеет единственным товарным знаком, который включает в себя текстовое обозначение «НН ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ» и графическое изображение (рис. 1).

Рис. 1. Товарный знак №735764

Букмекерская компания «Пари», статус которой по отношению к футбольному клубу в публичном поле обозначается как «титulusный партнер», зарегистрирована 30.12.2002 как общество с ограниченной ответственностью «Букмекерская контора «ПАРИ». По данным портала РБК, компания владеет восемью товарными знаками, причем ни один из них не связан ни с футбольным клубом, ни с названием компании, ни даже со знаками обслуживания, которые используют в коммуникациях букмекерской компанией [13].

Вместе с тем логотип «PARI» (рис. 2), выполненный бело-зеленым шрифтом на черном фоне, который используется и на сайте букмекерской компании «Пари» и, в несколько измененном виде, на сайте ФК «Пари НН», принадлежит ООО «Играющий мир» (ИНН 7706195989) [14, 15]. ООО «Играющий мир» владеет тремя товарными знаками, номера заявок — 1042369, 893746 и 886733.

Рис. 2. Товарные знаки 1042369, 893746, 886733

Таким образом, структурно ситуация со средствами индивидуализации ФК «Пари НН» выглядит следующим образом.

Логотип «PARI НН» не зарегистрирован в качестве товарного знака ни футбольным клубом, ни букмекером.

И клуб, и букмекер при этом используют логотип «PARI» на своих сайтах, а также в коммуникациях, включая случаи распространения информации за пределами мест, где распространение средств индивидуализации букмекеров разрешено законом.

Единственное зарегистрированное средство индивидуализации футбольного клуба, которое содержит в себе отсылку к «титulusному партнеру», — фирменное наименование АНО «ФК «ПАРИ НН», но при этом, по данным базы Роспатента, в России по запросу «ПАРИ» отсутствует текстовый или графический товарный знак «ПАРИ», каким-либо образом относящийся к рассматриваемым букмекеру и футбольному клубу [16].

Поскольку в средствах индивидуализации ФК «ПАРИ НН» использует преимущественно изображения, сходные с товарными знаками 1042369, 893746 и 886733, при этом регистрация таких изображений в качестве средства индивидуализации футбольного клуба отсутствует, встает вопрос о правомерности использования таких средств индивидуализации в коммуникациях, особенно в тех случаях, когда информация, их содержащая, носит рекламный характер.

Иная ситуация с соревнованием «FONBET Кубок России по футболу». Кубок России по футболу — соревнование, организацией и проведением которого занимается Российский футбольный союз (РФС). Российский футбольный союз как общероссийская общественная организация является единственным обладателем всех коммерческих прав на средства индивидуализации соревнования [17]. Среди перечня товарных знаков, правообладателем которых является РФС, отношение к рассматриваемому соревнованию имеет только один — «КУБОК РОССИИ» с идентификационным номером 903946. Графическая часть торговой марки приведена на рис. 3 [18].

Порядок организации и проведения соревнования «FONBET Кубок России по футболу» регулируется документом РФС «Регламент FONBET Кубка России по футболу среди мужских команд сезона 2024–2025 гг.», который является актом организации, его положения не могут противоречить российскому

Рис. 3. Товарный знак № 903946

законодательству. В соответствии с п. 1.2.1 ст. 1 приложения 8 «Регламент по маркетингу и коммерции FONBET Кубка России по футболу среди мужских команд сезона 2024–2025 годов» РФС как эксклюзивный правообладатель всех коммерческих прав Соревнования «назначил титульным спонсором Соревнования Букмекерскую компанию FONBET (рус. тр. ФОНБЕТ) на правах эксклюзивности (Титульный спонсор), осуществляющую деятельность в категории товаров и услуг “Букмекерские услуги”». В ст. 1 Регламента установлено, что полное наименование Соревнования (Кубка России) — «FONBET Кубок России по футболу среди мужских команд сезона 2024–2025 годов». Таким образом, в отличие от ситуации с ФК «ПАРИ НН», у РФС есть Регламент, который определяет формат интеграции нейминга букмекера в официальное название спортивного соревнования.

Букмекерская контора «Фонбет» принадлежит компании ООО «Фонкор», зарегистрированной 23.07.2014. С 2023 г. владельцем товарного знака FONBET под номером 622268, который интегрирован в нейминг Кубка России, а также используется на официальном сайте букмекерской компании, является АО «Вектор». Он же является обладателем ряда товарных знаков, представляющих собой вариации названия и логотипа компании на латинице и кириллице [19, 20].

Поскольку данный товарный знак в контексте его использования в рекламе неоднократно признавался и продолжает признаваться средством индивидуализации услуг букмекерской конторы «Фонбет», можно говорить об интеграции средства индивидуализации букмекера в официальное название спортивного соревнования [21]. При этом следует отметить, что в реестре товарных знаков не содержится информации о зарегистрированном средстве индивидуализации спортивного соревнования «FONBET Кубок России по футболу среди мужских команд сезона 2024–2025 годов». Отдельно зарегистрированы торговые знаки «Кубок России» и «FONBET», но они не являются по отдельности средствами индивидуализации данного соревнования.

Правомерность использования такого кобрендинга в названии по-прежнему вызывает вопросы. Можно ли допустить признание таких наименований в качестве коммерческого обозначения, которое не требует обязательной регистрации? Однозначного ответа здесь нет, поскольку следует учитывать степень известности коммерческого обозначения на определенной территории, соотношение деятельности по организации и проведению соревнований с определением коммерческой деятельности, возможность спора по поводу признанного коммерческого обозначения спортивного соревнования и зарегистрированных товарных знаков его потенциальных партнеров.

Мы видим, что букмекеры заинтересованы в партнерских контрактах с опцией нейминга и активно используют возможности, предоставляемые такими контрактами, а именно размещение и распространение рекламной информации, которую в иных условиях запрещает законодательство.

Для оценки и анализа коммуникаций с использованием кобрендинга рассмотрим несколько показательных случаев распространения таких информационных материалов.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на распространенность практики по размещению рекламы с кобрендингом букмекера и спортивного соревнования, эта практика пока не вызвала общественного резонанса, не получила общественной экспертизы и достаточного внимания со стороны государственного регулятора. Тем не менее в онлайн-среде можно обнаружить пользовательский контент, который как раз фиксирует отдельные случаи распространения таких материалов.

Одни из самых часто встречающихся случаев распространения материалов, содержащих кобрендинг, — это размещение рекламного баннера на рекламной конструкции (январь-февраль 2023 г.), а также сити-формат, интегрированный в остановку общественного транспорта (рис. 4) [22, 23].

Как мы видим, для продвижения соревнования «FONBET Чемпионат КХЛ» используются рекламные конструкции, которые в соответствии со ст. 19 ФЗ «О рекламе» предназначены исключительно для распространения рекламы или социальной рекламы.

В коммуникации использован образ человека (девушка в кокошнике), дополняемый надписью «FONBET Чемпионат КХЛ» и знаком информационной продукции (пометка «6+»). Все это позволяет сделать вывод о том, что в данном случае можно говорить о рекламе спортивного соревнования. Одновременно нельзя не отметить наличие узнаваемых элементов фирменного стиля букмекерской компа-

Рис. 4. Сити-формат и рекламная конструкция с рекламой чемпионата КХЛ

нии «FONBET» (шрифт, цвета), не говоря уже о наличии названия самого букмекера.

Случаи распространения рекламных материалов спортивного соревнования, содержащих кобрендинг с букмекером, не ограничиваются наружной рекламой. Встречаются и цифровые баннеры в мобильных приложениях с пометкой «реклама» (рис. 5) [24]. В материалах также сохраняются узнаваемые элементы фирменного стиля букмекера и его наименование.

Рис. 5. Медиабаннер с рекламой чемпионата КХЛ в мобильном приложении

В последнем случае (баннер в мобильном приложении) присутствует однозначно рекламная информация, а именно акция для потребителей с розыгрышем «кастомных призов», изображение которых в рекламе содержит название соревнования «FONBET Чемпионат КХЛ».

В соответствии с определением рекламы в законодательстве как информации, распространяемой любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке, данные примеры свидетельствуют о рекламе букмекера на широкую потребительскую аудиторию с использованием рекламной конструкции и баннера в интернете. Это является нарушением, поскольку реклама игр, основанных на риске и пари, согласно ст. 27 ФЗ «О рекламе», такими способами запрещается. Более того, потребителями такого социально-рискового контента могут стать и несовершеннолетние.

Информация, размещенная на рекламных носителях, имеет пометку «6+» (знак информационной продукции), которая в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, а также частью 10.1 ст. 5 ФЗ «О рекламе» должна сопровождать рекламу информационной продукции. Размещение данной пометки в совокупности с упоминанием названия спортивного соревнования позволяет говорить о том, что объектом рекламирования в данной рекламе является именно спортивное соревнование, которое, согласно № 436-ФЗ, может рассматриваться либо как информационная продукция, либо как спортивно-зрелищное мероприятие.

В случае с баннером в мобильном приложении (рис. 5) объектом рекламирования можно считать спортивное соревнование и/или проводимую акцию по розыгрышу призов. Наименование «FONBET Чемпионат КХЛ» не является зарегистрированным товарным знаком. Дублирующий во всех трех сообщениях графический элемент, изображающий две перекрещенные хоккейные клюшки на фоне щита и содержащий надпись «FONBET КХЛ», также не является зарегистрированным товарным знаком. ООО «КХЛ» владеет схожим с ним товарным знаком (рис. 6) под номером 606570, в который не включена надпись «FONBET» [25].

Можно констатировать, что во всех рассматриваемых случаях мы видим общую модель создания информационных сообщений, которая заключается в сочетании зарегистрированных средств индивидуализации спортивного соревнования с зарегистри-

Рис. 6. Товарный знак № 606570

рованными средствами индивидуализации букмекера. При этом создаваемый продукт на основе такой комбинации не имеет последующей государственной регистрации как средства индивидуализации данного спортивного мероприятия, но при этом используется в рекламной коммуникации. В этом случае можно предположить, что объектом рекламирования наряду со спортивным соревнованием выступает букмекер и/или его услуги, и распространение данного продукта на основе такой комбинации нельзя не рассматривать как продвижение на неопределенный круг лиц.

Обращаем внимание читателей на то, что в базе решений ФАС РФ (дело № 050/05/27-1174/2023) есть информация о показательном кейсе на предмет использования кобрендинга букмекерской компанией в рекламе спортивного мероприятия. В рамках мониторинга рекламы управления ФАС РФ по Московской области и Санкт-Петербургу обратили внимание на распространение на рекламных конструкциях рекламы следующего содержания: текст «FONBET Кубок России по футболу» сопровождался изображением спортсменов, где на футболке одного из них размещался логотип «FONBET» (свидетельство на товарный знак № 622268 от 04.07.2017). Фоновое изображение рекламы, как и в предыдущих случаях, было выполнено в красных тонах с надписью «FONBET» [26].

ФАС РФ признала данную рекламу ненадлежащей, так как объектом рекламирования, по мнению государственного регулятора, были услуги букмекерской конторы «FONBET». При этом ООО «Фонкор», основными видами деятельности которого являются организация и проведение азартных игр и заключение пари, сообщило, что не принимало участия в изготовлении, согласовании и размещении рассматриваемой рекламы. В решении также говорится, что ООО «Фонбет ТВ» организовало рекламную кампанию по продвижению официального спортивного мероприятия с названием «FONBET КУБОК РОССИИ ПО ФУТБОЛУ», а Российский футбольный союз называется организатором спортивного мероприятия.

Можно заключить, что предполагаемый рекламодатель рассматривает в качестве объекта реклами-

рования исключительно спортивное соревнование, а ФАС РФ, в свою очередь, видит непосредственно рекламу букмекерских услуг. В решении явным образом не обозначены ответственные за распространение такой ненадлежащей рекламы.

Данное решение ФАС РФ на сегодняшний момент является единственным решением регулятора по вопросам использования кобрендинга, несмотря на продолжение распространения подобной рекламы на широкую аудиторию.

Нейминг с элементами кобрендинга спортивных соревнований и букмекерских компаний стал повсеместной практикой, явно выгодной для букмекерских компаний, что косвенно подтверждается ростом доли партнерских контрактов с опцией нейминга. Так, в 2022 г. из 10 крупнейших партнерских соглашений между спортивными организациями и букмекерами, общая сумма которых составила более 10 млрд рублей, три соглашения включали в себя нейминговые права [27]. Сумма этих трех соглашений составила 4,4 млрд рублей.

В этой связи обращает на себя внимание структура расходов крупнейших букмекерских компаний. Так, согласно открытым источникам, в 2022 г. букмекерская компания «Фонбет» (ООО «Ф.О.Н.») предложила 2,4 млрд рублей за права титульного и беттингового партнера Кубка России [28]. При этом общий маркетинговый бюджет компании на 2022 г. составил около 5,65 млрд рублей. Соответственно, в 2022 г. только на контракт с Кубком России, в который были включены в том числе и нейминговые права, компания «Фонбет» потратила более 40% своего маркетингового бюджета [29].

По словам представителя РФС, узнаваемость «Фонбет» по итогам сезона 2022/2023 чемпионата России по футболу выросла на 10% [30]. Последующее продление контракта может свидетельствовать о вполне успешном сотрудничестве.

Рассмотренная в статье практика распространения информации о букмекере посредством кобрендинга средств индивидуализации букмекера и спортивного соревнования, а также решение ФАС РФ в отношении подобного кобрендинга показывают:

1) такая информация с элементами средств индивидуализации букмекера и спортивного соревнования подпадает под понятие рекламы и содержит в себе юридические признаки рекламной информации, согласно ст. 3 ФЗ «О рекламе»;

2) поскольку информация о спортивном соревновании с элементами кобрендинга букмекера и спортивного соревнования содержит в себе средства индивидуализации букмекера, объектом рекламирования может признаваться букмекерская компания;

3) все рассмотренные рекламные сообщения с учетом социально-рискового характера деятельности букмекерских компаний и распространения такой информации на неопределенный круг лиц могут быть признаны ненадлежащей рекламой;

4) в базе решений ФАС РФ имеется единственный прецедент признания такой рекламы ненадлежащей (сентябрь 2023 г.), однако в Руководстве по соблюдению обязательных требований к отдельным способам распространения рекламы и к рекламе отдельных видов товаров (реклама основанных на риске игр, пари), утвержденных приказом ФАС России от 20.06.2024 № 410/24, практика кобрендинга не получила отражения.

Дальнейшую дискуссию по рекламе букмекерских компаний и их деятельности целесообразно сфокусировать на следующих вопросах.

1. Должны ли подобные практики использования в рекламе спортивных соревнований кобрендинга букмекерских компаний и спортивных соревнований рассматриваться как нарушение ФЗ «О рекламе», где в качестве объекта рекламирования будет признаваться непосредственно букмекерская компания ввиду использования средств индивидуализации букмекерских компаний.

2. Какова ответственность за подобные нарушения в части использования кобрендинга букмекерских компаний и спортивных соревнований и кто будет признаваться субъектами ответственности за данные нарушения, так как рассмотренное дело ФАС РФ № 050/05/27-1174/2023 показало достаточно усложненную схему договорных отношений между организатором спортивного соревнования и партнерами этого соревнования.

3. Необходимость более жесткого регулирования вопросов нейминга спортивных мероприятий в целях защиты прав потребителя и защиты от недобросовестной конкуренции.

4. Для однозначного понимания индустрией подхода государственного регулятора к размещению и распространению рекламы с элементами кобрендинга букмекерских компаний и спортивных соревнований было бы целесообразным включить его в качестве самостоятельного блока в Руководство по соблюдению обязательных требований к отдельным способам распространения рекламы и к рекламе отдельных видов товаров (реклама основанных на риске игр, пари).

5. Роль саморегулирования и необходимость создания институции по саморегулированию рекламы игр, основанных на риске и пари, или включения этого вида деятельности в задачи имеющихся саморегулируемых организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Развитие по-букмекерски // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679528> (дата обращения: 03.12.2024).
2. Букмекерский рынок России 2019 // Рейтинг букмекеров. — URL: <https://bookmaker-ratings.ru/wiki/bukmekerskij-ry-nok-rossii-2019/> (дата обращения: 03.12.2024).
3. Топ-10 самых быстро растущих направлений российского бизнеса // СКБ КОНТУР. — URL: https://kontur.ru/press/news/51794-bystro_rastushchie_napravleniya (дата обращения: 03.12.2024).
4. Реклама в интернете принесла букмекерам кратный рост доходов. Почему рынок ставок на спорт растет несмотря на ограничения // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2024/660e98939a7947c19f4d933c (дата обращения: 03.12.2024).
5. Руководства по соблюдению обязательных требований к отдельным способам распространения рекламы и к рекламе отдельных видов товаров (реклама основанных на риске игр, пари), утвержденные приказом ФАС России от 20.06.2024 № 410/24. pdf (1,1 МБ) // ФАС РФ. — URL: https://fas.gov.ru/pages/obyazatel_trebovaniya (дата обращения: 03.12.2024).
6. О компании // Публично-правовая компания «Единый регулятор азартных игр». — URL: <https://erai.ru/> (дата обращения: 03.12.2024).
7. Регламент КХЛ СЕЗОНЫ 2021/2022, 2022/2023, 2023/2024, 2024/2025 // КХЛ. — URL: https://www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2024.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
8. Регламент FONBET Кубка России по футболу среди мужских команд сезона 2024–2025 гг. // РФС. — URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents/download?documentId=1512> (дата обращения: 10.11.2024).
9. BetBoom стал первым в России букмекером-титальным спонсором стадиона. Теперь в Уфе есть «BetBoom Арена» // BetBoom. — URL: <https://betboom.ru/news/betboom-arena> (дата обращения: 03.12.2024).
10. 600 млн рублей на три клуба и городской колорит: как беттинг-партнерство снижает нагрузку на бюджет региона // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/10/965965-betting-partnerstvo-nizhnii-novgorod> (дата обращения: 03.12.2024).
11. Руководства по соблюдению обязательных требований: Общие требования к рекламе и Требования к рекламе отдельных видов товаров Приказ_ФАС_России_1079_23.pdf (1,6 МБ) // ФАС РФ. —

- URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/10/965965-betting-partnerstvo-nizhnii-novgorod> (дата обращения: 03.12.2024).
12. АНО «ФК «Пари НН» // РБК Компании. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2024/660e98939a7947c19f4d933c (дата обращения: 10.12.2024).
 13. ООО «БК «Пари» // РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/id/1027703029188-ooo-bukmetskaya-kontora-favorit/#trademarks> (дата обращения: 10.12.2024).
 14. Главная // БК «Пари». — URL: <https://pari.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).
 15. Главная // ФК «Пари Нижний Новгород». — URL: <https://fcnn.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).
 16. Роспатент Платформа // Роспатент. — URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks> (дата обращения: 10.12.2024).
 17. РФС // РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/id/1037700085026-obschestvennaya-organizatsiya-obscherossiyskaya-obschestvennaya-organizatsiya-rossiiskij-futbolnyij-soyuz/#general> (дата обращения: 10.12.2024).
 18. Кубок России // РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/trademark/903946/kubok-rossii/> (дата обращения: 10.12.2024).
 19. Главная // БК «Фонбет». — URL: <https://fon.bet/> (дата обращения: 10.12.2024).
 20. Товарный знак № 622268 // Федеральный институт промышленной собственности. — URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUTM&DocNumber=0622268&TypeFile=html (дата обращения: 10.12.2024).
 21. Дело № 016/05/27-1093/2024 в отношении юридических лиц ООО «ФОНКОР» // ФАС РФ. — URL: <https://br.fas.gov.ru/cases/f04c06a3-c639-4bca-a252-38153953cfe4/> (дата обращения: 10.12.2024).
 22. Немчинова и «Фонбет» // Пикабу. — URL: https://pikabu.ru/story/nemchinova_i_fonbet_9882996 (дата обращения: 12.12.2024).
 23. Один билборд с двух сторон // Пикабу. — URL: https://pikabu.ru/story/odin_bilbord_s_dvukh_storon_9952500 (дата обращения: 12.12.2024).
 24. «Яндекс» пробил дно // Пикабу. — URL: https://pikabu.ru/story/yandeks_probil_dno_11858955 (дата обращения: 12.12.2024).
 25. КХЛ (Континентальная хоккейная лига) // РБК Компании. — URL: <https://companies.rbc.ru/trademark/606570/khl-kontinentalnaya-hokejnaya-liga/> (дата обращения: 12.12.2024).
 26. Решение № КИ/16891/23 по делу № 050/05/27-1174/2023 // ФАС РФ. — URL: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/fef36db1-bebd-4ba2-bef8-87429d2c73a4/> (дата обращения: 12.12.2024).
 27. 10 крупнейших букмекерских контрактов в российском спорте // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/07/04/983619-10-krupneishih-bukmekerskih-kontraktov-v-rossiiskom-sporte> (дата обращения: 12.12.2024).
 28. «Фонбет» улучшил предложение по Кубку России после проигрыша голосования // РБК Спорт. — URL: <https://sportrbc.ru/news/62f53b019a7947f556deda83> (дата обращения: 12.12.2024).
 29. Доходы «Фонбета» выросли втрое, но прибыль снизилась. Что случилось и при чем здесь Дзюба? // Рейтинг букмекеров. — URL: <https://bookmaker-ratings.ru/news/dohody-fonbeta-vy-rosli-vtroe-no-pribyl-l-snizilas-cto-sluchilos-i-pri-chyom-zdes-dzyuba/> (дата обращения: 12.12.2024).
 30. Интерес к футболу возвращается: зачем сборной и клубам медийность // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2024/01/12/1014750-zachem-sbornoi-klubam-mediinost> (дата обращения: 12.12.2024).

REFERENCES

1. Razvitiye po-bukmekerski // Kommersant. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679528> (дата обращения: 03.12.2024).
2. Bukmekerskiy rynok Rossii 2019 // Rejting Bukmekеров URL: <https://bookmaker-ratings.ru/wiki/bukmekerskiy-ry-nok-rossii-2019/> (дата обращения: 03.12.2024).
3. Top-10 samykh bystro rastushchih napravlenij rossiyskogo biznesa // SKB "KONTUR". — URL: https://kontur.ru/press/news/51794-bystro_rastushchie_napravleniya (дата обращения: 03.12.2024).
4. Reklama v internete prinesla bukmekeram kratnyy rost dohodov Pochemu ry-nok stavok na sport rastet nesmotrya na ogranicheniya // RBK. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2024/660e98939a7947c19f4d933c (дата обращения: 03.12.2024).
5. Rukovodstva po soblyudeniyu obyazatel'nykh trebovaniy k ot-del'nym sposobam rasprostraneniya reklamy i k reklame ot-del'nykh vidov tovarov (reklama osnovannykh na riske igr, pari), utverzhennyye prikazom FAS Rossii ot 20.06.2024 № 410/24.pdf (1,1 MB) // FAS RF. — URL: https://fas.gov.ru/pages/obyazatel_trebovaniya (дата обращения: 03.12.2024).
6. O kompanii // PPK ERAI. — URL: <https://erai.ru/> (дата обращения: 03.12.2024).
7. REGLAMENT KHL SEZONY 2021/2022, 2022/2023, 2023/2024, 2024/2025 // KHL. — URL: <https://>

- www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2024.pdf (data obrashcheniya: 10.11.2024).
8. Reglament FONBET Kubka rossii po futbolu sredi muzhskih komand sezona 2024–2025 gg. // RFS. — URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents/download?documentId=1512> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
 9. BetBoom stal pervym v Rossii bukmekerom-titul'nyim sponsorom stadiona. Teper' v Ufe est' "BetBoom Arena" // BetBoom. — URL: <https://betboom.ru/news/betboom-arena> (data obrashcheniya: 03.12.2024).
 10. 600 mln rublej na tri kluba i gorodskoj kolorit: kak betting-partnerstvo snizhaet nagruzku na byudzhety regiona // Vedomosti. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/10/965965-betting-partnerstvo-nizhnii-novgorod> (data obrashcheniya: 03.12.2024).
 11. Rukovodstva po soblyudeniyu obyazatel'nykh trebovaniy: Obshchie trebovaniya k reklame i Trebovaniya k reklame ot del'nykh vidov tovarov Prikaz_FAS_Rossii_1079_23.pdf (1,6 MB) // FAS RF. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/10/965965-betting-partnerstvo-nizhnii-novgorod> (data obrashcheniya: 03.12.2024).
 12. ANO "FK "Pari NN" // RBK Kompanii. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2024/660e98939a7947c19f4d933c (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 13. OOO "BK "PARI" // RBK Kompanii. — URL: <https://companies.rbc.ru/id/1027703029188-ooo-bukmetskaya-kontora-favorit/#trademarks> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 14. Glavnaya // BK Pari. — URL: <https://pari.ru/> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 15. Glavnaya // FK Pari Nizhnij Novgorod. — URL: <https://fcnn.ru/> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 16. Rospatent Platforma // Rospatent. — URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 17. RFS // RBK Kompanii. — URL: <https://companies.rbc.ru/id/1037700085026-obschestvennaya-organizatsiya-obscherossiyskaya-obschestvennaya-organizatsiya-rossijskij-futbolnyij-soyuz/#general> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 18. Kubok Rossii // RBK Kompanii. — URL: <https://companies.rbc.ru/trademark/903946/kubok-rossii/> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 19. Glavnaya // BK Fonbet. — URL: <https://fon.bet/> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 20. Tovarnyj znak No. 622268 // FIPS. — URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUTM&DocNumber=0622268&TypeFile=html (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 21. Delo No. 016/05/27-1093/2024 v otnoshenii yuridicheskikh lic OO "FONKOR" // FAS RF. — URL: <https://br.fas.gov.ru/cases/f04c06a3-c639-4bca-a252-38153953cfe4/> (data obrashcheniya: 10.12.2024).
 22. Nemchinova i "Fonbet" // Pikabu. — URL: https://pikabu.ru/story/nemchinova_i_fonbet_9882996 (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 23. Odin billboard s dvuh storon // Pikabu URL: https://pikabu.ru/story/odin_billboard_s_dvukh_storon_9952500 (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 24. "Yandeks" probil dno // Pikabu. — URL: https://pikabu.ru/story/yandeks_probil_dno_11858955 (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 25. KHL KONTINENTAL'NAYa HOKKEJNAYa LIGA // RBK Kompanii. — URL: <https://companies.rbc.ru/trademark/606570/khl-kontinentalnaya-hokkejnaya-liga/> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 26. Reshenie No. KI/16891/23 po delu No. 050/05/27-1174/2023 // FAS RF. — URL: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/fef36db1-bebd-4ba2-bef8-87429d2c73a4/> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 27. 10 krupneishih bukmekerskih kontraktov v rossijskom sporte // Vedomosti. — URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/07/04/983619-10-krupneishih-bukmekerskih-kontraktov-v-rossijskom-sporte> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 28. "Fonbet" uluchshil predlozhenie po Kubku Rossii posle proigrysha golosovaniya // RBK Sport. — URL: <https://sportrbc.ru/news/62f53b019a7947f556deda83> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 29. Dohody "Fonbeta" vyrosli vtroe, no pribyl' snizilas'. Chto sluchilos' i pri chyom zdes' Dzyuba? // Rejting Bukmekarov. — URL: <https://bookmaker-ratings.ru/news/dohody-fonbeta-vy-rosli-vtroe-no-pribyl-snizilas-cto-sluchilos-i-pri-chyom-zdes-dzyuba/> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
 30. "Interes k futbolu vozvrashchaetsya": zachem sbornoj i klubam medijnost' /Vedomosti URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2024/01/12/1014750-zachem-sbornoi-i-klubam-mediinost> (data obrashcheniya: 12.12.2024).

РАССМОТРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ»

CONSIDERATION OF ECONOMIC DISPUTES OF BUSINESS ENTITIES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE EURASIAN REGION: TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF "SUPRENATIONAL ARBITRABILITY"

Елизавета Олеговна БРОНЯКИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
eobronyakina@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-8017-6484

Информация об авторе

Е.О. Бронякина — аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», консультант отдела правового обеспечения международной экономической интеграции Департамента международного права и сотрудничества Министерства юстиции Российской Федерации, советник юстиции 3-го класса

Аннотация. Рассмотрено наднациональное правовое регулирование правоотношений, возникающих в связи с регистрацией, правовой охраной и использованием евразийских патентов, а также товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС, что, по мнению автора, предопределяет возможность наднациональной арбитрабельности экономических споров хозяйствующих субъектов в сфере интеллектуальной собственности. Хотя в настоящее время правовая защита объектов интеллектуальной собственности в евразийском регионе носит территориальный характер, государства этого региона демонстрируют прогресс в области интеграции. Автор

- отмечает, что Евразийская патентная конвенция (ЕАПК),
- подписанная в 1994 г., знаменует собой важный шаг
- в этом направлении, и приходит к выводу, что ЕАПК
- представляет собой более развитую альтернативу
- ранее существовавшим механизмам, гармонизируя
- материальное и процессуальное патентное право
- и создавая Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ)
- для выдачи патентов.
- Тем не менее евразийское патентное регулирование не заменяет национальных процессов, что может приводить к правовой неопределенности. У заявителей, работающих на единой таможенной территории
- ЕАЭС, есть возможность получить единый евразийский патент на изобретения, действующий во всех восьми
- странах — участницах ЕАПК. Анализируя эту ситуацию, автор подчеркивает необходимость дальнейшего
- исследования вопросов о возможности институционализации наднационального арбитража интеллектуальных споров в евразийском регионе, а также о возможности
- функционирования наднационального арбитража в рамках интеграционных объединений евразийского пространства, в частности ЕАЭС. Таким образом, автор приходит к выводу, что площадка ЕАЭС оптимальна для
- становления наднационального арбитража в широком смысле, то есть для рассмотрения частноправовых экономических споров хозяйствующих субъектов, возникающих как из актов права ЕАЭС, так и из актов, регулирующих евразийскую патентную систему. Аргумент:

большинство государств — членов Евразийской патентной организации (ЕАПО) являются членами ЕАЭС.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, ЕАЭС, евразийская экономическая интеграция, товарный знак ЕАЭС, евразийский патент, евразийская патентная система, наднациональный арбитраж, наднациональная арбитрабельность

Для цитирования: Бронякина Е.О. Рассмотрение экономических споров хозяйствующих субъектов в области интеллектуальной собственности в евразийском регионе: к вопросу о становлении понятия «наднациональная арбитрабельность» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 78–89; DOI: 10.17323/tis.2025.27369

Elizaveta O. BRONYAKINA

National Research University Higher School of Economics, Russia,
eobronyakina@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-8017-6484

Information about the author

E.O. Bronyakina — postgraduate student of the Postgraduate School of Law of the National Research University Higher School of Economics (HSE), consultant of the Department of Legal Support of International Economic Integration of the Department of International Law and Cooperation of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 3rd class justice adviser

Abstract. The article is devoted to the consideration of supranational legal regulation of legal relations arising in connection with the registration, legal protection and use of Eurasian patents, as well as trademarks, service marks and appellations of origin of goods of the EAEU, which, in the author's opinion, predetermines the possibility of supranational arbitrability of economic disputes of business entities in the field of intellectual property. The author notes that at present, the legal protection of intellectual property in the Eurasian region is of a territorial nature, but the states of the Eurasian region demonstrate progress in the field of integration. The author notes that the Eurasian Patent Convention (EAPC), signed in 1994, marks an important step in this direction. The author concludes that the EAPC represents a more developed alternative to previously existing mechanisms, harmonizing substantive and procedural patent law and creating the Eurasian Patent Office (EAPO) for issuing patents.

However, the author emphasizes that the Eurasian patent regulation does not replace national processes,

- which may lead to legal uncertainty. It is also important
- to note that applicants operating in the single customs
- territory of the EAEU have the opportunity to obtain a single
- Eurasian patent for inventions valid in all eight member
- states of the EAPC. Analyzing this situation, the author
- highlights the need for further research into the possibility
- of institutionalizing supranational arbitration of intellectual
- property disputes in the Eurasian region, as well as the
- possibility of functioning of supranational arbitration within
- the framework of integration associations of the Eurasian
- space, in particular, the EAEU. Thus, the author comes
- to the conclusion that the EAEU platform is optimal for
- the establishment of supranational arbitration in a broad
- sense, that is, for the consideration of private law economic
- disputes of economic entities arising both from the legal
- acts of the EAEU and the acts regulating the Eurasian patent
- system, arguing that the majority of the EAPO member
- states are member states of the EAEU.

- **Keywords:** intellectual property, EAEU, Eurasian economic integration, EAEU trademark, Eurasian patent, Eurasian patent system, supranational arbitration, supranational arbitrability

For citation: Bronyakina E.O. Consideration of Economic

- Disputes of Business Entities in the Field of Intellectual Property in the Eurasian Region: to the Question of the Formation of the Concept of "Suprenational Arbitrability" // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 78–89; DOI: 10.17323/tis.2025.27369

ВВЕДЕНИЕ

Правовая защита объектов интеллектуальной собственности имеет территориальный характер. Однако страны евразийского региона добиваются значительных успехов в интеграции в области интеллектуальной собственности. Это обусловлено необходимостью создания региональной правовой охраны в связи с быстрым развитием и формированием единого рынка товаров, работ и услуг.

Евразийской патентной конвенции (далее — ЕАПК) [1] в 2024 г. исполнилось 30 лет. Это специальное соглашение, основанное на ст. 19 Парижской конвенции, представляет собой региональный патентный договор. Однако ЕАПК предлагает более развитое регулирование: она не только гармонизирует материальное и процессуальное патентное право, но и создает независимый орган — Евразийское патентное ведомство (далее — ЕАПВ), которому предоставлены полномочия по выдаче патентов. Патенты, выданные этим ведомством, называются евразийскими патентами.

До принятия ЕАПК страны евразийского региона могли обеспечивать патентную защиту только через выполнение отдельных процедур в каждой из них. Теперь же ЕАПК устанавливает процедуру выдачи патентов на русском языке и на рабочих языках ЕАПВ для охраны в восьми странах-участницах (при условии валидации в этих государствах). Тем не менее процедура, предусмотренная ЕАПВ, не заменяет национальные процессы выдачи патентов. При подаче заявки на патентную защиту в одном или нескольких государствах — участниках ЕАПК [2] заявители могут выбрать: либо следовать национальным процедурам в различных патентных ведомствах, либо воспользоваться евразийским подходом через ЕАПВ, который обеспечивает защиту во всех указанных ими странах. Вопросы соотношения национального патента и евразийского патента в Российской Федерации установлены ст. 1397 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, с 351–591].

После получения патента от ЕАПВ он становится эквивалентом ряда национальных патентов, которые должны быть подтверждены в каждой из выбранных стран-участниц. В ЕАПК участвуют во-

семь государств (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Туркменистан), в то время как Протокол к ЕАПК [4] включает семь (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан), а приложение № 26 к Договору о ЕАЭС [5], Договор о товарном знаке ЕАЭС [6] и Договор о защите интеллектуальной собственности [7] охватывают пять договаривающихся сторон (государства — члены ЕАЭС: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация), что может создавать правовую неопределенность. Важно отметить, что заявители, работающие на единой таможенной территории ЕАЭС, имеют возможность получить единый евразийский патент на изобретения, который будет действовать на территории всех восьми стран — участниц ЕАПК, включая пять государств — членов ЕАЭС.

Таким образом, несмотря на единый региональный компонент международных договоров — пространство Евразии, различный состав договаривающихся сторон договоров вызывает ряд исследовательских вопросов о возможности институционализации наднационального арбитража интеллектуальных споров в евразийском регионе, а также о возможности его функционирования в рамках интеграционных объединений евразийского пространства, в частности ЕАЭС.

Вместе с тем многие авторы полагают, что площадка ЕАЭС оптимальна для становления наднационального арбитража в широком смысле, то есть для рассмотрения частноправовых экономических споров хозяйствующих субъектов, возникающих как из актов права ЕАЭС, так и актов, регулирующих евразийскую патентную систему, аргументируя это тем, что большинство государств — членов Евразийской патентной организации (ЕАПО) является государствами — членами ЕАЭС.

Так, в монографии «Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе» отмечено, что необходимо «... для споров

частного характера (гражданско-правовых споров) создать арбитраж, состав которого для каждого конкретного спора будет формироваться Арбитражным центром и должен будет состоять из гражданина одного из государств — членов ЕАПО, международного арбитра и независимого председательствующего. В дополнение к изложенному предложению, учитывая, что большинство государств — членов ЕАПО является государствами — членами ЕАЭС, в рамках которого формируются правовые механизмы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, в целях формирования единообразной практики применения права Союза» [8, с. 189].

Концептуально соглашаясь с авторами [8], отмечу также, что для научного формулирования возможности наднационального арбитража частноправовых экономических споров хозяйствующих субъектов в области интеллектуальной собственности, в особенности споров из евразийского патента, ключевым аспектом представляется понимание принципов функционирования евразийской патентной системы. Поскольку по смыслу преамбулы ЕАПК договаривающимися сторонами являются «государства — участники настоящей Конвенции в лице правительств», основополагающим принципом единой защиты евразийских патентов становится согласование воли государств путем заключения и ратификации межправительственных соглашений. Следовательно, для реализации наднациональных механизмов разрешения патентных споров с использованием для этого потенциала ЕАЭС необходимо, чтобы государства — участники ЕАПК, не являющиеся членами ЕАЭС, выразили волю на уровне межправительственного соглашения. При этом основой для функционирования наднационального арбитража ЕАЭС должен быть международный договор, открытый для присоединения третьих стран, чтобы в полной мере обеспечить возможность рассмотрения патентных споров из евразийского патента на базе ЕАЭС.

В настоящее время исходя из ст. 13 ЕАПК «любой спор, касающийся действительности евразийского патента в конкретном Договариваемом государстве или нарушения евразийского патента в конкретном Договариваемом государстве, разрешается национальными судами или другими компетентными органами этого государства на основании настоящей Конвенции и Патентной инструкции». Следовательно, предусмотрен национальный порядок, что, думается, не в полной мере отвечает экстерриториальному регулированию отношений [9], поскольку принимаемые решения имеют силу лишь на территории одного конкретного Договариваемого государства, а не всех государств — участников ЕАПК.

В контексте евразийской патентной системы следует отметить, что единой правовой защиты евразийского патента в строгом смысле слова не существует, поскольку каждая страна имеет свои национальные патентные системы. Также различия в интерпретации и применении одних и тех же норм ЕАПК наблюдаются среди различных национальных судов [10, с. 153]. Например, казахстанские суды, в отличие от российских, при использовании доктрины эквивалентов учитывают, чтобы ее применение не позволяло правообладателю монополизировать использование технических решений, которые по своей сути имеют иное назначение и достигают другого технического результата. Это свидетельствует о том, что даже при наличии унифицированных критериев охраноспособности правоприменение может варьироваться в зависимости от конкретной юрисдикции. В рамках евразийской правовой системы могут возникать ситуации, когда один национальный суд, рассматривая иск оспаривания правовой охраны, признает ее действительной, тогда как ЕАПВ через некоторое время, рассматривая аналогичное возражение, объявляет ту же правовую охрану недействительной.

Судебные дела о нарушении или действительности одного и того же патента, рассматриваемые в разных национальных судах, часто приводят к противоречивым решениям. Учитывая изложенное выше, можно сказать, что гармонизация патентного законодательства в странах ЕАЭС становится актуальной темой. Таким образом, процесс гармонизации законодательства в рамках ЕАЭС рассматривается как необходимый шаг для достижения единой правовой охраны в полном смысле этого слова [11, с. 132]. Однако это не исключает того факта, что создание соответствующих международных органов является первым шагом к унификации.

ЕАПВ стало своего рода квазисудебным органом благодаря интерпретации и расширению общих абстрактных критериев патентоспособности, таких как новизна, изобретательский уровень и промышленное применение. Перенос полномочий по разрешению споров о действительности правовой охраны с национального уровня на международный может оказать влияние на трактовку и применение схожих правовых норм.

Таким образом, система защиты в отношении изобретений и промышленных образцов на евразийском пространстве имеет общий международный региональный компонент. Думается, что в перспективе возможно формирование единообразной практики правоприменения в наднациональном арбитраже ЕАЭС.

Отметим, что защита товарного знака ЕАЭС и наименования мест происхождения товаров ре-

гулируется международным договором, но компетенция остается за государствами — членами ЕАЭС. У евразийского патента есть элемент международного административного оспаривания, а именно полномочия коллегий экспертов — служащих Евразийского патентного ведомства и Президента Евразийского патентного ведомства, однако до сих пор отсутствует порядок наднационального обжалования его решений.

1. ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССМОТРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ОТНОШЕНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАТЕНТА НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ

Часть II Патентной инструкции устанавливает процедуру административного аннулирования евразийского патента на промышленный образец, что подразумевает возможность признания его недействительным. Региональная система правовой охраны промышленных образцов включает в себя как «предрегистрационную», так и «пострегистрационную» оппозицию со стороны третьих лиц. Если промышленный образец не соответствует критериям патентоспособности, таким как «новизна» и «оригинальность», любые доказательства, которые могут подтвердить его непатентоспособность, с точки зрения возражающей стороны, могут быть рассмотрены в процессе анализа возражения.

В современных условиях охрана дизайна промышленных образцов требует усовершенствованных регистрационных систем, способных обеспечить быстрое патентование различных внешних решений. При этом важно сохранять баланс интересов всех участников рынка. Возможность объединения различных дизайнерских решений по принципу «единства класса» [12], то есть возможность включения нескольких объектов в одну евразийскую заявку на основе их классификации в рамках Международной классификации промышленных образцов, представляет собой удобный инструмент для заявителей. Такой подход позволяет избежать необходимости оценивать единство творческой концепции для нескольких образцов, что упрощает процесс подачи заявки.

В то же время это значительно усложняет процесс информационного поиска для анализа аналогичных изделий в целях определения патентоспособности промышленного образца. В связи с этим в евразийской системе патентования предусмотрены автоматические проверки на основе поверхностного информационного поиска, а также оценка аргументов и источников, представленных в возражениях против выдачи евразийского патента или в жалобах на его недействительность.

При этом оценка патентоспособности таких образцов происходит уже в ходе рассмотрения заявлений о признании регистрации недействительной. Уполномоченные органы государств — членов ЕАЭС в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности регистрируют промышленные образцы, проверяя лишь соблюдение формальных требований к заявкам для оперативности регистрации.

Одной из характерных черт данной системы является возможность разрешения споров, возникающих из-за совпадения или схожести до степени смешения промышленных образцов с товарными знаками и/или объектами авторского права, которые защищены на территории хотя бы одного из государств — участников Протокола, через процедуру медиации.

С 1 января 2024 года расширяется список споров, которые можно разрешать с помощью медиации. Теперь в эту категорию входят не только споры о тождестве или схожести промышленного образца с объектами авторского права, но и вопросы, касающиеся товарных знаков.

Кроме того, с 1 января 2024 г. промышленные образцы, которые идентичны или схожи до степени смешения с товарными знаками, охраняемыми или поданными на регистрацию и опубликованными хотя бы в одном из государств — участников Протокола, смогут регистрироваться при наличии согласия владельца прав на эти объекты. Ранее такое согласие распространялось только на объекты авторского права. Эти изменения направлены на снижение рисков злоупотребления правом получения евразийского патента на промышленный образец, одновременно сохраняя гибкость подходов, заложенных государствами — участниками Протокола при его создании.

Думается, что в будущем возможность подачи возражений в рамках административного процесса аннулирования евразийского патента на промышленный образец может стать бессрочной. Например, срок для подачи заявления о признании регистрации евразийского патента недействительным не будет иметь ограничений, что позволит оптимально реализовывать право на защиту евразийского патента на промышленные образцы.

Таким образом, административный механизм разрешения споров, связанных с патентоспособностью промышленных образцов, а также медиация как метод урегулирования конфликтов [13], касающихся промышленных образцов и ранее существующих прав на товарные знаки, обладают значительным потенциалом для дальнейшего развития.

Административное аннулирование евразийского патента доступно как для заявителей или владельцев патентов, так и для сторон, которые считают, что их

права нарушаются или могут быть нарушены в результате предоставления правовой охраны промышленному образцу. Это возможно на этапе подачи возражения против выдачи евразийского патента на промышленный образец в процессе его экспертизы, а также в рамках процедуры административного аннулирования евразийского патента [14, с. 14].

Следует отметить, что административное аннулирование евразийского патента для всех договаривающихся государств ограничено трехлетним сроком подачи соответствующего возражения в ЕАПВ, который начинается исчисляться с момента публикации информации о выдаче патента. Этот срок не может быть продлен или восстановлен.

Впервые возражения начали поступать в 2023 г., и тогда их было подано 12. Все участники этих возражений (лица, подавшие возражение, и владельцы патентов) представляли бизнес-сообщество Российской Федерации. Это может указывать на то, что предприниматели из других стран пока не полностью используют евразийскую систему охраны промышленных образцов или что патентуемые изделия не реализуются во всех государствах — участниках Протокола.

Как подчеркивает В.И. Еременко, с увеличением срока для подачи возражений в рамках административного процесса аннулирования евразийского патента (с девяти месяцев до трех лет с момента публикации сведений о выдаче патента), а также в связи с особенностями региональной регистрации ожидается рост числа таких возражений [15, с. 69].

В соответствии со ст. 11 (3) Протокола евразийский патент на промышленный образец может быть аннулирован в порядке, предусмотренном национальным законодательством страны — участницы Протокола. При этом с момента подачи евразийской заявки патент считается действительным на территориях тех государств — участников Протокола, в отношении которых не было принято решение о его недействительности. Это означает, что промышленный образец будет охраняться на данных территориях. Таким образом, процедура признания евразийского патента недействительным находится на начальной стадии развития.

2. ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССМОТРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ОТНОШЕНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАТЕНТА НА ИЗОБРЕТЕНИЯ

Согласно аналогичному подходу к исключительным правам на изобретения, подтвержденным евразийским патентом, ст. 12 Протокола устанавливает, что

споры, касающиеся защиты прав, предоставляемых в соответствии с Протоколом и частью II Патентной инструкции, разрешаются на основе материальных и процессуальных норм права того государства — участника Протокола, где запрашивается защита этих прав.

Статья 13 ЕАПК за нарушение евразийского патента в каждом государстве предусматривает такую же гражданско-правовую или иную ответственность, как и за нарушение национального патента. Так, частью II Патентной инструкции предусмотрено, что нарушением исключительного права патентовладельца признаются несанкционированные:

- 1) изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа и иное введение в хозяйственный оборот или хранение с этой целью продукта, охраняемого евразийским патентом;
- 2) применение способа, охраняемого евразийским патентом, или предложение к его применению;
- 3) применение, ввоз, предложение к продаже, продажа и иное введение в хозяйственный оборот или хранение.

На текущем этапе развития региональной системы патентования изобретений анализ практики применения норм права в области защиты исключительных прав на основе евразийских патентов представляется преждевременным. Тем не менее охрана исключительных прав, касающихся дизайна изделия, может осуществляться не только на основании национального патента, но и через евразийский патент. Это означает, что механизмы защиты прав, предусмотренные национальным законодательством, также применимы к евразийским патентам на изобретения.

Срок для подачи жалобы составляет три года с момента публикации информации о выдаче евразийского патента. По истечении этого срока третьи лица могут оспаривать действия евразийского патента только в каждом отдельном государстве — участнике ЕАПК, соблюдая при этом соответствующие национальные требования, включая языковые и представительные аспекты.

Таким образом, в рамках Евразийской патентной системы предусмотрены два механизма оспаривания, при этом каждый из этих механизмов обладает своими уникальными преимуществами и недостатками:

- 1) *централизованная административная процедура аннулирования евразийского патента.* Централизованное обжалование решений ЕАПВ возможно исключительно в административном порядке, тогда как судебное обжалование допускается лишь в некоторых государствах по их национальным процедурам. Для рассмотрения возражений формируются *ad hoc* коллегии экспертов ЕАПВ, однако отдельный орган

для обработки апелляций в рамках ЕАПВ не предусмотрен. Следовательно, существующая система разрешения патентных споров в евразийском праве требует дополнительных гарантий для обжалования. Необходимо разработать процедуру обжалования решений ЕАПВ в наднациональном юрисдикционном органе;

2) *национальная процедура*. Преимущество процедуры признания евразийского патента недействительным в рамках отдельного государства заключается в возможности оспаривания его действия на административном досудебном этапе, после чего можно подать жалобу в суд. Основные недостатки национальной процедуры оспаривания евразийского патента связаны с ее децентрализованным характером, что подразумевает отсутствие единого регулирования этой процедуры в каждом государстве — участнике ЕАПК. Это приводит к увеличению финансовых и временных затрат для заявителей. Децентрализованный подход также создает риск неравномерного применения норм евразийского патентного права при оценке патентоспособности.

В настоящее время экономические споры хозяйствующих субъектов, связанные с нарушением прав на евразийский патент, рассматриваются исключительно по национальным процедурам, при этом евразийское патентное право содержит ряд норм, определяющих на региональном уровне действия, которые считаются нарушением исключительных прав патентовладельца.

Таким образом, в результате оспаривания действий на территориях отдельных государств евразийский патент теряет свою единую природу, установленную ЕАПК или Протоколом об охране промышленных образцов. Представляется, что единство евразийского патента может быть обеспечено только созданием централизованной наднациональной судебной юрисдикции с полномочиями по рассмотрению и разрешению патентных споров.

3. ПРЕИМУЩЕСТВА АРБИТРАЖА В РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

С учетом динамичного развития законодательства ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности можно задать вопрос: насколько целесообразна модель арбитража или международного суда в качестве механизма разрешения споров в этом регионе? Арбитраж в области интеллектуальной собственности приобретает все большую популярность. Новые технологии не только подчеркивают значимость интеллектуальной собственности, но и приводят к увеличению

числа споров в этой сфере. В каких случаях возможно использование арбитража для защиты прав на интеллектуальную собственность [16, с. 26]?

Арбитраж может быть применен в тех ситуациях, когда патентный спор имеет договорный характер и соответствующее соглашение включает в себя действующую арбитражную оговорку. Это обычно происходит, когда споры возникают из патентно-лицензионных соглашений, соглашений о сотрудничестве, направленных на совместное развитие технологий, или соглашений по исследовательским и опытно-конструкторским работам, где стороны заранее определили распределение прав на созданные технологии [17, с. 53].

Одним из типов патентных споров, которые все чаще рассматриваются в арбитраже, являются дела, связанные с лицензированием стандартных существенных патентов на условиях, соответствующих принципам справедливости, разумности и недискриминации. Более сложной становится ситуация, когда стороны желают разрешить в арбитраже спор, касающийся вопросов нарушения патента и его действительности.

Вопрос о возможности арбитражного разрешения споров становится все менее актуальным [18]. Арбитражные суды все чаще рассматривают этот аспект, причем их решения имеют силу только между сторонами спора [19, с. 375]. Кроме того, наблюдается такая тенденция: государственные органы все более активно признают и исполняют арбитражные решения по делам, связанным с интеллектуальной собственностью, включая вопросы, касающиеся действительности патентов.

Предполагается, что система альтернативного разрешения споров будет все больше интегрироваться в традиционные судебные процессы как на уровне государств, так и в рамках интеграционных объединений. В то же время арбитраж может столкнуться с возрастающей конкуренцией со стороны национальных судов в сфере интеллектуальной собственности. В условиях опасения потерять значительную долю рынка альтернативного разрешения споров количество обычных коммерческих судов, предлагающих специализированные международные палаты, вероятно, возрастет.

Арбитражные разбирательства в области интеллектуальной собственности имеют свои особенности из-за технического характера рассматриваемых вопросов. Объем документации, необходимой для качественного рассмотрения дел в данной области, может быть значительным и зачастую содержит конфиденциальную информацию. Ключевым моментом является способность арбитража определить данные, имеющие решающее значение для разрешения спора.

В таких случаях документация может включать в себя патентные формулы, относящиеся к предмету спора, сведения о продуктах, предположительно нарушающих патент, а также документы, подтверждающие создание изобретения до подачи заявки на патент. Учитывая специфику и «чувствительность» рассматриваемых вопросов, а также стремление сторон избежать длительных и затратных процессов с раскрытием конфиденциальной информации, многие предпочитают арбитраж как средство разрешения споров в области интеллектуальной собственности.

Арбитраж, подобно мировому соглашению, строится на основе согласия сторон. В силу своего консенсуального характера любое решение, принятое в рамках арбитражного разбирательства, будет обязательным лишь для участвующих сторон и не будет касаться третьих лиц.

4. АРБИТРАЖ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИСДИКЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ И КОНЦЕПЦИЯ «НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ АРБИТРАБЕЛЬНОСТИ»

Одной из ключевых причин, по которой стороны выбирают арбитраж в качестве способа разрешения споров вместо обращения в государственные суды, является возможность исполнения иностранных арбитражных решений в более чем 159 юрисдикциях, согласно Конвенции ООН [20] о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. В отличие от этого исполнение решений государственных судов зависит от двусторонних соглашений о правовой помощи или принципа взаимности.

Тем не менее международная унификация в данной области пока не достигнута. Согласно положениям Конвенции 1958 г., иностранные арбитражные решения могут быть признаны только по запросу при условии предоставления должным образом заверенного оригинала арбитражного решения и оригинала арбитражного соглашения, а также, при необходимости, их переводов (ст. IV Конвенции).

Однако стоит отметить, что арбитражные решения по конкретным делам в области интеллектуальной собственности не всегда могут быть исполнены во всех этих юрисдикциях. Например, некоторые юрисдикции могут отказать в исполнении арбитражного решения, касающегося действительности прав на интеллектуальную собственность, поскольку в них государственные органы обладают исключительными полномочиями для определения такой действительности.

В перспективе арбитраж в рамках ЕАЭС может быть рассмотрен как орган этого объединения, что активно обсуждается на протяжении последнего десятилетия.

Со ссылкой на п. 9.1.11 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. [21] (далее — Стратегия ЕАЭС-2025), а именно «проработка инициативы об учреждении в рамках ЕАЭС международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов» в юридической литературе отмечено, что целесообразно «...наделение вновь создаваемого арбитража компетенцией по рассмотрению споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности, можно также осуществить в Союзе» [8, с. 65].

В то же время цель создания ЕАЭС как экономического интеграционного объединения «...заключается в стремлении формирования единого торгового и экономического пространства, в котором действуют единые для всех государств — членов Союза правила» [22, с. 17]. Следовательно, ЕАЭС функционирует для реализации «четырех свобод»: «свободы движения товаров, свободы движения лиц, свободы движения услуг и свободы движения капитала» [23, с. 173]. Думается, что площадка ЕАЭС способна стать основой для формирования наднационального арбитража в целях разрешения споров в области интеллектуальной собственности тогда и только тогда, когда данный институт сможет отвечать наиболее эффективной реализации четырех свобод. До этих пор институционализация наднационального арбитража в рамках ЕАЭС представляется затруднительной, о чем свидетельствуют неутешительные выводы доклада, подготовленного Евразийской экономической комиссией (далее — ЕЭК) в 2021 г. по итогам реализации п. 9.1.11 Стратегии ЕАЭС-2025.

В докладе ЕЭК был проведен анализ механизмов рассмотрения экономических споров, возникающих между хозяйствующими субъектами, в международных коммерческих арбитражных судах в государствах — членах ЕАЭС, а также в наиболее авторитетных международных арбитражных институтах, и сформулированы выводы.

По результатам проведенного анализа ЕЭК было установлено в 2021 г., что во всех государствах — членах ЕАЭС в соответствии с национальным законодательством образованы и действуют при торгово-промышленных палатах государств — членов ЕАЭС международные коммерческие арбитражные суды. Как отметила ЕЭК в докладе: «Таким образом, существующие арбитражные институты как на территории Союза, так и за его пределами являются востребованными у хозяйствующих субъектов» [24]. ЕЭК сделала вывод о достаточности существовавших на тот момент способов рассмотрения экономических

споров хозяйствующих субъектов на евразийском пространстве. На основании сделанного вывода ЕЭК предложила считать завершённой работу по реализации п. 9.1.11 Стратегии ЕАЭС-2025.

Однако данный вывод, сделанный ЕЭК в 2021 г., не учитывает современных реалий антиарбитражных запретов и санкционных ограничений отечественных хозяйствующих субъектов в недружественных юрисдикциях, поэтому полагаю, что в юридической доктрине необходимо продолжать формулирование наиболее оптимальных способов рассмотрения экономических споров хозяйствующих субъектов на территории евразийского пространства, в особенности экономических споров в области интеллектуальной собственности.

Таким образом, работа по научному обоснованию и практической реализации наднационального арбитража ЕАЭС продолжается. Так, 2023 г. Российская Федерация председательствовала в органах ЕАЭС. Приоритеты российского председательства были закреплены в обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина к главам государств — членов ЕАЭС от 18 января 2023 г. [25]. Для выполнения поставленных целей и задач по развитию евразийской экономической интеграции были подготовлены ключевые цели и задачи по реализации приоритетов председательства Российской Федерации в органах ЕАЭС (далее — ключевые цели и задачи) [26]. Пунктом 27 ключевых целей и задач предусмотрено рассмотрение вопроса о создании в рамках ЕАЭС наднационального арбитража [27], что свидетельствует о заинтересованности нашего государства в создании наднационального евразийского арбитража.

Министерством экономического развития Российской Федерации подчеркнуто, что идея создания наднационального арбитража заслуживает внимания, поскольку ее реализация может обеспечить оперативное и качественное разрешение экономических споров между хозяйствующими субъектами, касающихся широкого круга вопросов.

Думается, что создание арбитража в рамках ЕАЭС целесообразно осуществить по аналогии с международным коммерческим арбитражем, при этом наделив его чертами классической международной организации для обеспечения большей независимости арбитров. Как справедливо отмечают эксперты: «Основными принципами организации и деятельности международного юрисдикционного органа по спорам в сфере интеллектуальной собственности должны стать принцип независимости и беспристрастности, а также принцип *stare decisis* (обязательного прецедента) при принятии решений таким органом» [8, с. 153]. При этом целесообразно формирование со-

става арбитражного органа для каждого конкретного дела, чтобы исключить наличие национальной заинтересованности в исходе дела.

На данный момент в рамках ЕАЭС отсутствует механизм разрешения споров, который в полной мере обеспечивал бы доступ к правосудию и отвечал современным экономическим реалиям. Кроме того, для интеграционных объединений характерно создание своих механизмов защиты прав участников оборота. Следовательно, такой механизм будет способствовать привлечению третьих государств, не являющихся членами ЕАЭС. Также вследствие существования потоков капитала между государствами — членами ЕАЭС и сопредельными странами евразийского пространства вполне вероятно возникновение и других категорий споров, которые потенциально могли бы быть рассмотрены наднациональным евразийским арбитражем без угрозы ухудшения политических отношений между вовлечёнными в спор государствами.

Думается, что для эффективного функционирования наднационального арбитражного органа необходимо прежде всего точно определить перечень экономических споров между хозяйствующими субъектами, которые могут соответствовать критериям наднациональной арбитрабельности, а также развивать концепцию наднациональной арбитрабельности, которая подразумевает характеристику объекта экономического (коммерческого) спора, определяющую его возможность быть рассмотренным в наднациональном арбитражном органе.

Наднациональное правовое регулирование правоотношений, возникающих в связи с регистрацией, правовой охраной и использованием товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС предопределяет возможность наднациональной арбитрабельности экономических споров хозяйствующих субъектов в сфере интеллектуальной собственности, поскольку объектам интеллектуальной собственности предоставляется правовая охрана одновременно на территориях всех государств — членов ЕАЭС.

Таким образом, если основой для функционирования наднационального арбитража ЕАЭС станет международный договор, открытый для присоединения третьих стран, то будет возможно обеспечить единый наднациональный институт, предметная юрисдикция которого является альтернативной по отношению к соответствующим национальным судам. Разумеется, это потребует внесения изменений в нормативные правовые акты ЕАЭС и в национальное законодательство, в том числе в законы, регулирующие деятельность международного коммерческого арбитража.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание единого евразийского арбитражного органа для разрешения споров будет способствовать гармонизации правоприменительной практики в регионе [28, с. 65]. Формирование евразийской юрисдикции для рассмотрения дел, связанных с оспариванием и прекращением правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, может привести к заимствованию эффективных практик, применяемых региональными судами, что, в свою очередь, позволит обеспечить правовую защиту как для объектов, зарегистрированных на уровне ЕАЭС, так и для национальных объектов, а также упростит процесс разрешения споров, касающихся их охраны. Несмотря на то что каждая национальная правовая система остается независимой, разработка унифицированных подходов международным судом может стать катализатором для сближения законодательства и правоприменительной практики различных стран.

Наднациональное правовое регулирование отношений, возникающих в связи с регистрацией, охраной и использованием товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров в рамках ЕАЭС, создает предпосылки для наднациональной арбитрабельности экономических споров между хозяйствующими субъектами в области интеллектуальной собственности. Это связано с тем, что объекты интеллектуальной собственности получают правовую защиту на территориях всех государств — членов ЕАЭС одновременно.

В этой связи целесообразно продолжить обсуждение вопросов совершенствования евразийской системы разрешения споров по правам на объекты интеллектуальной собственности, а также создания евразийской арбитражной юрисдикции с участием уважаемых представителей Суда ЕАЭС и ЕАПВ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евразийская патентная конвенция (ЕАПК), подписана 9 сентября 1994 г. в Москве // Официальный сайт Евразийского Патентного Ведомства. — URL: <https://www.eapo.org/ru/?documents=eapo>
2. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции (утверждена 1 декабря 1995 г.) // Официальный сайт Евразийского Патентного Ведомства. — URL: <https://www.eapo.org/documents/obshhie-voprosy-funkcionirovaniya-eapo/>
3. Сергеев А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический. М.: Проспект, 2016. 912 с.
4. Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции. Официальный сайт Евразийского Патентного Ведомства. URL: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/proc_industr_design_protect_1994.pdf
5. Раздел XXIII Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (приложение № 26 к Договору о ЕАЭС).
6. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 г., ст. 25 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — URL: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/01426627/itia_03022020
7. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 г.
8. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе: коллективная монография / под ред. Г.П. Ивлиева и Т.Н. Нешатаевой М.: ИД Городец, 2024. 201 с.
9. Крылепова А.О. Признаки экстерриториальной охраны товарных знаков // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Способы разрешения споров в разнотерриториальных правоотношениях / Ю.А. Артемьева, Е.А. Борисова, Е.П. Ермакова и др. М.: Инфотропик, 2017. 424 с.
11. Алиев С.Б., Измайлова Е.Ю. Охрана, защита и использование интеллектуальной собственности в рамках евразийской интеграции: системный подход // Международный научно-образовательный журнал «Партнерство цивилизаций». 2014. № 1–2. С. 132–152.
12. Международный классификатор промышленных образцов // Официальный сайт Роспатента. — URL: <https://online.rospatent.gov.ru/open-data/classifiers/industrial-classifiers>
13. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
14. Амиреев Д. Патентные споры. Оспаривание и аннулирование патента // Казахстанский фармацевтический вестник. 2019. № 16 (569). С. 12–15.
15. Еременко В.И. Нововведения в евразийской патентной системе // Гражданин и право. 2020. № 10. С. 68–80.
16. Рожкова М.А. Защита интеллектуальных прав: законодательные ошибки при определении статуса и компетенции специализированных органов, разрешающих дела в сфере промышленной собственности: учеб. пособие. М.: Статут, 2016. 288 с.
17. Гуляева Н.С. Особенности разрешения экономических споров в отношении цифровых технологий //

- Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 3. С. 51–62
18. Vicente D.M. Arbitrability of Intellectual Property Disputes: A Comparative Survey // *Arbitration International*. 2015. P. 163–170.
 19. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. 416 с.
 20. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключена в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. Ратифицирована Указом Президента Верховного Совета СССР от 10 августа 1960 г. «О ратификации Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1960. № 32. Ст. 304.
 21. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».
 22. Тюнин М.В., Еремеева Н.В. Особенности правового регулирования интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе / *Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2020.
 23. Вертинская Т.С. Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран — членов ЕАЭС: на примере участия Республики Беларусь. Минск: Белорусская наука, 2018. 373 с.
 24. По информации, полученной в рабочем порядке, из Правового департамента Евразийской экономической комиссии о реализации п. 9.1.11 Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденного распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4.
 25. Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 г. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>
 26. Утвержден план действий ЕЭК по реализации приоритетов российского председательства в органах ЕАЭС. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdenn-plan-deystviy-eek-po-realizatsii-prioritetov-rossiyskogo-predsdatelstva/>
 27. Дмитрий Вольвач: международный арбитраж ЕАЭС станет эффективным инструментом разрешения споров // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_mezhdunarodnyy_arbitrazh_eaes_stanet_effektivnym_instrumentom_razresheniya_sporov.html
 28. Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // *Международное правосудие*. 2017. № 2 (22). С. 64–79.

REFERENCES

1. Evrazijskaya patentnaya konvenciya (EAPK), podpisana 9 sentyabrya 1994 g. v Moskve. Oficial'nyj sayt Evrazijskogo Patentnogo Vedomstva. — URL: <https://www.eapo.org/ru/?documents=eapo>
2. Patentnaya instrukciya k Evrazijskoj patentnoj konvencii (utverzhdena 1 dekabrya 1995 g.) // Oficial'nyj sayt Evrazijskogo Patentnogo Vedomstva. — URL: <https://www.eapo.org/documents/obshhie-voprosy-funkczionirovaniya-eapo/>
3. Sergeev A.P. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' chetvertaya: uchebno-prakticheskij. M.: Prospekt, 2016. 912 s.
4. Protokol ob ohrane promyshlennyh obrazcov k Evrazijskoj patentnoj konvencii. Oficial'nyj sayt Evrazijskogo Patentnogo Vedomstva. — URL: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/proc_industr_design_protect_1994.pdf
5. Razdel XXIII Dogovora o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze ot 29 maya 2014 g. (prilozhenie No. 26 k Dogovoru o EAES)
6. Dogovor o tovarnyh znakah, znakah obsluzhivaniya i naimenovaniyah mest proiskhozhdeniya tovarov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza ot 3 fevralya 2020 g st. 25 // Oficial'nyj sayt Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. — URL: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/01426627/itia_03022020
7. Dogovor o koordinacii dejstvij po zashchite prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti ot 8 sentyabrya 2015 g.
8. Razreshenie sporov v sfere intellektual'noj sobstvennosti v evrazijskom regione: Koll. Monografiya / pod red. G.P. Ivlieva i T.N. Neshataevoj. M.: ID Gorodec, 2024. 201 s.
9. Krylepova A.O. Priznaki eksterritorial'noj ohrany tovarnyh znakov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 10 // SPS "Konsul'tantPlyus".
10. Sposoby razresheniya sporov v raznosistemnyh pravoporyadkah / Yu.A. Artem'eva, E.A. Borisova, E.P. Ermakova i dr. M.: Infotropik, 2017. 424 s.

11. Aliev S.B., Izmajlova E.Yu. Ohrana, zashchita i ispol'zovanie intellektual'noj sobstvennosti v ramkah evrazijskoj integracii: sistemnyj podhod // Mezhdunarodnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Partnerstvo civilizacij". 2014. No. 1-2. S. 132–152.
12. Mezhdunarodnyj klassifikator promyshlennyh obrazcov // Oficial'nyj sayt Rospatenta. — URL: <https://online.rospatent.gov.ru/open-data/classifiers/industrial-classifiers>
13. Federal'nyj zakon "Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)" ot 27 iyulya 2010 g. No. 193-F3 // SPS "Konsul'tantPlyus".
14. Amireev D. Patentnye spory. Osparivanie i annullirovanie patenta // Kazhstanskij farmacevticheskij vestnik. 2019. No. 16 (569). S. 12–15.
15. Eremenko V.I. Novovvedeniya v evrazijskoj patentnoj sisteme // Grazhdanin i pravo. 2020. No. 10. S. 68–80.
16. Rozhkova M.A. Zashchita intellektual'nyh prav: zakonodatel'nye oshibki pri opredelenii statusa i kompetencii specializirovannyh organov, razreshayushchih dela v sfere promyshlennoj sobstvennosti: Ucheb. posobie. M.: Statut, 2016. 288 s.
17. Gulyaeva N.S. Osobennosti razresheniya ekonomicheskikh sporov v otnoshenii cifrovyyh tekhnologij // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2022. No. 3. S. 51–62.
18. Vicente D.M. Arbitrability of Intellectual Property Disputes: A Comparative Survey // Arbitration International. 2015. P. 163–170.
19. Kurochkin S.A. Tretejskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh. M.: Statut, 2017. 416 s.
20. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannyh arbitrazhnyh reshenij, zaklyuchena v N'yu-Jorke 10 iyunya 1958 g. Konvenciya ratificirovana Ukazom Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 10 avgusta 1960 g. "O ratifikacii Konvencii o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannyh arbitrazhnyh reshenij" // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1960. No. 32. St. 304.
21. Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 11 dekabrya 2020 g. No. 12 "O Strategicheskikh napravleniyah razvitiya evrazijskoj ekonomicheskoy integracii do 2025 g."
22. Tyunin M.V., Ereemeeva N.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya intellektual'noj sobstvennosti v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: monografiya / Moskovskij gosudarstvennyj Institut Mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Dashkovi K°, 2020.
23. Vertinskaya T.S. Teoreticheskie i prakticheskie osnovy ekonomicheskoy integracii regionov stran — chlenov EAES: na primere uchastiya Respubliki Belarus'. Minsk: Belorusskaya nauka, 2018. 373 s.
24. Po informacii, poluchennoj v rabochem poryadke, iz Pravovogo departamenta Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii o realizacii punkta 9.1.11 Plana meropriyatij po realizacii Strategicheskikh napravlenij razvitiya evrazijskoj ekonomicheskoy integracii do 2025 g., utverzhdenogo rasporyazheniem Soveta Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 5 aprelya 2021 g. No. 4.
25. Obrashchenie Predsedatelya Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta, Prezidenta Rossijskoj Federacii Vladimira Putina k glavam gosudarstv — chlenov EAES po sluchayu predsedatel'stva Rossii v organah Soyuzu v 2023 g. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>
26. Utverzhden plan dejstvij EEK po realizacii prioritetov rossijskogo predsedatel'stva v organah EAES. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhden-plan-deystviy-EEK-po-realizatsii-prioritetov-rossiyskogo-predsedatelstva/>
27. Dmitrij Vol'vach: mezhdunarodnyj arbitrazh EAES stanet effektivnym instrumentom razresheniya sporov // Sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitrij_volvach_mezhdunarodnyy_arbitrazh_eaes_stanet_effektivnym_instrumentom_razresheniya_sporov.html
28. Neshataeva T.N. Sud Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: ot pravovoj pozicii k dejstvuyushchemu pravu // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2017. No. 2 (22). C. 64–79.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ MARKETPLACE LIABILITY FOR INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS VIOLATIONS IN RUSSIA AND ABROAD

Дмитрий Юрьевич БОРИСЕНКО

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
e-mail: borisenkod92@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4118-6775

Информация об авторе

Д.Ю. Борисенко — студент магистратуры факультета
права НИУ ВШЭ, юрисконсульт АО «РАНБАКСИ»

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты ответственности маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом. Проанализированы российские и международные судебные прецеденты, а также законодательные нормы, регулирующие деятельность цифровых платформ. Автор отмечает, что в российском праве отсутствуют четкие требования к маркетплейсам в части проверки продавцов перед их регистрацией, что позволяет недобросовестным лицам повторно размещать контрафактную продукцию. Рассмотрены механизмы регулирования, применяемые в США, Европейском Союзе и России, в частности принципы **notice and takedown**, **secondary liability**, а также концепция «усиленной ответственности при повторном нарушении».

Уделено внимание анализу допустимости доказательств, полученных с аналитических платформ, таких как MPStats (МПСтатс), и их использованию в судебных разбирательствах. Подчеркивается различие между российской и зарубежной правоприменительной практикой, в том числе по вопросам верификации продавцов и предотвращения повторных нарушений. Даны рекомендации по совершенствованию российского законодательства, включая внедрение механизма **Know Your Seller («Знай своего продавца»)**, ужесточение мер по пресечению распространения контрафакта и создание единой системы мониторинга для цифровых платформ.

- **Ключевые слова:** маркетплейсы, интеллектуальная собственность, товарные знаки, ответственность цифровых платформ, контрафакт, *Know Your Seller*, *notice and takedown*, *secondary liability*

- **Для цитирования:** Борисенко Д.Ю. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 90–103; DOI: 10.17323/tis.2025.27370

Dmitriy Y. BORISENKO

- National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: borisenkod92@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4118-6775

Information about the author

- D.Y. Borisenko — Master's student at the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics, lawyer at Ranbaxy

- **Abstract.** The article examines the legal aspects of marketplace liability for intellectual property rights violations in Russia and abroad. It analyzes Russian and international court precedents, as well as legislative norms regulating digital platforms. The author highlights that Russian law lacks clear requirements for marketplaces to verify sellers before registration, which allows dishonest individuals to repeatedly list counterfeit products. The article explores regulatory mechanisms used in the United States, the European Union, and Russia, including the notice and takedown principle, secondary liability, and the concept of “increased liability for repeated violations.”

- Special attention is given to the analysis of the admissibility of evidence obtained from analytical platforms

such as MPSTATS and its use in legal proceedings. The article emphasizes the differences between Russian and foreign law enforcement practices, particularly regarding seller verification and the prevention of repeated violations. In conclusion, the article provides recommendations for improving Russian legislation, including the introduction of the Know Your Seller mechanism, stricter measures to combat counterfeit distribution, and the creation of a unified monitoring system for digital platforms.

Keywords: Marketplaces, Intellectual Property, Trademarks, Digital Platform Liability, Counterfeit, *Know Your Seller*, notice and takedown, secondary liability

For citation: Borisenko D.Y. Marketplace Liability for Intellectual Property Rights Violations in Russia and Abroad // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 90–103; DOI: 10.17323/tis.2025.27370

ВВЕДЕНИЕ

С развитием электронной коммерции и ростом популярности цифровых платформ среди продавцов и потребителей маркетплейсы заняли ключевую нишу в онлайн-торговле. Однако представленная активность породила серьезные проблемы, связанные с защитой интеллектуальной собственности. Наряду с удобством и возможностью получения предсказуемой коммерческой выгоды возникает и негативная сторона: увеличение объема контрафактной продукции, которая продается недобросовестными торговцами, стремящимися к быстрому доходу, а не к поддержанию долгосрочного репутационного имиджа. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 18 марта 2022 г. по делу № А40-92572/2021 было воспроизведено наиболее точное определение маркетплейса: «платформа электронной коммерции, онлайн-магазин электронной торговли, предоставляющий информацию о продукте или услуге третьих лиц, чьи операции обрабатываются оператором маркетплейса» [18].

В конце 2024 г. был выдвинут ряд предложений и законопроектов, которые были направлены на увеличение ответственности маркетплейсов в части контроля за реализацией контрафактной продукции. За последнее время было выявлено около 80 тыс. случаев торговли контрафактными биологически активными добавками (далее — БАД) и иными продуктами на онлайн-площадках. Поэтому актуальность данной работы обусловлена в том числе разработкой законопроекта № 794537-8, который вносит существенные поправки в Закон «О защите прав потребителей» [23].

В частности, изменения затрагивают ст. 26.1, регламентирующую порядок предоставления достоверной информации при дистанционной реализации товаров. Законодательная инициатива предусматривает обязанность владельцев агрегаторов товаров (услуг) проверять корректность сведений о качестве, составе и производителе биологически активных добавок, предоставляемых потребителям. Данные изменения говорят в том числе о тенденции зарегулировать в каком-то смысле теневой сектор платформенной экономики, воздействие на который со стороны регулятора еще несколько лет назад было минималь-

ным. В том числе минимизировать риски реализации контрафактной продукции посредством цифровых платформ. Таким образом, цель данной работы — предложить конкретные способы эффективного противодействия нарушению исключительных прав на маркетплейсах.

1. СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ

1.1. Правовые возможности привлечения маркетплейса к ответственности

В российской юридической доктрине и судебной практике за последние несколько лет сложилось определенное понимание, когда маркетплейсы могут быть привлечены к ответственности в части нарушения интеллектуальных прав. Тем не менее привлечение маркетплейса к ответственности наряду с продавцом контрафактной продукции уже становится устоявшейся практикой. Это касается не только стратегии изменения подсудности спора и привлечения онлайн-площадки, в том числе в качестве соответчика, даже когда правообладатель уверен, что цифровая платформа не может быть привлечена к ответственности и выполнила все меры по предотвращению нарушения исключительных прав, но и тех случаев, когда правообладатель уверен, что вопрос заполнения карточки товара и предоставления информации о продукте потребителю находится в области ответственности цифровой платформы [2]. Таким образом, возникает проблема правовых пробелов в регулировании платформенной экономики. Тем не менее, поскольку маркетплейсы в таких случаях не выступают в качестве прямых продавцов товаров, а являются посредниками между продавцом и потребителем, возникает необходимость установить четкие критерии для определения их роли и степени ответственности, которая отведена маркетплейсам в цепочке «продавец — потребитель».

Бесспорно, реализация контрафактной продукции осуществляется непосредственно продавцом, который, являясь организатором сделки и извлекая основную прибыль, использует маркетплейс как канал для продажи своего продукта. Однако маркетплейс, предлагая свою площадку для продажи и обеспечивая организационные и маркетинговые услуги, также оказывается вовлеченным в данный процесс. Вследствие этого возникает правовая проблема: следует ли рассматривать маркетплейс как соучастника продажи контрафактных товаров или его роль сводится только к техническому предоставлению платформы?

В соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ информационный посредник (коим признается маркетплейс)

несет ответственность в случае нарушения исключительных прав продавцом товаров, если были выполнены следующие условия: маркетплейс не является инициатором передачи и не определяет получателя указанного материала; не вносит изменений в материал при оказании услуг связи, за исключением тех, которые осуществляются исключительно для обеспечения технологического процесса передачи; оператор цифровой площадки не знал и не должен был знать о неправомерном использовании результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, содержащихся в материале, лицом, инициировавшим его передачу [1]. Продавец как лицо, непосредственно осуществляющее продажу, несет основную ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности в соответствии со ст. 1252 ГК РФ. Однако вопрос о привлечении маркетплейса к ответственности не так однозначен, особенно если рассматривать его в качестве посредника, оказывающего различные услуги продавцу. Важно определить, в каких случаях маркетплейс может быть привлечен к ответственности, если он был только связующим звеном в цепочке реализации товара между продавцом и покупателем.

Так, в рамках дела № А41-85375/2020 (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2022 г. по делу № А41-85375/2020), рассматриваемого Арбитражным судом Московской области, был изучен иск, поданный ООО «Комфортплюс» в отношении ООО «ВАЙЛДБЕРРИЗ» и ООО «Строй Материалы Холдинг» [14]. Истцом выдвинуты требования о запрете предложения к продаже и реализации ряда товаров, обозначенных как «GUOCAI» или имеющих сходство до степени смешения с товарным знаком «GUOCAI», зарегистрированным по свидетельству Российской Федерации № 739112, а также о взыскании с ответчиков солидарной компенсации в размере 2 млн рублей за нарушение исключительных прав на указанный товарный знак. В решении Арбитражного суда Московской области от 1 сентября 2021 г. в отношении ООО «ВАЙЛДБЕРРИЗ» и ООО «Строй Материалы Холдинг» в пользу правообладателя товарного знака была удовлетворена заявленная компенсация в размере 2 млн рублей, тогда как остальные требования истца оставлены без удовлетворения. Маркетплейс, возражавший против удовлетворения предъявленных требований, аргументировал свою позицию тем, что выступает исключительно в роли информационного посредника и, следовательно, не может нести ответственность за неправомерное использование товарного знака, осуществляемое продавцом. Тем не менее со стороны маркетплейса не были выполнены

условия в части соответствия требованиям ст. 1253.1 ГК РФ: маркетплейс не предотвратил реализацию контрафактной продукции после получения претензии со стороны правообладателя.

Однако Суд по интеллектуальным правам согласился с решениями судов нижестоящих инстанций также в той части, что онлайн-площадка, осуществляющая торговлю, не может рассматриваться исключительно как информационный посредник и должна нести ответственность наравне с продавцом. Этот вывод вытекает из положений Правил реализации товаров, опубликованных на сайте www.wildberries.ru, согласно которым платформа за вознаграждение заключает сделки по продаже товаров, принадлежащих продавцу на праве собственности, от его имени и за его счет [24]. Платформа организует доставку товаров до конечного потребителя, осуществляет их рекламу посредством размещения изображений на сайте, принимает возвращенные покупателями товары наряду с поступающими оплатами, передает вырученные денежные средства продавцу и осуществляет утилизацию товаров, возвращенных по причине выявленных недостатков. Дополнительно в соответствии с п. 1 Правил использования Портала «Право Wildberries на использование интеллектуальной собственности Продавца» продавец предоставляет компании «Вайлдбериз» согласие на использование товарного знака, нанесенного на поставляемые товары, в целях их реализации на сайте и в рекламных целях.

Таким образом, для анализа степени ответственности маркетплейса важно опираться на мнение российских ученых и практиков, а также учитывать зарубежный опыт и судебную практику, в частности дела, связанные с привлечением к ответственности крупных интернет-платформ за нарушение исключительных прав.

1.2. Ответственность маркетплейса в зависимости от формы участия в реализации контрафактного товара

Один из аспектов, позволяющих более четко определить роль маркетплейса в вопросах его ответственности за предоставление и контроль за размещение контрафактного товара, заключается в форме его участия в сделке. В данном контексте можно выделить несколько моделей взаимодействия маркетплейсов с продавцами и покупателями, которые влияют на степень ответственности онлайн-платформы [2, с. 133–140].

Реализация товара: маркетплейс как продавец.

В данной модели маркетплейс заключает с продавцом договор о реализации товара и самостоятельно продает продукцию от имени и за счет продавца. При этом маркетплейс получает оплату за товар, а прода-

вец получает свою часть выручки, удержав процент от продажи в качестве вознаграждения. Ярким примером такой модели является маркетплейс Wildberries, который не только предоставляет платформу для размещения товаров, но и оказывает услуги по доставке и приемке товаров, а также обеспечивает возвраты от покупателей. В этой модели маркетплейс активно вовлечен в процесс продажи и может быть привлечен к ответственности за продажу контрафактной продукции, особенно если он не принял необходимых шагов для предотвращения такого рода нарушений.

Например, маркетплейс Wildberries предоставляет продавцам платформу для размещения товара, а также услуги по доставке, возвратам и другим операциям, связанным с реализацией продукции. В этом случае маркетплейс может быть обязан проверять товары на наличие контрафакта и исполнять требования правообладателей в случае обнаружения нарушения прав.

Однако в 2022 г. появились сообщения о том, что ведущие российские онлайн-платформы Wildberries, Ozon и «Яндекс.Маркет» достигли договоренности о совместном управлении единым цифровым информационным ресурсом, направленным на противодействие распространению контрафактной продукции [25]. Согласно достигнутой договоренности, в систему будут интегрированы сведения о случаях обнаружения контрафактных товаров, информация о продавцах такой продукции, а также данные из документов, подтверждающих наличие нарушений. Так, система «Цифровой арбитраж», разработанная для платформы Wildberries, позволяет правообладателю в срочном порядке, обычно в течение 10 рабочих дней, предотвратить реализацию контрафактной продукции, что значительно быстрее предотвращения нарушения посредством использования досудебных и судебных обеспечительных мер [26]. Тем не менее система «Цифровой арбитраж» в большей степени рассчитана на обнаружение конкретного продавца-нарушителя на маркетплейсах, а не на масштабное нарушение нескольких продавцов контрафактного товара, поскольку на каждого нового нарушителя, использующего исключительные права правообладателя, нужно заводить новую претензию в системе, что затрудняет процесс в делах с масштабными нарушениями.

Из представленных аргументов можно сделать вывод, что финансовые расходы крупных маркетплейсов на системы, подобные «Цифровому арбитражу», связаны в первую очередь с соблюдением требования ст. 1253.1 ГК РФ в части своевременного реагирования при обнаружении нарушения исключительных прав на цифровой платформе. Однако конкретные меры в части соблюдения данного требования, как

и обязанности блокировать повторное размещение контрафактной продукции у продавцов товаров, так и не закреплены на законодательном уровне.

Договор оказания услуг маркетплейсом. В другой модели маркетплейс предоставляет продавцам услуги по размещению товаров, организации заключения договоров купли-продажи и услуг «фулфилмента» (например, складирование, упаковка, доставка продукции и т.д.). В этой модели маркетплейс не продает товар от своего имени, а только предоставляет платформу для взаимодействия покупателя и продавца, а также организационные услуги, включая логистику [2].

Например, такой маркетплейс, как «Яндекс.Маркет», действует по данной модели: он предоставляет услуги по размещению товаров и заключению сделок, но не является прямым продавцом. Маркетплейс зарабатывает на вознаграждениях за предоставление услуг и не участвует в финансовых транзакциях напрямую.

В этом случае маркетплейс не несет ответственности за реализацию и наличие контрафактных товаров, если он не был уведомлен о нарушении прав и не предпринял шагов для устранения нарушения, согласно принципу “*notice and takedown*” (уведомление и удаление) в зарубежной судебной практике [7].

Важность разграничения форм участия. Выделение таких форм участия маркетплейса в продажах критично для определения оснований его ответственности. Если маркетплейс действует как продавец или активно участвует в реализации товара, его ответственность будет более очевидной. Если же маркетплейс ограничивается организацией логистики и предоставлением технической платформы, его ответственность за контрафактный товар может быть оспорена, особенно при отсутствии уведомлений от правообладателей [4].

Таким образом, понимание конкретной роли маркетплейса в сделке помогает точнее определить его ответственность в рамках нарушения исключительных прав, а также выработать соответствующие механизмы защиты прав интеллектуальной собственности. Можно ожидать, что в дальнейшем российская судебная практика будет развиваться в сторону уточнения критериев ответственности онлайн-платформ в зависимости от их участия в процессе продажи.

Важный вопрос, который все чаще поднимается в контексте судебной практики по делам, связанным с нарушением исключительных прав со стороны маркетплейса, — это доказывание факта реализации такого товара, который напрямую зависит от суммы компенсации или взыскания убытков, заявляемых правообладателем. В процессе рассмотрения дел на протяжении продолжительного времени у суда сложилась позиция, что «информация, содержащаяся

в карточке товара на маркетплейсе, сама по себе не является доказательством, с высокой степенью достоверности подтверждающим объем проданного товара» (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 августа 2024 г. № C01-1428/2024 по делу № A50-24409/2023), который напрямую связан с размером компенсации, присуждаемой по решению суда, а также влияющей на дальнейшую мотивацию продавца контрафактного товара реализовывать свою продукцию [14]. В этом контексте поворотным моментом стало признание судами скриншотов с аналитических сервисов (таких, как MPStats и др.) в качестве доказательства реализации контрафактной продукции без необходимости проведения правообладателем контрольной закупки для подтверждения факта нарушения исключительных прав на маркетплейсе. Так, в рамках дела № A53-27386/2023 (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 сентября 2024 г. № C01-1365/2024 по делу № A53-27386/2023) в обоснование суммы компенсации, рассчитанной в соответствии с п. 2 ст. 1301 ГК РФ, истец представил скриншот с маркетплейса Wildberries, подтверждающий наличие предложения о продаже товара, содержащего спорный дизайнерский объект. В карточке товара отображалась информация о том, что продукция была продана свыше 700 раз по цене 578 рублей за единицу ([15, т. 1, лист дела 86]). Однако суды первой и апелляционной инстанций признали данный скриншот **недопустимым доказательством**, поскольку он не относится к категории бухгалтерских и финансовых документов и, следовательно, не может достоверно подтвердить фактический объем реализации товара с нарушением исключительных прав [15].

Тем не менее механизм взыскания компенсации за нарушение интеллектуальных прав был введен в гражданское законодательство именно потому, что правообладатель зачастую **не имеет доступа к точным данным о масштабах нарушения**, в то время как ответчик не заинтересован в их раскрытии.

В подобных ситуациях истец вправе использовать сведения из независимых источников, в том числе данные с маркетплейсов, как ориентировочный расчет ущерба. В данном случае он предоставил информацию о количестве реализованных товаров и их стоимости на основе данных, опубликованных в карточке товара на онлайн-площадке.

Таким образом, повышение уровня понимания важности использования подобных сервисов в борьбе с реализацией контрафактной продукции и предоставление более точных сведений по реализации со стороны маркетплейсов способствуют сокращению объема контрафактной продукции.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

2.1. Европейский союз

За последние годы Европейский союз значительно изменил подход к регулированию маркетплейсов, особенно в части их ответственности за продажу товаров, нарушающих исключительные права [22]. Одним из ключевых изменений стало вступление в силу в 2022 г. **Закона о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA)**, который ввел жесткие требования к контролю продавцов и товарных позиций [27].

Основные положения DSA, влияющие на маркетплейсы:

- **проверка продавцов перед регистрацией** (*Know Your Business Customer, KYBC*) — платформы обязаны проверять юридическую информацию о продавцах, чтобы исключить размещение контрафакта;
- **проактивный мониторинг нарушений** — маркетплейсы должны выявлять и блокировать контрафактные товары не только по жалобам правообладателей, но и с помощью внутренних механизмов;
- **прозрачность алгоритмов продвижения товаров** — платформы обязаны раскрывать критерии ранжирования товаров, что препятствует продвижению контрафактной продукции посредством рекламных услуг.

Представленное нормативное регулирование изменило правоприменительную практику, повысив ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав.

Одним из ключевых судебных разбирательств, повлиявших на регулирование цифровых платформ в Европейском союзе, стало **дело *Louboutin v. Amazon* (C-148/21 и C-184/21)**, рассмотренное Судом Евросоюза (CJEU) в 2022 г. Французский дизайнер Christian Louboutin, владеющий правами на культовую красную подошву своих туфель, подал иск против маркетплейса Amazon. Истец утверждал, что платформа не просто предоставляла площадку для торговли, но и активно участвовала в распространении контрафактной продукции, поскольку размещала рекламу поддельных товаров, хранила их на складах, организовывала доставку покупателям. По мнению истца, подобные действия превращали Amazon из посредника в фактического продавца, что делает платформу ответственной за продажу контрафактной продукции. Суд Европейского союза не признал Amazon виновным в рамках данного дела, однако вынес важное разъяснение, определяющее условия, при которых маркетплейсы могут быть привлечены к ответственности за продажу контрафакта. Так, суд сделал акцент на следующих определяющих моментах,

которые позволяют принять решение по делу о привлечении к ответственности маркетплейса в случае нарушения исключительных прав: Если потребитель воспринимает маркетплейс в качестве продавца продукции, а не в качестве информационного посредника, то платформа может нести ответственность за нарушение исключительных прав; если маркетплейс участвует в логистике, оказании рекламных услуг и хранении товаров, он может быть признан соучастником нарушения, даже если товар размещен на цифровой площадке непосредственно продавцом. Однако само по себе размещение объявления о продаже не делает маркетплейс ответственным за контрафакт, если платформа не оказывает дополнительных услуг и четко указывает, кто является продавцом [12].

Таким образом, Суд ЕС разграничил случаи, когда маркетплейс является пассивным информационным посредником (и не несет ответственности), и когда фактически участвует в продаже контрафактной продукции (и может быть привлечен к ответственности). В связи с этим в рамках представленного прецедентного решения было установлено усиление требований к информированию потребителей. После данного решения маркетплейсы обязаны четко разграничивать свою роль: либо они выступают исключительно в качестве информационного посредника, либо берут на себя риски продавца. Несмотря на то что Суд ЕС предоставлял исключительно разъяснения в рамках этого дела и не наложил штраф на Amazon, национальные суды Франции и Бельгии, в юрисдикции которых находилось представленное судебное дело, теперь могли использовать данное разъяснение для привлечения цифровых платформ к ответственности в случаях, когда они активно участвуют в продаже товаров, нарушающих исключительные права.

Указанное решение по делу *Louboutin v. Amazon* побудило Amazon внести изменения в политику своей платформы, а также четко указывать в карточках товаров, кто является реальным продавцом товара (он сам или сторонний продавец), что не только стало важным шагом в формировании новой судебной практики ЕС, но и заставило изменить позиционирование маркетплейса в глазах потребителя, тем самым усилив позиции правообладателей, предоставив им дополнительные правовые основания для защиты своих исключительных прав в цифровой среде [12].

Таким образом, европейский регулятор в рамках судебного решения согласился с позицией, что маркетплейс не ограничивается ролью информационного посредника, а принимает активное участие в реализации товаров продавцов, а значит, обязан нести те же риски при нарушении исключительных прав, что и продавцы товаров. Это коренным образом отлича-

ется от нынешнего подхода в российской практике в части исключительно своевременного реагирования на обнаруженные случаи нарушения исключительных прав правообладателя в контексте подобных споров [21].

Рассмотрим положение дел с маркетплейсами в одной из стран Евросоюза.

2.2. Франция

Франция придерживается строгого подхода к вопросу ответственности маркетплейсов, особенно в сфере защиты интеллектуальной собственности. Национальные суды и регулирующие органы последовательно усиливают требования к цифровым платформам, обязывая их активно предотвращать продажу контрафактных товаров. В отличие от правоприменительной практики США, где маркетплейсы освобождаются от ответственности при своевременном удалении нарушающего контента, французские суды не всегда признают принцип «нейтрального посредника». Если платформа не просто предоставляет торговую площадку, но и участвует в процессе продажи (например, занимаясь продвижением, логистикой или хранением товаров), она может быть привлечена к ответственности за нарушение исключительных прав [22].

Во Франции маркетплейсы могут быть признаны соучастниками нарушения, если они не просто предоставляют платформу, но и оказывают дополнительные услуги — такие как реклама, хранение, доставка или продвижение товаров. Этот подход закреплен в судебной практике, в частности в деле *LVMH v. eBay*, где суд постановил, что, если маркетплейс получает выгоду от продажи контрафакта и не предпринимает активных мер по его удалению, он может быть привлечен к ответственности [9].

С 2021 г. во Франции действует **Закон о борьбе с контрафактом (*Loi contre la contrefaçon*)**, который обязывает маркетплейсы проверять продавцов перед регистрацией [28]. Это означает, что платформы должны запрашивать у них юридическую информацию, включая регистрационные данные и свидетельства о праве на реализацию товаров.

Французское нормативное регулирование требует, чтобы маркетплейсы не просто удаляли контрафакт по жалобе, но и предотвращали его повторное появление. Если правообладатель несколько раз жалуется на одного и того же продавца, платформа обязана заблокировать его аккаунт и принять дополнительные меры по недопущению аналогичных нарушений.

В отличие от многих других стран ЕС, во Франции маркетплейсы могут быть привлечены к ответственности, если они рекламируют или продвигают

контрафактные товары, даже когда они не являются их продавцами. Так было в упомянутом выше деле *Louboutin v. Amazon*, где Европейский суд в рамках своих разъяснений обязал Amazon пересмотреть политику продвижения товаров, так как платформа использовала алгоритмы, рекомендуя поддельные товары потребителям.

Во Франции суды могут назначать значительные штрафы за продажу контрафакта. Так, в деле *LVMH v. eBay* (2009–2012) Торговый суд Парижа сначала присудил компенсацию в размере 38,6 млн евро, однако спустя год апелляционный суд снизил размер компенсации до 5,7 млн евро, но сам принцип ответственности маркетплейса был подтвержден, в том числе в вышестоящей инстанции.

Таким образом, французское законодательство делает акцент не только на удалении контрафактной продукции, но и на предотвращении нарушений в будущем [22]. В отличие от других юрисдикций, где маркетплейсы освобождаются от ответственности при оперативном реагировании на жалобы, во Франции платформы обязаны активно мониторить продавцов товаров, блокировать карточки товаров у повторных нарушителей и нести ответственность за содействие продаже контрафакта. Этот подход делает Францию одной из самых строгих юрисдикций в Европе в вопросе регулирования деятельности цифровых платформ.

2.3. Соединенные Штаты Америки

В США вопрос об ответственности интернет-провайдеров, включая маркетплейсы, был урегулирован в § 202 Закона об авторском праве в цифровую эпоху 1998 г. (*Digital Millennium Copyright Act, DMCA*) [6]. В соответствии с этим законом интернет-платформы обязаны разрабатывать и поддерживать механизм «уведомление и удаление» (*notice and takedown*), позволяющий правообладателям подавать жалобы на нарушения их авторских прав [19]. Однако провайдеры не обязаны самостоятельно мониторить размещаемый контент — американское законодательство не предусматривает общей обязанности интернет-платформ отслеживать сайты на предмет незаконной информации.

Таким образом, в США маркетплейсы несут ответственность только в случае несвоевременного удаления контрафактного товара после получения уведомления от правообладателя. Если платформа оперативно реагирует на жалобы и удаляет нарушающий контент, ее ответственность исключается.

Дополнительно американские исследователи рекомендуют учитывать **Совместную рекомендацию в отношении защиты товарных знаков и других прав**

на промышленные объекты, используемых в знаках в интернете, разработанную в 2001 г. Постоянным комитетом по законодательству о товарных знаках, промышленных образцах и географических указаниях Всемирной организации интеллектуальной собственности (*Standing Committee on the Law of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications — SCLT*) [7]. Хотя данный документ не устанавливает четких критериев ответственности интернет-посредников, он содержит важное указание: использование товарного знака в интернете должно носить коммерческий характер для применения положений данной рекомендации.

В конце 2022 г. в США был принят Закон о прозрачности, уведомлении и справедливости на онлайн-маркетплейсах для потребителей (*Integrity, Notification, and Fairness in Online Retail Marketplaces for Consumers Act* далее — *INFORM Consumers Act*), устанавливающий обязательные требования для онлайн-маркетплейсов [29]. В соответствии с данным нормативным актом цифровые платформы обязаны собирать, проверять и предоставлять потребителям актуальную информацию о крупных сторонних продавцах, ведущих деятельность на их площадках. Одной из ключевых целей *INFORM Consumers Act* является усиление защиты потребителей от продажи краденых и контрафактных товаров, при этом исключая избыточное давление на малый бизнес.

Согласно Закону, маркетплейс представляет собой управляемую физическим или юридическим лицом электронную платформу, обеспечивающую посредничество при купле-продаже, оплате, хранении и доставке потребительских товаров. Сторонним продавцом признается независимое лицо, которое использует данную платформу для реализации своей продукции. Если продавец в течение любого 12-месячного периода за последние 24 месяца совершил не менее 200 сделок на сумму от 5 тыс. долларов США и более, он получает статус крупного стороннего продавца.

После присвоения данного статуса у продавца есть два рабочих дня, чтобы передать маркетплейсу необходимые документы: банковские реквизиты, на которые поступает выручка от сделок, индивидуальный налоговый номер, а также актуальные контактные данные, включая рабочий адрес электронной почты и телефон. Данные меры направлены на повышение прозрачности работы торговых онлайн-площадок и снижение рисков распространения контрафактной продукции через маркетплейсы.

Однако в рамках реализации данного законопроекта возникают и технические сложности, касающиеся периодических обновлений страницы продавца товаров на маркетплейсе, которые не позволят пра-

вообладателю или потребителю своевременно направить соответствующий запрос о предотвращении нарушений.

Не менее важно отметить, что одним из важных аспектов *INFORM Consumers Act* является требование, согласно которому маркетплейсы обязаны предоставлять пользователям по запросу следующую информацию о продавце: его полное имя, место нахождения, сферу деятельности (например, производство, продажа, перепродажа, импорт и другие формы коммерческой деятельности), а также актуальные контактные данные, включая номер телефона, адрес электронной почты или другие доступные способы связи с продавцом. Данный вопрос неоднократно предлагался для обсуждения, однако конкретных решений так и не последовало [30].

Таким образом, в рамках представленного анализа нормативного регулирования требований к маркетплейсам в США можно проследить тенденцию на повышение роли цифровой платформы для контроля и помощи правообладателю при нарушении его исключительных прав со стороны продавцов на цифровой платформе.

Например, в деле *Tiffany v. eBay*, рассмотренном 14 июля 2008 г. Окружным судом США по Южному округу Нью-Йорка, истцы утверждали, что маркетплейс *eBay* должен нести ответственность за размещение объявлений о товарах, поскольку платформа обязана контролировать действия продавцов и предотвращать незаконную торговлю. Однако суд вынес решение, согласно которому обязанность по выявлению контрафактной продукции возлагается на правообладателя, а не на маркетплейс [18]. Позднее эту позицию подтвердил Апелляционный суд Второго округа США, указав, что для привлечения платформы к ответственности необходимо доказать, что она знала или должна была знать о нарушении.

Дополнительно суд учел меры, которые предпринимал маркетплейс для борьбы с контрафактом: *eBay* активно инвестировал в программу *Verified Rights Owner Program (VeRO)*, разработанную для оперативного удаления товаров, нарушающих права на товарные знаки, после получения жалобы от правообладателя [10]. Это обстоятельство сыграло важную роль в вынесении решения в пользу платформы.

Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что судебные инстанции пришли бы к такому же выводу, если бы спор касался не крупного маркетплейса с достаточными финансовыми ресурсами для поддержания подобных программ, а небольшой онлайн-платформы. В этом случае ответственность за контроль и выявление контрафактной продукции могла бы быть возложена на сам маркетплейс.

Данный вывод позволяет сфокусироваться на проблеме конкретизации критериев выполнения условия своевременного реагирования маркетплейса на факт нарушения исключительного права со стороны продавца товара, поскольку крупные маркетплейсы, естественно, обладают большим финансовым ресурсом. Однако как остальным цифровым платформам выполнять данный критерий, когда сроки на реагирование будут различны? Это в том числе касается и российских игроков рынка.

Таким образом, можно отметить, что судебная практика США подтверждает выявленную закономерность: степень ответственности маркетплейса напрямую зависит от его роли в системе взаимоотношений между продавцом и покупателем. В проанализированных решениях суды приходят к выводу, что, если платформа не выступает в качестве непосредственного продавца, а предпринимает разумные меры для предотвращения правонарушений, ее ответственность остается ограниченной.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РОССИЙСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

3.1. Пробелы в законодательстве

В последние годы развитие цифровой торговли в России привело к необходимости пересмотра регулирования деятельности маркетплейсов, особенно в части их ответственности за продажу контрафактной продукции и нарушение исключительных прав. Несмотря на появление ряда законодательных инициатив, правоприменительная практика по-прежнему сталкивается с рядом серьезных пробелов, которые затрудняют защиту правообладателей и создают правовую неопределенность в отношении обязанностей цифровых платформ [3].

Отсутствие четко прописанного статуса маркетплейсов в законодательстве. Маркетплейсы в России не имеют специального правового статуса, что приводит к разночтениям в правоприменении. Согласно действующему законодательству, они могут рассматриваться либо как информационные посредники (ст. 1253.1 ГК РФ), либо как лица, способствующие нарушению исключительных прав, если предоставляют инфраструктуру для распространения контрафакта. Однако отсутствие четкого регулирования позволяет маркетплейсам ссылаться на свою нейтральную роль и снимать с себя ответственность за действия продавцов.

В отличие от европейского **Закона о цифровых услугах (DSA)**, который закрепляет прямые обязанности маркетплейсов по проверке продавцов и борь-

бе с незаконным контентом, в российском праве таких норм пока нет. Это создает правовую неопределенность при рассмотрении исков к платформам, так как суды по-разному оценивают их ответственность.

Необязательность проверки продавцов перед регистрацией. Одной из ключевых проблем является отсутствие в российском законодательстве обязанности маркетплейсов проверять продавцов перед их допуском к платформе. В настоящее время маркетплейсы самостоятельно устанавливают политику проверки, но единых требований к верификации юридических лиц и ИП нет. Это позволяет недобросовестным продавцам многократно регистрировать новые аккаунты после блокировки и продолжать продавать контрафакт [4].

В странах ЕС действует принцип *Know Your Seller* («Знай своего продавца»), согласно которому платформы обязаны запрашивать у продавцов юридическую информацию, подтверждающую их легальную деятельность. В России подобного нормативного регулирования нет, что существенно осложняет борьбу с нелегальной торговлей.

Отсутствие единого подхода к использованию сервисов аналитики в судебной практике. В последнее время для выявления продавцов-нарушителей правообладатели активно используют аналитические инструменты, такие как MPStats (МПССтатс). Однако суды не всегда принимают данные таких сервисов в качестве доказательств, поскольку в процессуальном законодательстве нет четких положений, закрепляющих их допустимость [14].

Отсутствие правовой регламентации приводит к тому, что в одних случаях суды признают аналитические данные достоверными, а в других отказывают в их учете, ссылаясь на необходимость предоставления традиционных доказательств (например, актов контрольной закупки). Это создает разночтения в судебной практике и затрудняет эффективное применение цифровых инструментов для выявления нарушений. Правовая регламентация значительно облегчила бы возможность сбора и обработки доказательств как продавцам, так и суду при оценке размера компенсации, поскольку присуждение высоких сумм компенсации увеличило бы уровень ответственности у продавцов контрафактной продукции на цифровых платформах.

Недостаточная ответственность маркетплейсов за повторные нарушения. Российское законодательство не устанавливает жестких санкций для маркетплейсов, которые допускают систематическую продажу контрафакта. В настоящее время платформа может удалить товар по жалобе правообладателя, однако, если контрафакт снова появляется под другим аккаунтом, никакой дополнительной ответственности маркетплейс не несет.

В европейской практике действует принцип «**второе нарушение — усиленная ответственность**», при котором платформа обязана блокировать продавца и предотвращать дальнейшие нарушения. В России же маркетплейсы могут ограничиваться разовыми мерами, не внедряя системных решений по борьбе с нарушителями, что позволяет продавцам контрафактной продукции снова создать карточку продукта и продолжить реализацию такого товара [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ судебной практики, законодательства России и зарубежных стран показывает, что маркетплейсы играют ключевую роль в борьбе с контрафактом и защитой исключительных прав, однако действующая нормативная база в России имеет ряд пробелов, которые позволяют недобросовестным продавцам использовать онлайн-платформы для нарушения интеллектуальной собственности. В отличие от ЕС, в частности от Франции, где маркетплейсы обязаны активно предотвращать продажу подделок, в России они не несут жесткой ответственности за недостаточный контроль продавцов и не обязаны заниматься активным выявлением контрафактной продукции.

Судебная практика последних лет показывает, что маркетплейсы все реже привлекаются к ответственности, а правообладателям становится сложнее доказывать их вину. Это связано с отсутствием в законодательстве четкого статуса цифровых платформ, необязательностью проверки продавцов перед регистрацией и правовой неопределенностью в использовании аналитических сервисов в суде. В связи с этим необходимо принять **системные меры** для усиления правовой защиты интеллектуальной собственности в сфере электронной торговли.

Для повышения ответственности маркетплейсов и эффективной борьбы с нарушениями исключительных прав необходимо внедрять конкретные законодательные механизмы, направленные на ужесточение контроля за продавцами и предотвращение распространения контрафакта. Одним из ключевых решений является введение обязательной проверки продавцов перед регистрацией по принципу **Know Your Seller** («**Знай своего продавца**»). В рамках данной меры маркетплейсы должны запрашивать у продавцов подтверждающие документы, удостоверяющие их легальный статус, включая ИНН, ОГРН и лицензии на продажу определенных категорий товаров. Это позволит исключить возможность многократной регистрации нарушителей, чья деятельность ранее уже была ограничена за продажу контрафактной продукции [3].

Реализация данного механизма предполагает, что при регистрации продавец обязан предоставить юридическую информацию и подтвердить свое право на реализацию товаров. В случае выявления факта распространения контрафакта такие продавцы будут вноситься в реестр нарушителей, а повторная регистрация без прохождения дополнительной проверки станет невозможной. Данная мера обеспечит прозрачность работы маркетплейсов, повысит уровень ответственности платформ за размещаемый контент и предотвратит повторные нарушения, то есть защитит интересы правообладателей.

Для повышения эффективности судебной защиты правообладателей и усиления контроля за продажей контрафактной продукции необходимо закрепить обязательность использования аналитических сервисов в судебной практике. В настоящее время такие инструменты, как MPStats (МПСтатс), позволяют выявлять реализацию контрафактных товаров на маркетплейсах, однако суды не всегда принимают их данные в качестве доказательств. Это связано с отсутствием четких правовых норм, регламентирующих допустимость аналитических сведений при рассмотрении дел о нарушении исключительных прав.

Для устранения правовой неопределенности необходимо законодательно закрепить использование данных аналитических сервисов в судебных разбирательствах. В рамках данной меры информация, полученная с таких платформ, должна включаться в перечень допустимых доказательств наряду с традиционными методами фиксации нарушений. Судебные органы должны иметь возможность запрашивать сведения о динамике продаж, идентификации нарушителей и повторных правонарушениях, что позволит более оперативно и обоснованно привлекать виновных к ответственности. Внедрение данного механизма повысит эффективность борьбы с контрафактом, обеспечив правообладателям дополнительный инструмент для защиты своих исключительных прав.

Для эффективного предотвращения распространения контрафактной продукции и защиты исключительных прав необходимо усилить ответственность маркетплейсов за повторные нарушения. В настоящее время платформы несут ответственность лишь за разовое размещение контрафактных товаров, однако отсутствие жестких санкций за систематические правонарушения позволяет недобросовестным продавцам обходить блокировки и продолжать деятельность под новыми аккаунтами. Введение штрафов за повторные нарушения заставит маркетплейсы инвестировать в более совершенные механизмы проактивного мониторинга и контроля.

Данный механизм предполагает, что в случае повторного размещения контрафактной продукции

продавцом маркетплейс будет нести административную ответственность. Если платформа не принимает мер по блокировке нарушителей и не предотвращает повторные факты продажи подделок, размер штрафов будет увеличиваться. Такой подход создаст дополнительные стимулы для платформ внедрять более строгие системы контроля, что позволит значительно сократить объемы незаконного оборота контрафактной продукции в цифровой среде.

Для повышения прозрачности торговли и защиты интеллектуальной собственности необходимо обязательное раскрытие информации о продавцах при поступлении жалобы. В настоящее время маркетплейсы не всегда предоставляют правообладателям сведения о нарушителях, что затрудняет защиту прав в судебном порядке. Введение обязанности платформ передавать информацию о продавцах позволит упростить процесс выявления нарушителей и ускорить привлечение их к ответственности.

Данный механизм предусматривает, что при поступлении жалобы от правообладателя он получает доступ к данным о продавце, включая его юридический статус и контактные сведения. Это позволит оперативно инициировать судебные разбирательства, предотвращать дальнейшие нарушения и повышать эффективность борьбы с контрафактной продукцией. Раскрытие информации о нарушителях создаст дополнительный механизм контроля, стимулируя продавцов соблюдать законодательство и защищая права добросовестных участников рынка.

Таким образом, существующее нормативное регулирование и правоприменительная практика в России недостаточно эффективны для борьбы с контрафактом. Для решения этой проблемы необходимо внедрение комплексных мер, включающих обязательную проверку продавцов, использование аналитических сервисов в суде, ужесточение ответственности за повторные нарушения и раскрытие данных о продавцах. Только такой подход позволит выстроить системную защиту интеллектуальной собственности и обеспечить надежный механизм борьбы с незаконной торговлей в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «Консультант Плюс».
2. Ворожевич А.С. Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2. С. 133–141.
3. Васильева А.В. Ответственность маркетплейсов за нарушение интеллектуальных прав: обзор судебной практики // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-marketpleysov-za-narushenie-intellektualnyh-prav-obzor-sudebnoy-praktiki?ysclid=mbiawsl9qy403065471>
4. Малюшев А.В., Синельникова В.Г. Ответственность маркетплейсов за нарушения интеллектуальных прав // Вестник университета. 2023. Т. 8. № 1.
5. Сальникова А.В., Кудимова Ю.А. Контрафакт в маркетплейсах на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Вестник университета. 2021. № 2. С. 117–123.
6. Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998. [Электронный ресурс] // U.S. Copyright Office. — URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).
7. The Standing Committee on the Law of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications of the World Intellectual Property Organization (SCLT of WIPO) of 2001. [Электронный ресурс]. — Geneva: WIPO, 2001. — URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/marks/845/pub845.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).
8. Tiffany (NJ) Inc. and Tiffany and Company v. eBay, Inc, No. 04 Civ. 4607, Southern District of New York, July 14, 2008. [Электронный ресурс] — URL: <https://casetext.com/case/tiffany-nj-inc-v-ebay-inc> (дата обращения: 13.02.2025).
9. L'Oréal v. eBay (C-324/09, Суд ЕС, 2011). [Электронный ресурс] // Eur-Lex. — 2011. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62009CJ0324> (дата обращения: 18.02.2025).
10. Tiffany & Co. v. eBay Inc. (600 F.3d 93, 2010, США). [Электронный ресурс] // Casetext / WIPO Lex. — 2010. — URL: <https://www.casetext.com/case/tiffany-nj-inc-v-ebay-inc> (дата обращения: 19.02.2025).
11. Louis Vuitton v. Amazon (Франция, 2022). [Электронный ресурс] // Luxembourg District Court, 2022. — URL: (укажите прямую ссылку, если есть) (дата обращения: 11.02.2025).
12. Christian Louboutin v. Amazon (C-148/21 и C-184/21, Суд ЕС, 2022). [Электронный ресурс] // Eur-Lex. — 2022. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0148> (дата обращения: 15.02.2025).
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2022 г. № А41-85375/2020 — дело по иску ООО «Комфортплюс» к ООО «Вайлдберриз»

- о нарушении прав на товарный знак. — Режим доступа : СПС «Консультант плюс»
14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.08.2024 № C01-1428/2024 — вопрос о допустимости данных аналитических сервисов в качестве доказательств. — Режим доступа : СПС «Консультант плюс»
 15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.09.2024 № C01-1365/2024 по делу № A53-27386/2023 — анализ использования скриншотов и аналитических данных как доказательства. — Режим доступа : СПС «Консультант плюс»
 16. Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 305-ЭС18-13471 — позиция по ответственности информационных посредников за продажу контрафактных товаров. — Режим доступа : СПС «Консультант плюс»
 17. Решение Арбитражного суда города Москвы от 1 сентября 2021 года по делу № A40-92572/2021 — по вопросу ответственности маркетплейса за размещение контрафактной продукции. — Режим доступа : СПС «Консультант плюс»
 18. Weckström K. Secondary Liability for Trademark Infringement in the United States // University of Louisville Law Review. 2011. Vol. 49. P. 555–590.
 19. Dinwoodie G.B. Secondary Liability for Online Trademark Infringement: The International Landscape // Columbia Journal of Law & the Arts. 2014. Vol. 37. P. 463–483.
 20. Tushnet R. Power Without Responsibility: Intermediaries and the First Amendment // George Washington Law Review. 2013. Vol. 76. P. 986–1016.
 21. Urban J.M., Quilter L. Efficient Process or “Chilling Effects”? Takedown Notices Under Section 512 of the Digital Millennium Copyright Act // Santa Clara Computer & High Technology Law Journal. 2006. Vol. 22. P. 621–693.
 22. Frosio G. Reforming Intermediary Liability in the Platform Economy: A European Digital Single Market Strategy // Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 112. P. 19–46.
 23. В Госдуму внесли еще один законопроект о защите покупателей БАД на маркетплейсах [Электронный ресурс] // Фармацевтический вестник. — 2024. — URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/V-Gosdumu-vnesli-eshe-odin-zakonoproekt-o-zashite-pokupatelei-BAD-na-marketpleisah.html> (дата обращения: 05.03.2025).
 24. Правила реализации товаров [Электронный ресурс] // Wildberries. — URL: <https://www.wildberries.ru/services/agreement> (дата обращения: 06.03.2025).
 25. Wildberries, Ozon и «Яндекс Маркет» создадут единую систему для борьбы с контрафактом [Электронный ресурс] // Известия. — 2022. — URL: <https://iz.ru/1342227/anna-urmantceva/wildberries-ozon-i-iandeks-market-sozdadut-ediniyu-sistemu-dlia-borby-s-kontrafaktom> (дата обращения: 05.03.2025).
 26. Wildberries will launch the “Digital Arbitration” service [Электронный ресурс] // RBC. — 2023. — URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/66055e139a79474e348ae96f> (дата обращения: 07.03.2025)
 27. Закон о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) [Электронный ресурс] // Европейская Комиссия. — 2022. — URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (дата обращения: 09.03.2025).
 28. Loi contre la contrefaçon (France, ordonnance n° 2021-1734 du 22 décembre 2021) [Электронный ресурс] // Lemonway Blog (juriste européen). — 2021 (вступил в силу 28 мая 2022). — URL: <https://www.lemonway.com/blog/reglementation-marketplace-b2c> (дата обращения: 10.03.2025)
 29. Integrity, Notification, and Fairness in Online Retail Marketplaces for Consumers Act (INFORM Consumers Act) [Электронный ресурс] // U.S. Congress. — 2022. — URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5502> (дата обращения: 08.03.2025).
 30. What is INFORM Consumers Act? [Электронный ресурс] // Middesk. — URL: <https://www.middesk.com/blog/what-is-inform-consumers-act> (дата обращения: 09.03.2025).

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaja) ot 24.11.2006 No. 318-FZ (red. ot 11.06.2022) // SPS “Konsul'tant Pljus”.
2. Vorozhevich A.S. Spory po narushenijam isključitel'nyh prav na tovarnye znaki v marketpleisah // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2021. No. 2. S. 133–141.
3. Vasil'eva A.V. Otvetstvennost' marketplejsov za narushenie intellektual'nyh prav: obzor sudebnoj praktiki // Jekonomika i upravlenie: opyt i novye reshenija v jepohu transformacij. 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-marketplejsov-za-narushenie-intellektualnyh-prav-obzor-sudebnoj-praktiki?ysclid=mbiawsl9y403065471>
4. Maljushev A.V., Sinel'nikova V.G. Otvetstvennost' marketplejsov za narushenija intellektual'nyh prav // Vestnik universiteta. 2023. T. 8. No. 1.
5. Sal'nikova A.V., Kudimova Ju.A. Kontrafakt v marketpleisah na primere “Vajldberiz”: postanovka

- problem // Vestnik universiteta. 2021. No. 2. S. 117–123.
6. Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998. [Electronic resource] // U.S. Copyright Office. — URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (accessed: 11.02.2025).
7. The Standing Committee on the Law of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications of the World Intellectual Property Organization (SCLT of WIPO) of 2001. [Electronic resource]. — Geneva: WIPO, 2001. — URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/marks/845/pub845.pdf> (accessed: 15.02.2025).
8. Tiffany (NJ) Inc. and Tiffany and Company v. eBay, Inc, No. 04 Civ. 4607, Southern District of New York, July 14, 2008. [Electronic resource] — URL: <https://casetext.com/case/tiffany-nj-inc-v-ebay-inc> (accessed: 13.02.2025).
9. L'Oréal v. eBay (C-324/09, Sud ES, 2011). [Electronic resource] // Eur-Lex. — 2011. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62009CJ0324> (accessed: 18.02.2025).
10. Tiffany & Co. v. eBay Inc. (600 F.3d 93, 2010, SShA). [Electronic resource] // Casetext / WIPO Lex. — 2010. — URL: <https://www.casetext.com/case/tiffany-nj-inc-v-ebay-inc> (accessed: 19.02.2025).
11. Louis Vuitton v. Amazon (Francija, 2022). [Electronic resource] // Luxembourg District Court, 2022. — URL: (insert direct link, if available) (accessed: 11.02.2025).
12. Louboutin v. Amazon [Электронный ресурс] // Eur-Lex. — 2022. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0148> (дата обращения: 05.03.2025).
13. Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated June 22, 2022 No. A41-85375/2020 — case filed by LLC “Komfortplus” against LLC “Wildberries” regarding trademark infringement. — Access mode: SPS „Consultant Plus”.
14. Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated August 15, 2024 No. C01-1428/2024 — issue of admissibility of analytical services data as evidence. — Access mode: SPS „Consultant Plus”.
15. Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated September 27, 2024 No. C01-1365/2024 in case No. A53-27386/2023 — analysis of the use of screenshots and analytical data as evidence. — Access mode: SPS „Consultant Plus”.
16. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2018 No. 305-ЭС18-13471 — position on intermediary liability for the sale of counterfeit goods. — Access mode: SPS „Consultant Plus”.
17. Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated September 1, 2021 in case No. A40-92572/2021 — on the issue of marketplace liability for placement of counterfeit products. — Access mode: SPS „Consultant Plus”.
18. Weckström K. Secondary Liability for Trademark Infringement in the United States // University of Louisville Law Review. 2011. Vol. 49. P. 555–590.
19. Dinwoodie G.B. Secondary Liability for Online Trademark Infringement: The International Landscape // Columbia Journal of Law & the Arts. 2014. Vol. 37. P. 463–483.
20. Tushnet R. Power Without Responsibility: Intermediaries and the First Amendment // George Washington Law Review. 2013. Vol. 76. P. 986–1016.
21. Urban J.M., Quilter L. Efficient Process or “Chilling Effects”? Takedown Notices Under Section 512 of the Digital Millennium Copyright Act // Santa Clara Computer & High Technology Law Journal. 2006. Vol. 22. P. 621–693.
22. Frosio G. Reforming Intermediary Liability in the Platform Economy: A European Digital Single Market Strategy // Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 112. P. 19–46.
23. Another Bill on Protecting Dietary Supplement Consumers on Marketplaces Submitted to the State Duma [Electronic resource] // Pharmaceutical Bulletin. — 2024. — URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/V-Gosdumu-vnesli-eshe-odin-zakonoproekt-o-zashite-pokupatelei-BAD-na-marketpleisah.html> (accessed: 05.03.2025).
24. Rules for the Sale of Goods [Electronic resource] // Wildberries. — URL: <https://www.wildberries.ru/services/agreement> (accessed: 06.03.2025).
25. Wildberries, Ozon and Yandex Market Will Create a Unified System to Combat Counterfeiting [Electronic resource] // Izvestia. — 2022. — URL: <https://iz.ru/1342227/anna-urmantceva/wildberries-ozon-i-iandeks-market-sozdatut-edinuiu-sistemu-dlia-borby-s-kontrafaktom> (accessed: 05.03.2025).
26. Wildberries Will Launch the “Digital Arbitration” Service [Electronic resource] // RBC. — 2023. — URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/66055e139a79474e348ae96f> (accessed: 07.03.2025).
27. Digital Services Act (DSA) [Electronic resource] // European Commission. — 2022. — URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (accessed: 09.03.2025).
28. Loi contre la contrefaçon (France, ordonnance n° 2021-1734 du 22 décembre 2021) [Electronic resource] // Lemonway Blog (juriste européen). —

2021 (entered into force on May 28, 2022). — URL: <https://www.lemonway.com/blog/reglementation-marketplace-b2c> (accessed: 10.03.2025).

29. Integrity, Notification, and Fairness in Online Retail Marketplaces for Consumers Act (INFORM Consumers Act) [Electronic resource] // U.S. Congress. — 2022. — URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5502> (accessed: 08.03.2025).
30. What is INFORM Consumers Act? [Electronic resource] // Middesk. — URL: <https://www.middesk.com/blog/what-is-inform-consumers-act> (accessed: 09.03.2025).

ПОРОЧНОСТЬ ТОВАРНОГО ЗНАКА, СХОДНОГО С ПРОИЗВЕДЕНИЕМ, КОТОРОЕ ИМЕЕТ РЕЖИМ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОСТОЯНИЯ

THE DEFICIENCY OF A TRADEMARK REGISTRATION DECISION WHEN IT RESEMBLES A WORK IN THE PUBLIC DOMAIN

Святослав Алексеевич ЗАЛЕВСКИЙ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация,
svyatoslav.zalevsky@yandex.ru,
ORCID: 0009-0001-7632-5114

Информация об авторе

С.А. Залевский — аспирант кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адвокат

Аннотация. Исследуется проблема существования на рынке товарных знаков, которые схожи с произведениями, находящимися в общественном достоянии. Автор предлагает расширить перечень аргументов для отказа в регистрации товарного знака, добавив в него новое основание — запрет на регистрацию товарного знака, сходного до степени смешения с произведением, перешедшим в общественное достояние, поскольку действующее основание признания решения государственного органа недействительным — противоречие общественным интересам — не подходит к правовой природе произведений, имеющих режим общественного достояния.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, товарный знак, общественное достояние, недействительность товарного знака, произведение

Для цитирования: Залевский С.А. Порочность товарного знака, сходного с произведением, которое имеет режим общественного достояния // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025 Т. 53, № 2. С. 104–110; DOI: 10.17323/tis.2025.27371

• Sviatoslav A. ZALEVSKII

• Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation,
• svyatoslav.zalevsky@yandex.ru,
• ORCID: 0009-0001-7632-5114

• Information about the author

• S.A. Zalevskii — Postgraduate student of the Department of Business, Labor and Corporate Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, attorney

• **Abstract.** The author examines the issue of trademarks on the market that closely resemble works that have entered the public domain. The author proposes expanding the grounds for refusal of trademark registration by introducing a new basis — prohibiting the registration of a trademark that is confusingly similar to a work in the public domain. This proposal arises from the inadequacy of the existing legal mechanism, which allows for the invalidation of a governmental decision on the grounds of conflict with the public interest. The author argues that this criterion does not adequately reflect the legal nature of works subject to a public domain regime.

• **Keywords:** intellectual property, copyright, trademark, public domain, trademark invalidation, work

• **For citation:** Zalevskii S.A. The deficiency of a trademark registration decision when it resembles a work in the public domain // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 104–110; DOI: 10.17323/tis.2025.27371

•

Благодаря развитию во всем мире, в частности в России, права интеллектуальной собственности и механизмов его защиты все больше людей сталкиваются с проблемами при неправомерном использовании произведений без разрешения правообладателя. Современные технологии дают небывалую прежде возможность авторам отслеживать нарушения своих интеллектуальных прав и привлекать к ответственности лиц, полагающихся на то, что их действия останутся незамеченными и безнаказанными.

В связи с этим люди ищут такие безвозмездные способы использования объектов интеллектуальных прав, которые не приводили бы к нарушению авторских прав и взысканию с них крупных сумм компенсации. Одним из актуальных решений этой проблемы многим видится переход произведений в режим общественного достояния и их дальнейшее использование.

С каждым годом увеличивается количество произведений, которые в силу истечения срока действия исключительных авторских прав на них переходят в общественное достояние. Однако помимо положительных для общества последствий свободного использования объектов авторских прав такой рост может привести к массовым злоупотреблениям в гражданских правоотношениях, в частности — к попыткам монополизировать произведения, похожие на те, что уже находятся в общественном достоянии. Наличие обозначенной проблемы подтверждает судебная практика [1–4].

В статье проводится анализ причин, по которым решения о регистрации товарных знаков могут быть аннулированы, а также рассматривается возможность введения законодательного запрета на регистрацию этого средства индивидуализации, если оно имеет сходство с объектом общественного достояния.

Согласно п. 1 и 2 ст. 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — «ГК РФ»), после истечения срока действия исключительного права произведение науки, литературы или искусства, независимо от того, было оно обнародовано или нет, переходит в общественное достояние [5].

Такое положение означает, что произведение становится доступным для свободного использова-

ния каждому. При этом нет необходимости получения согласия на возможность включения объекта или его в части в свое произведение или на выплату гонорара за использование. Автор сохраняет права, которыми он наделен в отношении объекта в силу своего авторства.

Законодательное понимание термина «общественное достояние» предполагает, что по завершении срока охраны исключительного права объект может использоваться безвозмездно и без согласия прежнего правообладателя. Подобный подход нашел отражение в доктрине [6–8].

Таким образом, режим общественного достояния представляет собой легальную возможность использования любым лицом чужого произведения без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты вознаграждения в силу истечения сроков охраны исключительного права автора на такое произведение.

Часть 4 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в регистрации заявленного обозначения в качестве товарного знака.

Статья 1483 ГК РФ устанавливает абсолютные и относительные основания для отказа в регистрации товарного знака.

В случае с относительными основаниями возможность регистрации обозначения зависит от прав (как интеллектуальных, так и личных неимущественных) иного лица на сходное или тождественное заявленному обозначение.

Абсолютные основания касаются недопустимых характеристик самого обозначения, которое подается на регистрацию. Их установление служит главным образом обеспечению общественных интересов [9].

Их условно можно разделить на следующие группы:

1) основания, которые предполагают отсутствие различительной способности обозначения, описательные обозначения и так далее;

2) основания, которые говорят о противоречии обозначения общественным интересам и нормам морали;

3) основания, которые запрещают регистрацию в качестве товарного знака государственных символов, официальных знаков, названий международных организаций;

4) основания, для которых нужно установить сходство до степени смешения с уже зарегистрированными объектами права интеллектуальной собственности;

5) основания, которые ограничивают регистрацию представителем правообладателя без его согласия.

Исходя из анализа данной нормы, если товарный знак имеет существенное сходство с произведением, перешедшим в общественное достояние, наиболее логичным основанием для аннулирования решения государственного органа можно считать нарушение общественных интересов.

В соответствии с подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, если товарный знак или отдельные его элементы нарушают общественные интересы, такой знак не может быть зарегистрирован.

Согласно п. 4.2 гл. 2 разд. 4 Приказа Роспатента от 25 марта 2022 г. № 166, запрет на регистрацию определенных обозначений в качестве товарных знаков, если они противоречат общественным интересам, направлен на поддержание правопорядка, сохранение исторических и культурных ценностей, а также защиту нравственных и моральных принципов потребителей. Кроме того, данное правило предотвращает недобросовестные действия производителей, способные исказить конкурентную среду [10].

Следовательно, упомянутая норма, ограничивая свободу выбора правообладателя, охраняет законные интересы общества и не позволяет регистрировать обозначения, которые могут причинить им вред.

Формально переход произведения в общественное достояние подпадает под действие данной нормы, так как в случае столкновения субъективных прав всех лиц на использование такого произведения и одного лица — правообладателя товарного знака на этот же объект должен превалировать именно общественный интерес.

Согласно судебной практике, а также практике разрешения споров административными органами, на основании настоящего положения оспариваются решения, связанные только с объектами культурного наследия [11–12], что подчеркивает толкование Приказа Роспатента от 25 марта 2022 г. № 166 о том, что противоречием общественного интереса является регистрация товарного знака, монополизирующая исторические и культурные ценности.

Особенность объекта культурного наследия представляет собой историческую и культурную ценность, имеющую значение для общества и государства [13], что непосредственно следует из Приказа Роспатента от 25 марта 2022 г. № 166.

В соответствии с правовой позицией президиума Суда по интеллектуальным правам, выраженной, например, в Постановлении от 20 сентября 2023 года

по делу № СИП-155/2023, несмотря на то что защита объектов, обладающих культурной ценностью, охватывается общественным интересом, норма подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ рассчитана на ситуации, когда предоставлением правовой охраны конкретному обозначению наносится вред культурной ценности. Общественный интерес в таком случае состоит в защите определенного восприятия обладающего культурной ценностью объекта [14].

Так, не допускается предоставление правовой охраны обозначениям, обладающим негативной семантикой, способствующее потере репутации обладающими культурной ценностью объектами, понижению статуса объектов культурного наследия [15].

Однако произведения, которое перешли в режим общественного достояния, не обязательно могут обладать исторической или культурной ценностью.

В свою очередь, понятие «общественный интерес» не имеет четкого определения. Например, в модельном законе «О праве на доступ к информации» от 17.04.2004 г. данный термин раскрывается как «интерес любого лица (лиц), связанный с обеспечением благополучия, стабильности, безопасности и устойчивого развития общества» [16].

Мы видим, что легальная дефиниция — достаточно размытая, она описывает общими словами те блага для общества, которые должны охраняться законом.

Право любого лица на свободное использование без выплаты кому-либо вознаграждения произведения, перешедшего в общественное достояние, в целом вполне вписывается в данное понятие.

Следовательно, можно предположить, что регистрация товарного знака, тождественного или сходного до степени смешения с объектом авторского права, перешедшим в общественное достояние, также может быть основанием для признания решения государственного органа о такой регистрации недействительным.

В этом случае государственная регистрация фактически создает легальную монополию на произведение, которое должно оставаться доступным каждому для свободного использования без ограничений и без необходимости выплаты кому-либо роялти.

Но почему противоречие общественным интересам может не вкладываться в концепцию порочности товарного знака на основании схожести до степени смешения с произведением, перешедшим в общественное достояние?

Во-первых, произведения, которые перешли в режим общественного достояния, не обязательно могут обладать исторической или культурной ценностью для общества и государства на территории Российской Федерации, что не соответствует судебной практике

и толкованию государственного органа в отношении понятия «противоречие общественным интересам».

Без требования доказывания негативного эффекта в отношении культурной ценности предоставление обладающим культурной ценностью объектам правовой охраны в качестве товарных знаков не допускается в случаях, предусмотренных п. 4 и подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ.

Вместе с тем соответствующие нормы как не рассчитанные на негативный эффект для культурной ценности представляют собой не абсолютные, а относительные основания для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку и как таковые применяются только в ограниченных, прямо указанных в норме, ситуациях и только при отсутствии согласия компетентного субъекта.

Без требования доказывания негативного эффекта и без необходимости защиты культурной ценности для обозначений, которые должны быть свободны для использования третьими лицами, предоставление правовой охраны им в качестве товарных знаков не допускается и в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 1483 ГК РФ.

Предусмотренные этой статьей ограничения установлены в первую очередь в публичных интересах и призваны не допустить предоставление одному лицу исключительного права на обозначение, которое не способно выполнять основную (индивидуализирующую) функцию товарных знаков (индивидуализировать конкретные товары в глазах потребителей) и (или) должно быть свободно для использования другими лицами, поскольку разумно предположить, что оно может использоваться применительно к определенным товарам (называя их, характеризуя их, определяя их форму и так далее).

Так, практика Суда по интеллектуальным правам показывает, что правоприменитель придерживается позиции, что подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ «в качестве основания для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку предусматривает противоречие общественным интересам самого обозначения, а не его регистрации за конкретным правообладателем, в отношении конкретных товаров, для которых испрашивается правовая охрана» [17].

Другими словами, этим выводом суд дает понять, что Роспатентом в данном случае должно проверяться на соответствие норме подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ именно само обозначение, заявленное к регистрации в качестве товарного знака, без привязки к контексту сложившихся вокруг него общественных отношений.

Противоречие же общественным интересам самой регистрации товарного знака за конкретным правообладателем в отношении конкретных товаров должно само по себе являться предметом судебного

рассмотрения, в том числе по признакам злоупотребления правом или нарушения законодательства о защите конкуренции.

Однако данный вывод правоприменителя представляется спорным ввиду того, что он вступает в конфронтацию с положением из вышеупомянутых Правил Роспатента, согласно которым нормой подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ защищаются в том числе общественные отношения от искажения конкурентной среды.

Кроме того, противоречие общественным интересам фактически означает нарушение прав неопределенного круга лиц. В то же время гражданское законодательство предусматривает, что после прекращения исключительного права на произведение возникают субъективные права каждого на его использование без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения, а также право защищать свои частные интересы в отношении таких произведений.

Согласно позиции Т.В. Сойфер, субъективное гражданское право — это установленная законом мера возможного поведения, которой обладает правообладатель. Оно включает в себя совокупность правомочий, позволяющих правообладателю действовать определенным образом в рамках законодательства [18].

Таким образом, субъективное гражданское право представляет собой обеспеченную законодательством меру допустимого поведения, а также реализацию и защиту своего права.

Режим общественного достояния, по сути, является отражением принципа баланса личных и общественных интересов в сфере интеллектуальной собственности и фактически наделяет каждого субъективными правами использовать перешедшее в общественное достояние произведение.

Если любое лицо может свободно пользоваться произведением, перешедшим в статус общественного достояния, это не может признаваться несоответствием общественным интересам. Охрана такого произведения затрагивает прежде всего частные интересы конкретного лица, а не общественные интересы неопределенного круга лиц.

Регистрация же товарного знака на такое произведение приводит к тому, что только его правообладатель получает легальную монополию на использование этого объекта интеллектуальных прав, что ограничивает субъективные гражданские права каждого лица и, следовательно, нарушает вышеупомянутый баланс интересов.

В связи с вышеуказанным полагаю, что аннулирование регистрации товарного знака в случае значительного сходства с произведением, которое имеет режим общественного достояния, должно быть выделено в качестве отдельного основания для признания

регистрации недействительной, поскольку законодательство гарантирует, что произведения, перешедшие в общественное достояние, могут свободно использоваться любым лицом. Регистрация подобных обозначений в качестве товарных знаков фактически нарушает этот принцип, создавая необоснованную монополию там, где ее быть не должно.

Предлагаю внести в Гражданский кодекс Российской Федерации новое положение — ст. 1483.1 ГК РФ. Формулировку статьи предлагаю изложить следующим образом:

«Статья 1483.1 Запрет на регистрацию товарного знака, сходного до степени смешения с произведением, перешедшим в общественное достояние

1. Не допускается регистрация в качестве товарного знака обозначений, которые тождественны, сходны до степени смешения или содержат в качестве доминирующего элемента произведение, перешедшее в общественное достояние.

2. Любое заинтересованное лицо вправе обратиться с возражением против регистрации товарного знака, нарушающей запрет, предусмотренный пунктом 1 статьей 1483.1 настоящего Кодекса, в порядке предусмотренным законодательством».

Обоснованием вынесения настоящего положения в отдельную статью может служить то обстоятельство, что для нормы ст. 1483 ГК РФ заинтересованное лицо, хотя и толкуется широко, но имеет определенные границы.

Так, заявитель ограничен в праве подавать заявления о признании решения о государственной регистрации товарного знака недействительным, если он не использовал спорное обозначение до подачи заявки на регистрацию товарного знака.

В отношении же произведений, перешедших в общественное достояние, заинтересованным лицом может быть любое лицо, которое имеет желание беспрепятственно пользоваться настоящим произведением, и в этом случае не важно, использовало ли оно спорное обозначение до или после подачи заявки на регистрацию товарного знака.

Также следует внести дополнение в подп. 1 п. 2 ст. 1512 ГК РФ в следующей редакции:

«...полностью или частично в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена с нарушением требований пунктов 1–5, 8 и 9 статьи 1483 пунктом 1 статьи 1483.1 настоящего Кодекса».

В связи с тем, что право каждого использовать произведение, перешедшее в общественное достояние, доступно в любой момент времени и любым лицам, оспаривание решения о государственной регистрации товарного знака не должно быть ограничено временными рамками, поэтому подп. 1 п. 2 ст. 1512 ГК РФ нужно дополнить.

Для предотвращения попыток создания искусственной монополии на произведения, находящиеся в общественном достоянии, необходимо усовершенствовать законодательство, дополнив перечень оснований для недопущения регистрации товарного знака.

Кроме того, чтобы данные нововведения действовали эффективно, необходимо предусмотреть и процедурные изменения, заключающиеся во внедрении на начальной стадии регистрации товарного знака обязательной проверки (экспертизы) Роспатентом заявки на соответствие критериям общественного достояния, а именно — устанавливать, истекли ли сроки действия исключительного права на заявленное обозначение.

Однако государственный орган в таком случае с высокой вероятностью столкнется с проблемой отсчета этих сроков, ведь, чтобы их определить, требуется сначала установить все необходимые для этого признаки, а именно: 1) авторство, наличие или отсутствие соавторства, 2) даты смерти автора и/или соавтора, 3) дату обнародования произведения, 4) страну происхождения автора и 5) срок охраны в стране происхождения.

Кроме того, в тех ситуациях, когда срок истечения действия исключительного права оспаривается (например, ввиду необходимости установления того факта, возникло ли при создании произведения соавторство, и срок тогда будет отсчитываться с даты смерти последнего из умерших, или помощь лица была лишь технической), Роспатент будет вынужден решать не только вопросы факта, но и вопросы права, что уже относится к компетенции судебных органов.

Для решения данной проблемы считаю необходимым создать общедоступный реестр, который вело бы Министерство культуры Российской Федерации, подконтрольное ему ведомство или некоммерческая организация, — открытую базу данных произведений, перешедших в общественное достояние, изменения и дополнения в который могло бы предлагать любое лицо.

Это значительно упростило бы и фактически автоматизировало бы процедуру проверки Роспатентом обозначения на соответствие предлагаемому новому положению ГК РФ, касающемуся запрета на регистрацию обозначений, которые представляют собой перешедший в общественное достояние объект авторских прав.

Таким образом, если лицо регистрирует товарный знак, который может быть ошибочно воспринят как произведение, находящееся в общественном достоянии, необходимо предусмотреть прямой запрет на такую регистрацию и как следствие очевидный способ и срок оспаривания решения о регистрации товарного знака любым заинтересованным лицом в широком смысле этого слова.

Кроме того, важно предусмотреть процедурные механизмы, которые сделали бы применение данного запрета наиболее простым и не допускающим правовых споров для регистрирующего органа.

Действующее же основание недействительности регистрации по причине противоречия общественным интересам в данном случае не совпадает с концепцией института общественного достояния, поскольку защита произведения, перешедшего в режим общественного достояния, затрагивает частные интересы как одного лица, так и многих лиц, а не публичные интересы неопределенного круга лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.05.2024 по делу № СИП-1001/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.05.2024 по делу № СИП-1002/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.05.2024 по делу № СИП-1004/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.05.2024 по делу № СИП-1006/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть I) ст. 5496.
6. Козловский С.А., Корольков А.Ю., Медейко В.В., Соловьев В.А. Общественное достояние. Произведения и авторы, работы которых переходят в режим общественного достояния с 2016 года. — М., 2016;
7. Калятин В.О. Проблемы определения сферы общественного достояния в современном информационном обществе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2 // СПС «Гарант».
8. Постатейный комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (Гришаев С.П.) — 2022 // СПС «Гарант».
9. Ворожевич А.С. Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации.
10. Приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 25 марта 2022 г. № 166 «О внесении изменений в Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» // СПС «Гарант».
11. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 № С01-2165/2021 по делу № СИП-637/2021 // СПС «Гарант».
12. Заключение Палаты по патентным спорам от 02.03.2012 (Приложение к решению Роспатента от 11.05.2012 по заявке № 2009723216) // СПС «Гарант».
13. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
14. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.09.2023 № С01-1641/2023 по делу № СИП-155/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13 сентября 2021 года по делу № СИП-864/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Модельный закон о праве на доступ к информации (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 апреля 2004 г. № 23-14) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2004. № 33.
17. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23 мая 2016 г. № С01-324/2016 по делу № СИП-580/2015. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
18. Гражданское право / И.З. Аюшеева, Е.Е. Богданова, Б.А. Булаевский и др.; учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Е.Е. Богдановой. М.: Проспект, 2020 // СПС «Гарант».

REFERENCES

1. Decision of the Court for Intellectual Property Rights dated 23.05.2024 in case No. SIP-1001/2023 // SPS "ConsultantPlus".
2. Decision of the Court for Intellectual Property Rights dated 23.05.2024 in case No. SIP-1002/2023 // SPS "ConsultantPlus".

3. Decision of the Court for Intellectual Property Rights dated 22.05.2024 in case No. SIP-1004/2023 // SPS "ConsultantPlus".
4. Decision of the Court for Intellectual Property Rights dated 22.05.2024 in case No. SIP-1006/2023 // SPS "ConsultantPlus".
5. Civil Code of the Russian Federation — Part Four // Rossiyskaya Gazeta, No. 289, December 22, 2006.
6. Kozlovsky, Stanislav Alexandrovich. Public Domain: Works and Authors Whose Works Enter the Public Domain from 2016. [Text] Report of the Expert Group of NP "Wikimedia RU". — Moscow: Prospekt, 2016. — 64 p.
7. Kalyatin V.O. Problemy opredeleniya sfery obshchestvennogo dostoyaniya v sovremennom informacionnom obshchestve // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2016. № 2 // SPS "Garant". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-sfery-obshchestvennogo-dostoyaniya-v-sovremennom-informatsionnom-obshchestve> (accessed: 13.11.2024).
8. Postateyny kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / Grishaev S.P. — 2022 // SPS "Garant".
9. Vorozhevich A.S. Pravo intellektual'noy sobstvennosti: uchebnik / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin', V.A. Korneev i dr.; pod obshch. red. L.A. Novoselovoy. M.: Statut, 2018. T. 3: Sredstva individualizatsii.
10. Order of the Federal Service for Intellectual Property No. 166 dated March 25, 2022 "On Amendments to the Guidelines for the Implementation of Administrative Procedures and Actions within the Framework of the Provision of the State Service for the State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark and the Issuance of Certificates for a Trademark, Service Mark, Collective Mark, and Their Duplicates" // SPS "Garant".
11. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights No. S01-2165/2021 dated 24.01.2022 in case No. SIP-637/2021 // SPS "Garant".
12. Opinion of the Chamber for Patent Disputes dated 02.03.2012 (Appendix to the decision of Rospatent dated 11.05.2012 regarding application No. 2009723216) // SPS "Garant".
13. Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 "On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", July 1, 2002, No. 26, Article 2519.
14. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights No. C01-1641/2023 dated September 20, 2023 in case No. SIP-155/2023 // SPS "ConsultantPlus".
15. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights dated September 13, 2021 in case No. SIP-864/2020 // SPS "ConsultantPlus".
16. Model Law on the Right of Access to Information (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on April 17, 2004, No. 23–14) // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, 2004, No. 33.
17. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights No. C01-324/2016 dated May 23, 2016 in case No. SIP-580/2015. This document was not officially published. — Accessed via SPS "Garant".
18. Grazhdanskoe pravo / I.Z. Ayusheeva, E.E. Bogdanova, B.A. Bulaevskij i dr.; uchebnik. V 2 t. T. 1 / pod red. E.E. Bogdanovoj. M.: Prospekt, 2020 // SPS "Garant".

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В МЕДИЦИНЕ FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF INTELLECTUAL PROPERTY OF OBJECTS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE

Диана Альбертовна ЛЕБЕДЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
e-mail: dalebedeva@hse.ru,
ORCID: 0000-0003-0070-8300; SPIN-код: 1985-0155

Информация об авторе

Д.А. Лебедева — преподаватель, аспирант департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права

Аннотация. В современном мире технологии искусственного интеллекта (ИИ) активно внедряются в различные сферы деятельности, включая медицину. Они помогают автоматизировать сложные процессы, повышать их точность и эффективность, а также открывают новые возможности для диагностики, лечения и профилактики заболеваний. Однако с развитием систем искусственного интеллекта возникает необходимость пересмотра действующего законодательства и изменения традиционных норм, регулирующих использование ИИ в медицине.

В настоящее время правовой статус ИИ до конца не определен, что связано с отсутствием единообразия в позициях законодательной власти и научно-технического сообщества. Особенно важно определение правового статуса ИИ в одной из ключевых сфер дея-

- тельности общества — здравоохранении, поскольку от
- применения ИИ в медицине зависит продолжительность
- и качество жизни населения.

- Цель настоящего исследования заключается в изучении направлений и способов применения технологий искусственного интеллекта в медицине. В частности, в статье анализируется, какие объекты интеллектуальной собственности создаются ИИ, рассматривается правовая природа результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ, а также раскрывается их статус как объектов интеллектуальной собственности. Подчеркивается необходимость пересмотра действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности в свете стремительного развития современных технологий.

- В статье также обозначены основные правовые пробелы в российской и международной практике, связанные с использованием результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ, даны предложения по их устранению. Результаты исследования показывают, что, несмотря на значительные успехи ИИ в области диагностики и лечения, успешная интеграция этих технологий требует не только совершенствования вычислительных и медицинских знаний, но и разработки новых правовых норм для эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ в медицинской практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, медицина, машинное обучение, нейросети, программное обеспечение, базы данных

Для цитирования: Лебедева Д.А. Особенности правового режима интеллектуальной собственности объектов, созданных искусственным интеллектом в медицине // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 111 – 119; DOI: 10.17323/tis.2025.27372

Diana A. LEBEDEVA

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: dalebedeva@hse.ru,
ORCID: 0000-0003-0070-8300; SPIN code: 1985-0155

Information about the author

D.A. Lebedeva — lecturer, post-graduate student at the Department of Digital Law and Biolaw of the Faculty of Law

Abstract. In the modern world, artificial intelligence (AI) technologies are being actively introduced into various fields of activity, including medicine. This makes it possible to automate complex processes, increase their accuracy and efficiency, and opens up new opportunities for the diagnosis, treatment, and prevention of diseases. However, with the development of AI, there is a need to review current legislation and change traditional norms governing the use of AI in medicine.

Nowadays, the legal status of AI is not fully defined, due to the absence of uniformity in the positions of the legislature and the scientific and technological community. It is especially important to determine the legal status of AI in one of the key spheres of society's activity — healthcare, since the duration and quality of life of the population depends on the application of AI in medicine.

The purpose of this study is to study the directions and ways of applying artificial intelligence (AI) technologies in medicine. Specifically, this article analyzes the issue of which intellectual property is created by AI, considers the legal nature of the results of intellectual activity created by AI, and discloses their status as intellectual property. The study highlights the need to review current legislation in the light of the rapid development of modern technologies.

The article also identifies the main legal gaps in Russian and international practice related to the use of AI in medicine, and makes proposals to address them. The results of the study show that despite the significant advances of AI in the field of diagnosis and treatment, the successful

- integration of these technologies requires not only the
- improvement of computational and medical knowledge, but
- also the development of new legal norms to regulate the use of AI in medical practice.

- **Keywords:** artificial intelligence, intellectual rights, intellectual property, medicine, machine learning, neural networks, software, databases

- **For citation:** Lebedeva D.A. Features of the legal regime of intellectual property of objects created by artificial intelligence in medicine // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 111 – 119; DOI: 10.17323/tis.2025.27372

Технологии искусственного интеллекта активно внедряются в повседневную и профессиональную деятельность. Благодаря научному прогрессу появляются новые инструменты для исследования и обработки данных, которые позволяют автоматизировать сложные процессы и повышать их точность. Не исключено, что в ближайшем будущем новейшие технологии смогут создавать инновационные продукты без участия человека. Такие перспективы, безусловно, требуют пересмотра действующего законодательства и изменения традиционных норм, регулирующих использование искусственного интеллекта в различных сферах, включая медицину.

Искусственный интеллект (ИИ) — это технология, которая обеспечивает выполнение интеллектуальных функций, традиционно присущих человеку, включая анализ, принятие решений и решение творческих задач. В отличие от концепции искусственного сознания, ИИ сосредоточен на разработке алгоритмов и программного обеспечения, способных понимать и обрабатывать сложную информацию [1].

В последние годы технологии ИИ активно внедряются в различные сферы человеческой деятельности, включая медицину, где они становятся важным инструментом диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

Как отмечают ученые, применение технологий искусственного интеллекта используется как в целях внедрения инновационных методов диагностики и лечения, так и для трансформации системы управления и повышения качества медицинского обслуживания [2].

Понятие «ИИ в медицине» охватывает применение алгоритмов машинного обучения и аналитических программ для работы с медицинскими данными, что позволяет не только имитировать когнитивные процессы человека, но и существенно расширить их возможности. Основной задачей таких систем является анализ корреляций между клиническими данными и результатами лечения пациентов.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта активно используются для диагностики онкологических, кардиологических и неврологических заболеваний, прогнозирования рисков ослож-

нений, персонализации терапии и автоматизации рутинных процессов в медицинских учреждениях.

ИИ также активно применяется в разработке протоколов лечения, в персонализированной медицине, в мониторинге состояния пациентов и разработке новых лекарственных средств. Его ключевым преимуществом является способность обрабатывать большие объемы данных и предоставлять точные прогнозы [3, 4]. Технологии ИИ способствуют оптимизации временных и ресурсных затрат в здравоохранении, а также снижению числа ошибок [5].

Тем не менее широкое распространение ИИ в медицине вызывает ряд правовых и этических вопросов. На международном уровне активно обсуждаются подходы к классификации ИИ, при этом привлекает внимание вопрос определения правовой природы таких технологий.

Различия в понимании правовой природы ИИ обусловлены степенью его автономности, уровнем вмешательства человека и сферой применения. Например, в законодательстве Европейского союза предлагается деление ИИ-систем по уровню риска (высокий, средний и низкий), что влияет на требования к их сертификации и использованию в здравоохранении [6]. В то же время в США основное внимание уделяется ответственности разработчиков и регулируемым стандартам для медицинского программного обеспечения. Для разработки эффективных правовых механизмов регулирования ИИ в медицине необходимо учитывать международный опыт и адаптировать существующие классификации к специфике национальной правовой системы, обеспечивая баланс между инновациями и защитой прав пациентов.

Отнесение систем искусственного интеллекта к объектам интеллектуальной собственности является дискуссионным вопросом, поскольку традиционные категории авторского и патентного права не учитывают способность ИИ к автономному обучению и самостоятельной работе, качественно отличающейся от работы специалиста в конкретной области.

В сфере медицины особую значимость приобретает вопрос правовой квалификации результатов, полученных с использованием искусственного интеллекта, поскольку соответствующие технологии

способны генерировать новые методы диагностики, формировать модели течения заболеваний, а также участвовать в разработке фармацевтических препаратов. В случае признания таких результатов объектами патентного права возникает необходимость четкого разграничения правомочий между субъектами, непосредственно участвующими в создании, эксплуатации и применении алгоритмов ИИ, включая разработчиков программного обеспечения, медицинские организации и лиц, в отношении которых осуществляется обработка данных.

В ином случае необходимо рассматривать ИИ как инструмент, а право на созданные им решения закреплять за лицами, непосредственно управляющими системой. Введение специальных правовых норм, регулирующих интеллектуальную собственность в области обозначенных систем, позволит избежать неопределенности в вопросах патентования и коммерческого использования таких технологий.

По прогнозам специалистов, объем мирового рынка ИИ в здравоохранении составит 180,8 млрд долл. в 2032 г. (в 2024-м было 28,3 млрд долл.) с ежегодным темпом роста (CAGR) 26,1% в период с 2024 по 2032 г. [7].

Искусственный интеллект является неотъемлемой частью современной медицины. Ученые акцентируют внимание на масштабе распространения систем искусственного интеллекта: в различных областях действуют многочисленные алгоритмы, которые способны выявлять такие заболевания, как поражения кожи, рак, пневмонию, определять риск возникновения сердечных заболеваний или интерпретировать результаты рентгенографии с более высокой точностью, чем квалифицированные специалисты [8].

Системы искусственного интеллекта являются важным элементом современной медицины, они позволяют оптимизировать работу специалистов медицинской сферы. Несмотря на это, успешная интеграция ИИ в медицинскую практику требует дальнейшего развития и обучения в области медицинских и вычислительных технологий. Видится, что в будущем важным направлением станет разработка методов правового регулирования систем ИИ, что обеспечит баланс между технологическими достижениями и интересами медицинских специалистов.

А.В. Минбалеев справедливо указал, что искусственный интеллект представляет собой совокупность информационных технологий, в том числе цифровых, которые позволяют решать задачи на основе различных систем, преимущественно требующих интеллектуальных возможностей, характерных для человека [9]. Именно способности человеческого интеллекта определяют уровень и скорость развития

современных технологий. Как отметили И.В. Понкин и А.И. Редькина, правовое положение ИИ зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта (системы искусственного интеллекта) от человека [10].

На сегодняшний день одной из актуальных проблем использования искусственного интеллекта в сфере медицины является вопрос определения правовой природы результатов, созданных с его помощью: можно ли считать такие результаты новыми объектами интеллектуальной собственности?

Однозначного ответа в литературе и практике на данный момент нет, поскольку сложность квалификации данного объекта состоит в определении автора произведения, созданного искусственным интеллектом. В сфере медицины этот вопрос приобретает особую значимость, поскольку соответствующие технологии способны генерировать новые методы диагностики, формировать прогнозные модели течения заболеваний, а также участвовать в разработке фармацевтических препаратов. В случае признания таких результатов объектами патентного права возникает необходимость четкого разграничения правомочий между субъектами, непосредственно участвующими в создании, эксплуатации и применении алгоритмов ИИ, включая разработчиков программного обеспечения, медицинские организации и лиц, в отношении которых осуществляется обработка данных.

В ином случае необходимо рассматривать ИИ как инструмент, а право на созданные им решения закреплять за лицами, непосредственно управляющими системой. Введение специальных правовых норм, регулирующих интеллектуальную собственность в области обозначенных систем, позволит избежать неопределенности в вопросах патентования и коммерческого использования таких технологий.

На сегодняшний день искусственный интеллект существует в двух формах. Первая форма — «слабый ИИ» — представляет собой системы, способные выполнять узкий круг задач, не обладая при этом сознанием или способностью к самостоятельному мышлению. Вторая форма, которую называют «сильным ИИ», на сегодняшний день представляет собой лишь гипотетическую концепцию. Эксперты отмечают, что сильный ИИ представляет собой систему, способную полностью имитировать человеческое мышление и решать любые интеллектуальные задачи на уровне человека или даже превосходя его [11].

Некоторые ученые предлагают радикальное решение проблемы принадлежности прав на такие объекты — признание нейросетей «киберсубъектами» и наделение их правосубъектностью [12]. Идея заключается в том, что, поскольку ИИ самостоятельно

генерирует результаты, например алгоритмы для диагностики заболеваний или прогнозирования течения болезней, его можно рассматривать как автора таких разработок. Однако этот подход возможен только в контексте существования «сильного искусственного интеллекта», технологии которого в настоящее время недостаточно разработаны [13].

Видится, что искусственный интеллект, применяемый в медицине, является программным инструментом, созданным человеком, и не может быть наделен правосубъектностью. Это связано с тем, что ИИ не обладает ключевыми признаками, необходимыми для правосубъектности. Например, у ИИ отсутствует автономная воля — он действует в рамках заданных алгоритмов и не способен к самостоятельному принятию решений, основанных на собственных мотивах или интересах. В медицинской сфере этот аспект особенно важен, так как решения, принимаемые ИИ, например, при диагностике или выборе метода лечения, должны коррелировать с действиями врачей, которые несут ответственность за их последствия.

Еще одной проблемой, отмечаемой учеными, является неспособность ИИ нести юридическую ответственность [14]. В медицинской практике ошибки системы в диагностике или лечении могут иметь серьезные последствия для пациентов.

В доктрине существует иной подход к определению правовой природы результатов, созданных искусственным интеллектом: в отсутствие законодательного регулирования представляется возможным договорное урегулирование отношений по поводу создаваемых искусственным интеллектом объектов: стороны сами могут договариваться об их статусе [13, с. 539]. Данный подход представляется целесообразным, поскольку именно договорная практика может служить основой разработки законодательного регулирования рассматриваемого института.

Некоторые авторы отмечают, что результаты, созданные ИИ в медицине, например алгоритмы диагностики или прогнозные модели, обладают высокой социальной значимостью и требуют особого правового регулирования именно в сфере интеллектуальных прав. Одним из вариантов такого регулирования выступает институт совместного авторства разработчиков ИИ, медицинских организаций и специалистов [15].

ГК РФ в системе интеллектуальных прав выделяет следующие виды интеллектуальной собственности:

- 1) объекты авторского права;
- 2) объекты патентного права;
- 3) секреты производства (ноу-хау);
- 4) средства индивидуализации;
- 5) программы для ЭВМ и базы данных.

Результаты ИИ можно рассматривать в призме патентного права. Если в результате применения технологий ИИ будет создана молекула, которая может быть использована в лекарственных препаратах, то такая молекула может быть запатентована при условии, что она отвечает критериям патентоспособности: новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости.

Например, с помощью ИИ разрабатываются новые действующие вещества для лекарственных средств. Такой результат может признаваться как изобретение, относящееся к веществу. В этом случае объект охраняется патентным правом, а права на него принадлежат компании, использовавшей в разработке системы искусственного интеллекта. Ключевая сложность — отсутствие изобретателя в традиционном смысле. Кто является владельцем патента: разработчик технологии ИИ, компания, финансировавшая проект, или медицинское учреждение, использовавшее ИИ? На эти вопросы национальное право не дает ответы, что свидетельствует о необходимости адаптации законодательства под новые технологии.

Возможным направлением правового регулирования данного вопроса является заключение договоров об использовании искусственного интеллекта в рамках гражданско-правовых отношений. Такие договоры могут быть квалифицированы как смешанные, включающие в себя условия о порядке использования ИИ, распределении прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также механизмы ответственности за возможные ошибки или ущерб, вызванные применением технологии. Однако такая конструкция возможна при условии патентования результатов, полученных с использованием систем ИИ, например при создании молекул для лекарственных препаратов.

Стоит также провести параллель между изобретением и зависимым изобретением.

Нормативные акты, определяющие стратегию развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, такие как Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» и Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», раскрывают следующие понятия:

1) искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать ког-

нитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений;

2) технологии искусственного интеллекта — технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Согласно ст. 1350 ГК РФ, в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, к устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению. Изобретению предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо.

Статья 1358.1 ГК РФ определяет характеристики зависимого изобретения, им является изобретение, использование которого в продукте или способе невозможно без применения охраняемого патентом и имеющего более ранний приоритет другого изобретения.

Так, законодатель соотносит понятие «искусственный интеллект» с понятием «изобретение», технологии искусственного интеллекта в призмe патентного права представляют собой зависимое изобретение.

Из нормативного определения искусственного интеллекта и его технологий следует, что инновационные разработки в данной сфере чаще всего носят характер зависимых изобретений. Это обусловлено тем, что алгоритмы машинного обучения, программное обеспечение и вычислительные мощности, составляющие основу ИИ, базируются на ранее созданных технических решениях, уже защищенных патентным правом.

Кроме того, как отмечают ученые, специфика функционирования искусственного интеллекта, включающая в себя способность к самообучению и адаптации без заранее заданного алгоритма, усложняет определение границ новизны изобретения [16]. В связи с этим возникает вопрос: если ИИ в процессе обучения модифицирует алгоритмы и находит новые

решения, можно ли считать такие результаты самостоятельным изобретением или они остаются в рамках зависимого изобретения? Данный аспект требует дополнительного исследования и приведения в соответствие правовых норм, особенно в контексте распределения прав между разработчиками ИИ и владельцами патентов на базовые технологии.

Правоприменительная практика в области патентования ИИ-технологий также сталкивается с проблемой признания авторства. Если изобретение создано с активным участием искусственного интеллекта, но на основе зависимого изобретения, необходимо определить, в какой степени вклад ИИ достаточен для признания новой разработки самостоятельным объектом патентного права.

Отвечая на вопрос, можно ли считать результаты, созданные ИИ, новыми объектами интеллектуальной собственности, стоит обратить внимание на уже существующие запатентованные изобретения, созданные с использованием технологий ИИ. В качестве примера запатентованного изобретения можно привести систему поддержки принятия врачебных решений с использованием математических моделей представления пациентов (патент RUS № 2703679, опубл. 21.10.2019). Это изобретение относится к способу, с помощью которого система формирует обучающую выборку, содержащую электронные истории болезни пациентов, сгруппированных по пациенту, и по заданному алгоритму определяют диагноз, а также проводят анализ и прогноз развития заболеваний пациента с наибольшей вероятностью, соответствующей предъявленному набору фактов [17].

Еще одним примером изобретения в сфере искусственного интеллекта в медицине является способ дистанционной информационной поддержки хирурга (патент RUS № 2565491, опубл. 20.10.2015). Указанный способ включает в себя регистрацию видеоизображения операционного поля, преобразование его в цифровой видеопоток и передачу по каналам связи с последующим преобразованием в видеонизображение для удаленного консультанта. С помощью камер передаются объемные изображения, что позволяет консультанту в режиме реального времени осуществлять визуальный контроль за ходом операции и оперативно давать рекомендации через аудиосвязь. Такой подход к дистанционной поддержке медицинских операций отражает техническое решение, обеспечивающее новый уровень взаимодействия в хирургической практике.

Отдельные виды искусственного интеллекта также необходимо рассматривать через призму правового регулирования базы данных. ИИ в медицинской сфере генерирует или обрабатывает базы данных,

содержащие информацию о пациентах, результаты клинических исследований или медицинскую статистику. Представляется, что такие системы могут быть защищены как объекты смежных прав. Однако защита базы данных не распространяется на отдельные данные или их интерпретации, что создает пробелы в охране информации.

Искусственный интеллект в медицинской сфере представляет собой сложный и комплексный объект, который выходит за рамки традиционного понимания существующих категорий интеллектуального права [18]. Его правовая природа не укладывается полностью ни в одну из существующих классификаций, представленных в ГК РФ. Это обусловлено особенностями ИИ, включая способность к автономному анализу, генерации новых результатов и адаптации к условиям, что значительно отличает его от традиционных инструментов и технологий — например, таких, как электронно-вычислительные машины (ЭВМ).

Если традиционные ЭВМ рассматриваются исключительно как совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, то ИИ функционирует в режиме частичной или полной автономии, что усложняет вопрос определения авторства на результаты его деятельности. Например, диагностические алгоритмы или новые формулы лекарственных средств, создаваемые ИИ, можно отнести к программам для ЭВМ или объектам патентного права, но это делает их правовую природу лишь частично понятной и не охватывающей содержания систем полностью [19, 20].

Правовая природа искусственного интеллекта требует не только расширенного подхода к интерпретации существующих норм, но и признания его комплексного характера. Он затрагивает пересечение нескольких институтов интеллектуального права, включая патентное право и смежные права на базы данных [21].

Так, А.В. Минбалева предлагает закрепить на уровне федерального закона общее определение искусственного интеллекта (ИИ) как совокупности информационных технологий, позволяющих выполнять задачи, сопоставимые с человеческим интеллектом. Автор также указывает на необходимость установления принципов и требований использования ИИ, а также детализации характеристик конкретных систем на уровне нормативно-технических актов и подзаконных нормативных правовых актов [9, с. 1098]. Это позволит оперативно реагировать на внедрение новых технологий и обеспечит гибкость правового регулирования.

Такое решение действительно способно систематизировать правовой подход, особенно в сфере медицины, где ИИ активно применяется для диагностики, лечения и разработки новых методов и препаратов. Систематизация подхода к понятию искусственного интеллекта на законодательном уровне создаст правовую основу для его регулирования, в том числе в контексте интеллектуальной собственности, а технические стандарты и подзаконные акты обеспечат детализацию и адаптацию к конкретным условиям и специфике медицинской сферы.

Для решения проблемы определения авторства на результат, созданный ИИ, представляется возможным создание специальных правовых норм. Одним из вероятных подходов может быть признание результатов, созданных ИИ, зависимыми изобретениями, что позволит учитывать их связь с основными изобретениями, на которых они основаны. В этом случае права на такие объекты могут распределяться между разработчиками систем искусственного интеллекта, владельцами патентов на базовые технологии и медицинскими организациями, использующими результаты ИИ.

Еще одним решением правового регулирования объектов, созданных искусственным интеллектом, является применение договорных конструкций. Возможное направление этой деятельности может выражаться в заключении договоров об использовании искусственного интеллекта в рамках гражданско-правовых отношений. Такой договор может быть квалифицирован как смешанный, включающий в себя условия о порядке использования ИИ, распределении прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также механизмы ответственности за возможные ошибки или ущерб, вызванные применением технологии. Однако такая конструкция возможна при условии патентования результатов, полученных с использованием систем ИИ, например, при создании молекул для лекарственных препаратов.

Таким образом, дальнейшее развитие искусственного интеллекта в медицине должно сопровождаться комплексным подходом, включающим в себя технологические усовершенствования и адаптацию существующих правовых норм. Только при соблюдении этих условий искусственный интеллект сможет в полной мере реализовать свой потенциал, способствуя повышению качества медицинской помощи и улучшению результатов лечения пациентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. McCarthy J. et al. What is artificial intelligence. 2007. — URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>

2. Вантеева А.С. Технологии искусственного интеллекта в сфере медицины и отечественного здравоохранения: социологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6 (98). С. 70–75.
3. Montse E., Francesc P.E. Artificial intelligence in medicine: Ethical, deontological aspects and the impact on the doctor-patient relationship // Medicina Clínica. 2024. Vol. 163. P. 15.
4. Абдуганиева Ш.Х., Никонорова М.Л. Цифровые решения в медицине // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. 2022. № 2. С. 73–85.
5. Mullainathan S., Obermeyer Z. Solving medicine's data bottleneck // Nightingale Open Science. Nat Med. 2022. Vol. 28. P. 897–899.
6. Качалов Р.М., Слепцова Ю.А. Феномен риска в условиях применения алгоритмов искусственного интеллекта // Вестник ВолГУ. Серия: «Экономика». 2023. № 4. С. 5–16.
7. Мартынов А.И. Экономика искусственного интеллекта в здравоохранении. Оценка мирового рынка в 2024 г. с прогнозом до 2032 г. // Comnews.ru. URL: <https://www.comnews.ru/content/235837/2024-10-23/2024-w43/1019/ekonomika-iskusstvennogo-intellekta-zdravookhraneni-ocenka-mirovogo-rynka-2024-g-prognozom-do-2032-g> (дата обращения: 23.12.2024).
8. Хусанов У.А., Кудратиллаев М.Б., Сиддигов Б.Н., Довлетова С.Б. Искусственный интеллект в медицине // Science and Education. 2023. № 5. С. 772–782.
9. Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Экономика и право». 2022. № 6. С. 1094–1099.
10. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
11. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». — М.: Буки Веди, 2017. — 257 с.
12. Красильникова Е.Д., Новицкая У.А. Права на интеллектуальную собственность, созданную с применением искусственного интеллекта // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы ИИ: сб. статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 46–49.
13. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «Творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 531–540.
14. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.
15. Брызгалина Е.В., Гумарова А.Н., Шкомова Е.М. Ключевые проблемы, риски и ограничения применения ИИ в медицине и образовании // Вестник Московского университета. Серия 7: «Философия». 2022. № 6. С. 93–108.
16. Ватян А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта: [Учебное пособие]. СПб: Университет ИТМО, 2022. 186 с.
17. Вислова А.Д. Современные тенденции развития искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН 2020. № 2 (94). С. 14–28.
18. Шегельман И.Р. Направления патентования новых решений в области использования искусственного интеллекта при создании технологий и технических средств в медицине и биомедицине // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 67, Часть 1. С. 136–138.
19. Адылова Ф.Т. Ситуация в мировой фармацевтике, почему и как искусственный интеллект используется в разработке лекарств // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-v-mirovoy-farmatsevtike-pochemu-i-kak-iskusstvennyy-intellekt-ispolzuetsya-v-razrabotke-lekarstv>
20. Hall K.K. et al. Diagnostic errors // Making Healthcare Safer III: A Critical Analysis of Existing and Emerging Patient Safety Practices. Rockville, MD: Agency for Healthcare Research and Quality (US). 2020.
21. Ковелина Т.А., Собянин А.В., Марухно В.М. К вопросу о правовом регулировании применения искусственного интеллекта в медицине // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 148–151.

REFERENCES

1. McCarthy J. et al. What is artificial intelligence. 2007. — URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>
2. Vanytaeva A.S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sfere mediciny i otechestvennogo zdravookhraneniya: sociologicheskij aspekt // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2022. No. 6 (98). S. 70–75.
3. Montse E., Francesc P.E. Artificial intelligence in medicine: Ethical, deontological aspects and the impact on the doctor-patient relationship // Medicina Clínica. 2024. Vol. 163. P. 15.

4. Abduganieva Sh H., Nikonorova M.L. Cifrovye resheniya v medicine // Krymskij zhurnal eksperimental'noj i klinicheskoy mediciny. 2022. № 2. S. 73–85.
5. Mullainathan S., Obermeyer Z. Solving medicine's data bottleneck // Nightingale Open Science. Nat Med. 2022. Vol. 28. P. 897–899.
6. Kachalov R.M., Slepova Yu.A. Fenomen riska v usloviyah primeneniya algoritmov iskusstvennogo intellekta // Vestnik VolGU. Seriya "Ekonomika". 2023. No. 4. S. 5–16.
7. Martynov A.I. Ekonomika iskusstvennogo intellekta v zdavooohranenii. Ocenka mirovogo rynka v 2024 g. s prognozom do 2032 g. // Comnews.ru. — URL: <https://www.comnews.ru/content/235837/2024-10-23/2024-w43/1019/ekonomika-iskusstvennogo-intellekta-zdavooohranenii-ocenka-mirovogo-rynka-2024-g-prognozom-do-2032-g> (data obrashcheniya: 23.12.2024).
8. Husanov U.A., Kudratillaev M.B., Siddikov B.N., Dovletova S.B. Iskustvennyy intellekt v medicine // Science and Education. 2023. No. 5. S. 772–782.
9. Minbaleev A.V. Ponyatie "iskustvennyy intellekt" v prave // Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya: "Ekonomika i parvo". 2022. No. 6. C. 1094–1099.
10. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskustvennyy intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik RUDN. Seriya: "Yuridicheskie nauki". 2018. T. 22. No 1. S. 91–109.
11. Morhat P.M. Iskustvennyy intellekt: pravovoy vzglyad: Nauchnaya monografiya / ROO «Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava». M: Buki Vedi, 2017. — 257 s.
12. Krasil'nikova E.D., Novickaya U.A. Prava na intellektual'nyu sobstvennost', sozdannuyu s primeneniem iskusstvennogo intellekta // Yurisprudenciya, gosudarstvo i pravo: aktual'nye voprosy II: sb. statej XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2024. S. 46–49.
13. Naumov V.B., Tytyuk E.V. K voprosu o pravovom statute "Tvorchestva" iskusstvennogo intellekta // Pravovedenie. 2018. No. 3. S. 531–540.
14. Vitko V. Analiz nauchnyh predstavlenij ob avtore i pravah na rezul'taty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2019. No. 3. S. 5–22.
15. Bryzgalina E.V., Gumarova A.N., Shkomova E.M. Klyucheveye problemy, riski i ogranicheniya primeneniya II v medicine i obrazovanii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: "Filosofiya". 2022. No. 6. S. 93–108.
16. Vat'yan A.S., Gusarova N.F., Dobrenko N.V. Sistemy iskusstvennogo intellekta:[Uchebnoe posobie]. SPb: Universitet ITMO, 2022. 186 s.
17. Vislova A.D. Sovremennye tendencii razvitiya iskusstvennogo intellekta // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2020. No. 2 (94). S. 14–28.
18. Shegel'man I.R. Napravleniya patentovaniya novyh reshenij v oblasti ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta pri sozdanii tekhnologii i tekhnicheskikh sredstv v medicine i biomedicine // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2020. №67, Chast 1. S. 136–138.
19. Adylova F.T. Situaciya v mirovoj farmacevtike, pochemu i kak iskusstvennyy intellekt ispol'zuetsya v razrabotke lekarstv // Raqamli iqtisodiyot (Cifrovaya ekonomika). 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-v-mirovoy-farmatsevtike-pochemu-i-kak-iskusstvennyy-intellekt-ispolzuetsya-v-razrabotke-lekarstv>
20. Hall K. K. et al. Diagnostic errors // Making Healthcare Safer III: A Critical Analysis of Existing and Emerging Patient Safety Practices. Rockville, MD: Agency for Healthcare Research and Quality (US). 2020.
21. Kovelina T.A., Sobyenin A.V., Maruhn V.M. K voprosu o pravovom regulirovanii primeneniya iskusstvennogo intellekta v medicine // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. No. 2. S. 148–151.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ¹

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN THE JUDICIAL PROCESS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION²

Антон Вадимович ЧУДЕСЕНКО

Институт государства и права Российской академии
наук, Москва, Российская Федерация,
e-mail: a.chudesenko@mail.ru,
SPIN-код: 9170-1977

Информация об авторе

А.В. Чудесенко — младший научный сотрудник сектора
информационного права и международной информа-
ционной безопасности ИГП РАН, аспирант, генераль-
ный директор АНО «Решения в цифровой сфере»

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные
вопросы, связанные с возможностью внедрения тех-
нологии искусственного интеллекта (ИИ) в процесс
отправления судопроизводства, и проводится сравни-
тельно-правовой анализ проблем правового регулиро-
вания данного процесса. Применение ИИ может значи-
тельно ускорить и улучшить качество работы судебной
системы. Однако внедрение подобной технологии

- требует обеспечения прозрачности применения ИИ,
- а также подготовленной правовой базы, которая могла
- бы обеспечить безопасность всех субъектов в процессе
- осуществления судопроизводства. Эти вопросы приоб-
- ретают приоритетное значение, носят стратегический
- характер в связи с наличием значительных различий
- между состоянием правового регулирования технологии
- ИИ и существующим технологическим развитием, что
- подтверждает необходимость выработки новых право-
- вых подходов к определению сфер возможного исполь-
- зования данной технологии в процессе правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, безопас-
ность, судопроизводство, судебная система, информа-
ционная инфраструктура, компьютерная среда

Для цитирования: Чудесенко А.В. Использование
технологии искусственного интеллекта в процессе
судопроизводства: сравнительно-правовой анализ
проблем правового регулирования в условиях обеспе-
чения информационной безопасности РФ // Труды по
интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 120–126;
DOI: 10.17323/tis.2025.27373

¹ Статья написана в рамках выполнения Государственно-
го задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового
суверенитета и информационной безопасности правовыми
средствами».

² The article was written as part of the implementation of the
State Task FMUZ-2024-0035 "Ensuring digital sovereignty and
information security by legal means".

Anton V. CHUDESENKO

Institute of State and Law of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: a.chudesenko@mail.ru,
SPIN-code: 9170-1977

Information about the author

A.V. Chudsenko — junior researcher at the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, postgraduate student, CEO of “Solutions in the Digital Sphere”

Abstract. The article discusses topical issues related to the possibility of introducing artificial intelligence (AI) technology into the process of administering legal proceedings and provides a comparative legal analysis of the problems of legal regulation of this process. The use of AI can significantly speed up and improve the quality of the judicial system. However, the introduction of such technology requires transparency in the use of AI, as well as a prepared legal framework that could ensure the safety of all subjects in the course of legal proceedings. These issues are gaining priority and are of a strategic nature due to the significant differences between the state of legal regulation (AI) and existing technological development, which confirms the need to develop new legal approaches to determining the areas of possible use of this technology in the justice process.

Keywords: artificial intelligence, security, judicial proceedings, judicial system, information infrastructure, computer environment

For citation: Chudesenko A.V. The Use of Artificial Intelligence Technology in the Judicial Process: a Comparative Legal Analysis of the Problems of Legal Regulation in the Context of Ensuring Information Security of the Russian Federation // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53 (2). P. 120–126; DOI: 10.17323/tis.2025.27373

В современном мире использование технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) становится все более актуальным и важным в различных сферах деятельности, включая судопроизводство. Применение ИИ может значительно ускорить и улучшить качество работы судебной системы, однако это также вызывает ряд проблем.

Проблемы правового регулирования возникают в первую очередь в связи с обеспечением информационной безопасности. Искусственный интеллект подвержен взлому или манипуляциям, что может привести к неправильным судебным решениям. Поэтому необходима разработка специальных мер безопасности и законодательства, которые гарантировали бы надежность использования ИИ в судопроизводстве.

Кроме того, важными аспектами являются обеспечение прав человека и защита персональных данных в процессе использования ИИ в судебной системе. Необходимо учитывать принцип прозрачности и объяснимости принимаемых решений, чтобы исключить возможность произвольного или необоснованного применения ИИ в судопроизводстве.

Таким образом, для эффективного использования технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства необходимо проводить комплексный сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности. Только таким образом можно обеспечить справедливость и надежность судебной системы при внедрении новых технологий.

Формирование правового обеспечения указанной сферы требует выработки научно выверенных оснований, их классификации и введения хотя бы базовых понятий, поскольку, как отмечают исследователи, используемые понятия не тождественны друг другу, и разграничение необходимо для применения правовых режимов [1, с. 91].

Прежде чем проанализировать возможность использования ИИ в судебной системе, необходимо обратиться к существующему опыту регулирования этого понятия в глобальной плоскости. Понятие «искусственный интеллект» имеет множество вариаций определения, некоторые из них представлены в доктринальных источниках, другие — закреплены

в отдельных законодательных актах. Тем не менее степень проработки данного вопроса в настоящее время нельзя считать достаточной ввиду полярности мнений, а также в контексте вопросов определения статуса ИИ, его правосубъектности и оценки его влияния на обеспечение информационной безопасности Российской Федерации.

Понятие «искусственный интеллект» закреплено в подп. 2 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» от 24.04.2020 № 123-ФЗ и в подп. «а» п. 5 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Определения, содержащиеся в этих двух нормативно-правовых актах, почти идентичны — единственная разница состоит в том, что в дефиниции, сформулированной в 2020 г., дополнительно конкретизировано понятие «информационно-коммуникационная инфраструктура» [2, 3]. Итак, определение звучит следующим образом:

«Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Так, А.В. Понкин и А.И. Редькина определяют искусственный интеллект как искусственную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или доступными вычислительными мощностями, обладающую необходимыми техническими характеристиками. Авторы приписывают системе те же свойства, что выделяются в дефиниции Европарламента, однако также отмечают признак,

нечасто встречающийся в доктрине и не свойственный сформированному на данный момент легальным определениям — способность к самосознанию [4].

П.М. Морхат предлагает определять искусственный интеллект не просто как киберфизическую систему, но также как виртуальную или биок cyberнетическую [5], обладающую признаками самоорганизации и рядом возможностей и способностей:

- наличие когнитивных функций, сопоставимых с человеческими (в том числе способности к мышлению, рассуждению, анализу, моделированию и так далее);
- адаптация под изменяющиеся условия;
- способность сохранять постоянство своего внутреннего состояния;
- генетический поиск (сохранение информации для последующих поколений ИИ);
- самообучение;
- самостоятельное тестирование;
- разумное (в том числе творческое) принятие решений.

Помимо российского законодательного регулирования следует также отметить и зарубежные законодательные инициативы, в частности разработанный в ЕС Закон об искусственном интеллекте (AI ACT), принятый с новыми правками 16 апреля 2024 г. В рамках данного документа рассматривается риск-ориентированный подход к определению статуса и возможности использования ИИ в различных сферах. В частности, предлагается ограничить возможности использования технологии ИИ в зависимости от категории сфер, в которых данная технология может применяться [6].

Выделяют три основные группы использования: сферы, где ИИ не может быть применен (за исключением специальных), сферы, где использование ИИ может привести к высоким рискам, а также сферу общего использования.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент степень проработанности понятия «искусственный интеллект» находится на промежуточном этапе, но в то же время можно выделить отдельные механизмы, которые позволят качественно улучшить процесс правового регулирования, обеспечить повышение уровня защищенности данных, а также обеспечить более качественное развитие отдельных сфер.

Анализ возможностей использования ИИ, его постоянное развитие позволяют предположить, что такие способности цифровой системы могут помочь в организации деятельности отдельных информационных систем. Одной из них может стать судебная система, так как количество судебных процессов, возникающих каждый день, достигает внушительных масштабов.

Президент РФ В.В. Путин в рамках своего выступления на Всероссийском съезде судей сообщил, что в 2022 г. российские суды рассмотрели более 40 млн дел, это на миллион больше, чем годом ранее. Президент отметил, что нагрузка на судей (прежде всего из судов общей юрисдикции) увеличилась, поэтому необходимо выработать конкретные меры по оптимизации их работы. Более того, глава государства подчеркнул: «Абсолютно очевидно, что применение “цифры” будет только расширяться. И наша судебная система должна быть к этому готова и технически, и организационно» [7].

Данный тезис позволяет предположить, что рост числа судебных процессов свидетельствует о возможной недостаточности существующих операционных ресурсов. Появление новых категорий «цифровых» правонарушений свидетельствует о том, что применение существующих подходов может привести к росту судебных ошибок и к нарушению работы всего процесса судопроизводства. Количество квалифицированных судей в рамках реализации системы отправления правосудия на данный момент недостаточно, а существующая нагрузка несопоставима с социальным запросом. Именно поэтому применение новых информационных технологий, в частности ИИ, предположительно может позволить оптимизировать используемые ресурсы, обеспечить повышение количества рассматриваемых дел.

Искусственный интеллект в судебной системе может быть представлен не просто как техническое устройство, направленное на оптимизацию работы судов, а скорее как альтернатива функций судьи. Он позволяет частично воспроизвести мыслительные способности человека в компьютерной среде, избегая человеческих ошибок. Однако использование цифровых технологий предполагает определенную степень типизации и формализации данных, что может привести к неучтенным особенностям конкретного судебного дела и более общему, но не всегда справедливому юридическому решению.

Однако уже в данный момент можно выделить области применения ИИ, которые позволят оптимизировать процесс судопроизводства и не будут связаны с процессом принятия решений, не будут ограничивать статус судей:

- распознавание и перевод на русский язык любых документов в цифровом формате;
- цифровое оформление хода судебных заседаний;
- автоматическое определение специализации судей и распределение дел между ними в соответствии со специализацией;
- управление выдачей цифровых исполнительных листов и отслеживание их процессуального развития.

Следующим этапом развития применения технологий ИИ в судебной системе может стать участие в процессе оценки и обработки доказательств. Следует отметить, что с ростом числа преступлений в сфере информационных технологий, с появлением технологий подмены и фальсификации (*deep fake*) проведение оценки доказательств стало более затруднительным, так как для этого требуются наличие не только специальных знаний, но и навыков работы с информационными технологиями.

Именно поэтому представляется возможным представить применение технологий ИИ в следующих областях:

- идентификация категорий и структуры сделок (форма, дата, подлинность электронной подписи);
- проверка расчета исковых требований (сумма договорной неустойки, фактический ущерб или пропущенная выгода);
- определение пропуска исковой давности и срока обращения в суд;
- предложение вариантов урегулирования спора сторонами (альтернативные медиационные процедуры или мировые соглашения);
- выявление «глубоких фальсификаций» с использованием технологий ИИ (*deep fake*) и других технологий.

В рамках российской правовой реальности случаев применения ИИ в судебной системе пока не замечено. Однако в зарубежной практике уже на данный момент можно выделить несколько интересных экспериментов, которые могут стать полноценной основой для проведения сравнительно-правового анализа перспективности внедрения технологии в отдельные области судопроизводства.

Например, 28 марта 2018 г. в Великобритании был проведен первый полностью виртуальный судебный процесс с использованием специальной закрытой сети, созданной по заказу Министерства юстиции этой страны. Электронные судебные процедуры в Великобритании регулируются законодательством, а этапы процесса отображаются на специализированном веб-сайте. Британские технологии ИИ используются для прогнозирования, результаты которого учитываются судом при принятии решения о возможности освобождения подозреваемого под залог.

В США была разработана система *DARE*, цель которой заключается в выявлении лжи в ходе судебного процесса. Эта программа создана на основе видеоматериалов реальных дел и анализирует визуальные изменения в мимике, голосе и речи человека [8].

Китай на сегодняшний день является лидером в области использования технологий ИИ в судебной системе. Применение искусственного интеллекта для

анализа материалов дела и вынесения предварительных решений является инновационным подходом, который помогает ускорить процесс судопроизводства и сделать его более эффективным. Более того, исковые заявления могут быть рассмотрены прямо в мессенджере WeChat. Интересно, что такие решения применяются не только в уголовных делах, но и в гражданских и торговых спорах. Каждый судья сохраняет право на окончательное решение, что способствует поддержанию баланса между автоматизацией и принятием решений на основе человеческого опыта и здравого смысла. К концу 2019 г. китайские мобильные суды рассмотрели около 3 млн судебных дел. Верховный народный суд КНР еще в 2016 г. заявил, что судьи в обязательном порядке консультируются с системой «умных судов», использующей методы искусственного интеллекта (ИИ), перед вынесением решения по какому-либо делу, и в случае несогласия с рекомендацией этой системы они должны предоставлять письменное объяснение своей позиции [9].

Однако использование искусственного интеллекта в судебной системе чревато определенными рисками и проблемами, которые необходимо учитывать. Несправедливость решений, возможные ошибки в алгоритмах, недостаточная прозрачность и конфиденциальность данных, нарушение требований стандартов информационной безопасности — это серьезные проблемы, которые могут возникнуть при использовании ИИ в отправлении правосудия.

Для обеспечения реализации деятельности искусственного интеллекта в правосудии необходимо строго соблюдать все этические и правовые нормы. Инновации в данной сфере должны способствовать повышению эффективности судебных процессов, не нарушая при этом основополагающих принципов справедливости и прав человека. В частности, принцип недопустимости введения пользователя в заблуждение относительно сущности объекта, целей и способов его функционирования крайне важен в этических принципах использования ИИ. Доверие пользователей к системам искусственного интеллекта зависит от того, насколько они могут быть уверены в том, что получают правильную и достоверную информацию.

Принципы открытости, прозрачности и честности в разработке и использовании искусственного интеллекта также играют важную роль в обеспечении доверия к этим технологиям. Пользователи и общество в целом должны иметь возможность понимать, как работают алгоритмы и какие данные они используют для принятия решений. Одновременно нужно учитывать, что защита коммерческой тайны и другой информации ограниченного доступа также является

важным аспектом, который должен быть учтен при разработке и применении ИИ. Удержание баланса между защитой конфиденциальной информации и обеспечением достоверности и прозрачности процессов использования ИИ — это ключевая задача разработчиков и законодателей в данной области.

Именно поэтому следует планировать развитие и регулирование использования ИИ в различных сферах, в том числе и в судопроизводстве, руководствуясь следующими условиями:

- соответствие целей исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта общественным интересам и ответственности перед будущими поколениями;
- недопустимость причинения вреда отдельному человеку и человечеству в целом;
- недопустимость введения пользователя системы в заблуждение относительно сущности объекта, целей и способов его функционирования;
- отсутствие дискриминации по какому-либо признаку и уважение человеческого достоинства;
- соблюдение конфиденциальности и защита данных [10].

Важно отметить, что вопросы информационной безопасности в данной области становятся особенно актуальными, поскольку искусственный интеллект обучается за счет сбора и анализа большого объема новой информации. Потому сохранение принципов осуществления информационного оборота и соблюдение принципов информационного права является приоритетной задачей. Взаимосвязь данных процессов позволяет говорить о том, что разработка правовой основы для внедрения ИИ в судебную систему, даже в качестве экспериментального режима, должна соотноситься с нормами информационного законодательства, а также учитывать современные вызовы и угрозы национальной безопасности РФ.

В соответствии с этим можно выделить следующие предложения относительно обеспечения регулирования использования ИИ в судебном процессе:

- обеспечение внедрения экспериментального режима использования ИИ в судебном процессе в качестве «дополнения» к существующим судебным процедурам, связанным с реализацией работы аппарата суда;
- обеспечение проведения социальных опросов и заседаний экспертных групп по вопросам этики внедрения ИИ в судебные процедуры и смежные области;
- разработка законодательной базы для регулирования статуса ИИ и определения возможностей его использования в различных сферах на основе риск-ориентированного подхода;

- обеспечение контроля за действиями ИИ, ограничение его возможностей в соответствии с требованиями информационной безопасности;

- проведение глубинного сравнительно-правового анализа успешного опыта внедрения технологий ИИ в судебные процедуры.

Внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в правосудие может иметь ряд преимуществ, таких как повышение эффективности и скорости судопроизводства, а также частичное предотвращение судебных ошибок. Однако необходимо учитывать, что данное внедрение требует внимательного и взвешенного подхода.

С учетом высокой социальной значимости этой проблематики и ее прямой связи с гарантиями прав и свобод человека важно проводить широкие общественные, профессиональные и научные дискуссии по вопросам использования систем искусственного интеллекта в правосудии. Поиск наиболее взвешенных решений и необходимые изменения в законодательной базе должны осуществляться с учетом разносторонних мнений и позиции экспертного сообщества.

Разработка и внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в правосудие должны учитывать этические, правовые и социальные аспекты, чтобы обеспечить справедливость и доверие к системе. Поэтому важно продолжать широкие обсуждения и исследования в этой области, чтобы найти оптимальное решение, которое удовлетворит все заинтересованные стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН (Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS). 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-naumov-kamalova
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» от 24.04.2020 № 123-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127 (дата обращения: 23.09.2024).
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до

2030 года») [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации publication.pravo.gov.ru. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 23.09.2024).

4. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. 257 с. С. 58. ISBN 978-5-4465-1774-9
6. Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) And Amending Certain Union Legislative Acts [Электронный ресурс]. — URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 23.09.2024).
7. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год [Электронный ресурс]. — URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32147/ (дата обращения: 9.10.2024).
8. Ученые разработали искусственный интеллект для распознавания скрытых эмоций [Электронный ресурс]. — URL: <https://dni24.com/exclusive/148791-uchenye-razrabotali-iskusstvennyy-intellekt-dlya-raspoznavaniya-skrytyhemociy.html> (дата обращения: 10.10.2024).
9. Судей в КНП обяжали использовать ИИ при вынесении решений / РАПСИ (Российское агентство правовой и судебной информации) [Электронный ресурс]. — URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (дата обращения: 12.10.2024).
10. Камалова Г.Г. Правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Право и государство: теория и практика. 2021. № 10 (202). С. 181–184. DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_181 — EDN ACGWTG

REFERENCES

1. Naumov V.B., Kamalova G.G. Voprosy postroeniya yuridicheskikh definitsiy v sfere iskusstvennogo intellekta // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN (Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS). 2020. T. 15. No. 1. S. 81–93. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-naumov-kamalova
2. Federal'nyj zakon "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyah

- sozdaniya neobkhodimyh uslovij dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossijskoj Federacii — gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona "O personal'nyh dannyh" ot 24.04.2020 No. 123-FZ [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tant Plyus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127 (data obrashcheniya: 23.09.2024).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 No. 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii" (vmeste s "Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda") [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii publication.pravo.gov.ru/ — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (data obrashcheniya: 23.09.2024).
4. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt s točki zreniya prava // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2018. T. 22. No. 1. S. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109
5. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad: Nauchnaya monografiya / Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava. M.: Buki Vedi, 2017. 257 s. S. 58. ISBN 978-5-4465-1774
6. Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) And Amending Certain Union Legislative Acts [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (data obrashcheniya: 23.09.2024).
7. Rost nagruzki i rasshirenie "cifry": itogi raboty sudov za 2022 god [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32147 (data obrashcheniya: 9.10.2024).
8. Uchenye razrabotali iskusstvennyj intellekt dlya raspoznavaniya skrytyh emocij [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://dni24.com/exclusive/148791-uchenye-razrabotali-iskusstvennyy-intellekt-dlya-raspoznavaniya-skrytyhemociy.html> (data obrashcheniya: 10.10.2024).
9. Sudej v KNR obyazali ispol'zovat' Il pri vnesenii reshenij / RAPSI (Rossijskoe agentstvo pravovoj i sudebnoj informacii) [Elektronnyj resurs]. — URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (data obrashcheniya: 12.10.2024).
10. Kamalova G.G. Pravovye i eticheskie principy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. No. 10(202). S. 181–184. DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_181 — EDN ACGWTG

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОХРАНЯЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ МАШИННОМ ОБУЧЕНИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

USE OF COPYRIGHTED WORKS IN MACHINE LEARNING FOR GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Мария Викторовна САМАРЦЕВА

Юридическая фирма «Дякин, Горцунян и Партнеры»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: mvsamartseva@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-5628-366X,
Web of Science ID: MYY-2674-2025

Информация об авторе

М.В. Самарцева — советник, руководитель Практики интеллектуальной собственности и технологий, член Комиссии по интеллектуальной собственности Международной торговой палаты (ICC) в России, вице-президент IP CLUB — российского некоммерческого экспертно-образовательного проекта в сфере права интеллектуальной собственности, права информационных технологий, цифрового права (IP / IT / Digital Law), соискатель ученой степени кандидата юридических наук

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых аспектов использования авторских произведений в качестве обучающих данных в технологиях машинного обучения (МО). Автор анализирует специфику МО как одной из разновидностей технологий искусственного интеллекта (ИИ) и рассматривает юридические проблемы, возникающие при использовании авторских произведений без согласия правообладателей, а также персональных данных.

Рассмотрены различные подходы к решению проблемы несанкционированного правообладателем использования произведений, охраняемых авторским правом. Предложены такие варианты, как разрешение использования в технологиях МО только произведений, перешедших в общественное достояние; дополнение законодательства о свободном использовании про-

- изведений для целей МО; заключение договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров.
- Приведены примеры из зарубежной судебной практики, включая дела против крупных разработчиков систем ИИ, таких как Stability AI, Open AI; оценены перспективы рассмотрения подобных дел с позиций российского права. Предложено введение в российское законодательство конструкции, допускающей свободное использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для целей развития ИИ с учетом общественных интересов.

- В заключение сделан вывод о необходимости правового регулирования использования обучающих данных в МО с учетом баланса интересов общества и правообладателей. Предложено закрепить в законодательстве возможность свободного использования произведений на условиях безвозмездности исключительно для целей обучения ИИ, а также предусмотреть использование авторских произведений с согласия правообладателя в случае коммерческого применения результатов, созданных с помощью ИИ.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, машинное обучение, произведения, базы данных, самообучение, конфиденциальные данные, персональные данные, авторские права, интеллектуальная собственность

- **Для цитирования:** Самарцева М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53, № 2. С. 127–138;
• DOI: 10.17323/tis.2025.27374

Maria V. SAMARTSEVA

Law firm "Dyakin, Gortsunyan & Partners" (DGP Legal),
email: mvsamartseva@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-5628-366X,
Web of Science ID: MYY-2674-2025

Information about the author

M.V. Samartseva — Counsel, Head of Intellectual Property & Technology practice, IP Committee member at ICC Russia, Vice-President at IP Club — Russian non-profit expert and educational project in the field of Intellectual Property law, Information Technology law, Digital law (IP/IT/Digital Law), Applicant for the degree of Candidate of Legal Sciences

Abstract. This article is devoted to the study of the legal aspects of the use of copyrighted works as training data in machine learning (MO) technologies. The author analyzes the specifics of MO as one of the varieties of artificial intelligence (AI) technologies and examines the legal problems that arise when using copyrighted works without the consent of copyright holders, as well as personal data.

The article discusses various approaches to solving the problem of unauthorized use of copyrighted works by the copyright holder. Among the proposed options are considered such as allowing the use of only works that have passed into the public domain in MO technologies; supplementing legislation on the free use of works for MO purposes; concluding agreements on the alienation of exclusive rights or licensing agreements.

The author provides examples of foreign judicial practice, including cases against major developers of AI systems, such as Stability AI, Open AI, and assesses the prospects for considering such cases from the standpoint of Russian law. The article proposes the introduction of a structure into Russian legislation that allows the free use of protected intellectual property results for the development of AI, taking into account public interests.

In conclusion, the author draws conclusions about the need for legal regulation of the use of educational data in the Ministry of Defense, taking into account the balance of interests of society and copyright holders, and proposes to consolidate in legislation the possibility of free use of works on a gratuitous basis solely for the purpose of teaching AI, as well as to provide for the use of copyrighted works with the consent of the copyright holder in the case of commercial application of the results created with the help of AI.

Keywords: Artificial intelligence, machine learning, works, databases, self-learning, confidential data, personal data, copyrights, intellectual property

- For citation: Samartseva M.V. Use of Copyrighted Works in Machine Learning for Generative Artificial Intelligence // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 53 (2). P. 127–138; DOI: 10.17323/tis.2025.27374

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) предполагают использование наборов данных и специально разработанных алгоритмов, что в совокупности позволяет ИИ решать разнообразные задачи, предлагать решения и строить прогнозы, а кроме того, обучаться и самообучаться в процессе разрешения обозначенных вопросов. Иными словами, ИИ, если это заложено соответствующими алгоритмами, может самостоятельно совершенствоваться путем анализа входных данных — эти возможности создает технология машинного обучения (*Machine Learning*, ML; далее — МО), позволяющая ИИ быстро обучаться на основе больших наборов данных в автоматизированном режиме с помощью заложенных в систему алгоритмов, а не в соответствии с указаниями человека.

Как показывает анализ юридической литературы, сегодня понятие МО употребляется едва ли не чаще понятия ИИ. Причем в одних случаях эти термины используются как тождественные, а в других — как различающиеся [1, 2], что нуждается в анализе в целях настоящего исследования.

Понятие «*Machine Learning*», которое в 1959 г. было введено ученым-компьютерщиком Артуром Самюэлем [3], изначально трактовалось как способность компьютера обучаться, не будучи явно запрограммированным на выполнение конкретной задачи, что подразумевало обучение компьютера распознаванию. Необходимость в обучении распознаванию обусловлена тем, что компьютер не может осязать, видеть, слышать в привычном для человека понимании — проведение анализа объектов становится доступно машине только в том случае, если анализируемый объект представлен в двоичном (бинарном) коде, состоящем из символов 0 и 1. Вследствие этого абсолютно все данные, в качестве которых могут выступать числа, слова, изображения, мелодии и прочее, требуют представления в двоичном коде.

С момента опубликования А. Самюэлем его работы содержание понятия МО несколько изменилось и в сфере применения технологий ИИ подразумевает способность машины на основе анализа наборов данных вырабатывать самостоятельные решения и прогнозы без явного участия (вмешательства) человека. Поясняя принципы работы МО, М.А. Рожкова пи-

шет: «Технология, предполагающая машинное обучение, требует создания человеком собственно самой модели — вычислительной (информационной) системы, в которой в качестве основных составляющих можно выделить решатель (компьютерная программа, которая на основе специальных алгоритмов будет разрешать поставленные задачи — делать прогнозы и вырабатывать решения), базы данных (создаваемые человеком для изучения компьютером конкретной предметной области знаний) и интеллектуальный интерфейс (совокупность средств, методов и правил, которые позволяют человеку вести общение с моделью). Для самого же машинного обучения необходима обучающаяся система, снабжаемая огромными объемами “обучающих данных” (*training data*), анализ и интерпретация которых и позволяет компьютеру впоследствии корректировать параметры модели, обновляя и улучшая ее с целью получения более точных результатов. Таким образом, компьютер, анализируя наборы “обучающих данных”, обобщает эти данные и выводит определенные закономерности (паттерны). Применение этих закономерностей при обработке следующих наборов “обучающих данных” позволяют компьютеру “учиться на основе предыдущих вычислений, чтобы вырабатывать достоверные, повторяющиеся решения и результаты”, а также совершенствовать модель для достижения более точных результатов» [4].

Сказанное позволяет подчеркнуть специфику МО. Так, в обычных компьютерных программах разработчик (человек) с помощью программного кода создает набор правил, алгоритм шагов, в точном соответствии с которыми система будет действовать, а в случае МО модель получает входные данные, анализируя и обрабатывая которые, она вырабатывает собственные алгоритмы действий для обработки следующей входной информации, то есть в рамках МО речь идет именно об обучении ИИ, а не о перепрограммировании алгоритма принятия решений (причем алгоритмы, по которым осуществляется МО, являются заранее определенными). В связи с этим в литературе отмечается: «Подходы машинного обучения часто обучают машины достигать результата, показывая им множество примеров правильных ре-

зультатов. Кроме того, они также могут определить набор правил и позволить машине учиться методом проб и ошибок. Машинное обучение обычно используется для построения или корректировки модели поведения, но также может использоваться для интерпретации результатов модели» [5].

Проанализировав результаты использования машиной обучающих данных, М.А. Рожкова подчеркнула, что МО находит наибольшее применение в двух направлениях: «В зависимости от поставленной задачи они могут либо делать прогнозы будущих результатов (например, прогнозировать потенциальную торговлю определенными акциями, рассчитывать более точные модели прогнозируемого ценообразования, оценивать имущественные риски при страховании, прогнозировать пожизненную ценность клиента и т.п.), либо вырабатывать решения на основании классификации входных данных. При этом второе направление, крайне впечатляющее по охвату, включает: создание и использование на веб-сайтах чат-ботов, отвечающих на часто задаваемые вопросы; выявление подозрительных (нетипичных) транзакций на основе информации о ставших известными мошеннических транзакциях в банках и финансовых учреждениях, интернет-магазинах, страховых организациях и пр.; извлечение значимой информации из цифровых изображений, видео и других визуальных данных (компьютерное зрение) с целью заданного использования; распознавание речи для выполнения голосового поиска в мобильных устройствах и т.д. В итоге, как отмечается в работе [4], «машинное обучение приобрело промышленную значимость: оно позволяет делать прогнозы и помогает принимать решения, основанные, например, на выявленном мошенничестве в торговых сетях, выстроенной компьютером логистической цепочке, предложении инновационного сервиса наподобие таргетинга и пр.».

Изложенное позволяет согласиться с выводом, что между ИИ и МО нет оснований ставить знак равенства: МО представляет собой одну из разновидностей технологии ИИ, практический метод применения ИИ, который надо рассматривать в качестве альтернативы применения разновидности ИИ, выстраивающей свою работу исключительно по тем инструкциям, которые заложены в нее человеком.

В развитие сказанного стоит отметить то обстоятельство, что применение обучающих данных в рамках МО связывается с рядом юридических проблем.

Одной из самых острых проблем признается возможность попадания в наборы обучающих данных таких, которые принято квалифицировать в качестве конфиденциальных. Это, в частности, персональные данные, информация о геолокации, а также различно-

го рода тайны: медицинские, банковские, коммерческие, связи и прочие. Вследствие этого в Концепции развития регулирования в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» (далее — Концепция развития ИИ), в качестве одного из концептуальных проблемных направлений правового регулирования было обозначено соблюдение баланса между требованиями по защите персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем ИИ.

Анализируя проблему соблюдения такого баланса, В.Б. Наумов и Е.В. Тютюк отмечают, что защита данных может осуществляться с помощью так называемых маскировочных технологий (*safe harbour*), обеспечения получения согласия субъекта данных, требования по минимизации данных [6]. Также авторы обращают внимание на предпринятую законодателем попытку разрешить обозначенную проблему посредством проведения эксперимента по установлению специального регулирования для внедрения ИИ, что было реализовано в Законе о проведении эксперимента для внедрения ИИ, предусматривающем использование в МО только обезличенных персональных данных. Следует отметить, что в итоге авторы признают предлагаемое решение небесспорным, поскольку «обезличивание персональных данных не всегда гарантирует их полноценную защиту» [6].

Еще одной проблемой, но уже частнопроводного характера, признается неопределенность в части принадлежности прав на наборы обучающих данных. В контексте российского права эта проблема имеет концептуальный характер ввиду неоднозначности вопроса о допустимости признания имущественных прав на данные (информацию). Обозначенная проблема во многом обусловлена произведенным в 2008 г. исключением из ст. 128 ГК РФ упоминания категории «информация», в результате чего преобладающим в юриспруденции стало мнение, что ни информация, ни данные (в качестве ее разновидности) не могут становиться объектами гражданских прав. В юридической литературе иногда высказываются предложения, нацеленные на преодоление данной преграды на пути разрешения практических задач (как правило, в качестве основного проблемного вопроса называют затруднения с оборотом данных и больших данных, вызванные пробелами в действующем законодательстве). Одним из таких предложений стала идея ввести в гражданское законодательство в качестве нового объекта гражданских прав «массив

данных», установив для него специальный правовой режим [7], что не было поддержано в доктрине [8].

В целях настоящего исследования должна быть тщательно проанализирована другая проблема применения обучающих данных — использование в этом качестве авторских произведений. На практике это вылилось в иски правообладателей к разработчикам ИИ о нарушении авторских прав ввиду того, что произведения без согласования с авторами использовались в качестве обучающих данных в МО.

Примечательно, что такие иски в зарубежной практике часто предъявляются не единичными авторами, а совместно несколькими правообладателями (коллективные иски), причем нередко — со множественностью лиц на стороне ответчика.

Одним из первых случаев предъявления требования о защите интеллектуальных прав художников, чьи работы были использованы в качестве обучающих данных, стало дело художниц Сары Андерсен (*Sarah Andersen*), Келли МакКернан (*Kelly McKernan*) и Карлы Ортиз (*Karla Ortiz*), которые обратились в суд в январе 2023 г. с иском к крупнейшим компаниям, занимающимся генеративным ИИ, — генераторам изображений *Stability AI*, *Midjourney* и *DeviantArt* (*Andersen v. Stability AI Ltd.*)¹.

В этом иске утверждалось, что компании-ответчики нарушили права истцов, когда без согласования использовали принадлежащие последним художественные произведения для МО. При этом ответчики², не отрицая факта такого использования, указывали, что обучение машин на уже существующих авторских изображениях подпадает под категорию добросовестного использования.

Окружной суд частично удовлетворил и частично отклонил ходатайства ответчиков, признав, что претензии истцов о косвенном нарушении авторских прав со стороны *Stability AI* имеют достаточные основания для продолжения судебного разбирательства. Однако требования по ст. 1202(a) и 1202(b) Закона о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA)³

были отклонены без права на повторное предъявление, поскольку суд не нашел достаточных доказательств для их поддержки.

Также суд отклонил ходатайства *Midjourney* об отклонении исков о ложном одобрении и защите торгового облика бренда (*trade dress*), указав, что истцы представили достаточные доказательства возможного введения потребителей в заблуждение. Суд также отклонил иск о нарушении контракта против *DeviantArt* и иск о неосновательном обогащении, указав, что последний дублирует претензии по нарушению авторских прав. В некоторых случаях истцам была предоставлена возможность внести изменения в исковые заявления. На начало апреля 2025 г. данное дело еще находилось на рассмотрении в Окружном суде Калифорнии, США.

Доктрина добросовестного использования (*fair use*) основана на параграфе 107 Закона США об авторском праве (US Copyright Act of 1976), который закрепляет четыре критерия для определения допустимости использования объекта авторского права без согласия правообладателя. Описывая их, Е.В. Балобанова отмечает, что «к числу общих критериев (факторов) *fair use* относятся: 1) цель и характер использования (коммерческий или некоммерческий); 2) характер произведения (особенности создания и др.); 3) количественные и содержательные характеристики заимствования; 4) характер предполагаемого воздействия на потенциальный рынок» [9]. Довольно обширная судебная практика применения этих критериев способствовала не только уточнению содержания этой доктрины, но и серьезному расширению границ ее применения, что в конечном счете может привести к размыванию ориентиров и затруднениям в использовании указанных критериев.

Применительно к первому критерию определяющим будет то, носит ли несогласованное использование коммерческий характер или осуществляется для некоммерческих (например, образовательных) целей. В качестве общего правила нередко указывают, что приоритет в признании добросовестным использованием будет за применением, которое не преследовало коммерческой (финансовой) выгоды, однако А.С. Ворожечин пишет, что «американские суды сформулировали и обратное правило: некоммерческая цель использования сама по себе не означает, что использование является добросовестным, хотя и повышает шанс на то, что оно будет признано таковым» [10]. В свою очередь, О.В. Луткова подчеркивает:

порт, за распространение или иное введение в оборот копий произведений, в которых такая информация была удалена или изменена.

¹ Дело № № 3:23-cv-00201 District Court, N.D. California. — URL: https://www.courtlistener.com/docket/66732129/andersen-v-stability-ai-ltd/?filed_after=&filed_before=&entry_gte=&entry_lte=&order_by=desc

² Ответчики по этому делу: *DeviantArt, Inc.*, *Getty Images (US), Inc.*, *Midjourney, Inc.*, *Runway AI, Inc.*, *Stability AI, Inc.*, *Stability AI Ltd.*

³ «Акт о защите авторских прав в цифровом тысячелетии» (DMCA), принятый в США в 1998 г. Этот акт ввел ответственность (в том числе и уголовную) за обозначенные в ст. 11 и 12 Договора ВОИС составы правонарушений. Параграф 1202 DMCA предусматривает ответственность за размещение недостоверной информации, за подмену либо удаление информации о принадлежности авторских прав, включая им-

«В американской правоприменительной практике упрочилась позиция, что добросовестным следует считать преобразующее, творческое последующее использование произведения, независимо от его коммерческого или некоммерческого характера, поскольку многие, если не все, вторичные работы создаются, по крайней мере, с неосновной целью получения хотя бы некоторой коммерческой выгоды от их использования» [11]. Резюмируя, Л.В. Сагдеева указывает, что использование произведения без согласия правообладателя считается добросовестным до тех пор, «пока оно способствует “развитию науки и полезных ремесел”, что отличается от выдачи официальной лицензии (частной или публичной) на использование объекта авторских прав» [12].

Второй критерий — это характер первичного авторского произведения, применительно к которому П.С. Могилевский замечает: «При оценке данного фактора суд будет обращать внимание на то, имело ли использованное произведение творческий характер» [13].

Третий критерий — это объем и существенность заимствований из первичного авторского произведения, что определяется и оценивается судом в каждом конкретном случае. По мнению А.С. Ворожевич, при оценке поведения на соответствие данному критерию «учитываются количественные показатели использования (число копий, созданных нарушителем, объем используемой части произведения)» [10].

Четвертый критерий предполагает решение вопроса о том, насколько анализируемое использование влияет на рыночную стоимость первичного авторского произведения. То есть, по сути, оценивается экономический ущерб, причиненный правообладателю.

Как подчеркивает А.С. Ворожевич, «американские суды исходят из того, что приведенные критерии должны оцениваться с учетом особенностей каждого конкретного случая» [10], поэтому следование критериям доктрины добросовестного использования вовсе не обеспечивает предсказуемость судебных решений по такого рода делам. Следовательно, предсказать, каким должно быть итоговое решение по обозначенному делу *Andersen v. Stability AI Ltd.* было бы довольно затруднительно.

Доктрина добросовестного использования действует отнюдь не во всех юрисдикциях — в законодательстве стран континентальной системы права эта доктрина не нашла отражения. На это обратил внимание В.О. Калятин, подчеркнувший, что доктрина *fair use* является «одной из базовых концепций, используемых в странах англосаксонского права для определения допустимости использования произведения пользователем, в отличие от стран континентального

права, где установление вариантов разрешенного поведения пользователя произведения осуществляется путем прямого перечисления ограничений исключительного права» [14].

Здесь важно заметить, что на уровне Европейского союза принята Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 22.05.2001 о гармонизации определенных аспектов действия авторского права и смежных прав в информационном обществе. Этой директивой «государствам-членам предоставляются свобода выбора и возможность адаптации в соответствии со своими традициями определенного набора ограничений из представленных в перечне и, следовательно, определенная свобода в формировании своего собственного ограничительного механизма» [9]. А в ст. 5(5) Директивы закреплён трехступенчатый тест для определения границ свободного использования произведений (с учетом правил национального регулирования): предусматривается, что исключения и ограничения могут быть применены только в некоторых особых случаях, и они не должны наносить ущерба нормальному использованию произведений и необоснованно ущемлять законные интересы авторов.

Подход, закрепляющий ограничения исключительного права, проистекает из положений Бернской конвенции, в п. 2 ст. 9 которой предусмотрено право стран-участниц закрепить в национальном законодательстве особые случаи воспроизведения произведений при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора, а в ст. 10 и 10bis перечислены конкретные (возможные) случаи свободного использования произведений.

В российском праве и легальные способы использования объектов интеллектуальных прав без согласия правообладателя, и ограничения исключительного права закреплены непосредственно в действующем законодательстве — в части четвертой Гражданского кодекса РФ. Причем для обозначения разрешенного использования объектов интеллектуальных прав третьими лицами без согласия правообладателя используются такие термины, как «свободное использование результатов интеллектуальной деятельности» (ст. 1273–1279, 1306 Гражданского кодекса РФ) и «действия, не являющиеся нарушением исключительного права» (ст. 1335.1, 1359, 1422, 1456, 1487, п. 5 ст. 1519 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, российское законодательство, очевидно, закрепляет иной подход для решения вопроса о допустимости использования авторских произведений без согласия их авторов, нежели *fair use*.

В этих условия несомненный интерес представляет исследование В.А. Чебодаевой [15], которая приняла попытку дать оценку перспектив рассмотрения обозначенного выше дела *Andersen v. Stability AI Ltd.* с позиций российского права. Подобные авангардные изыскания представляются чрезвычайно полезными, поскольку в набор обучающих данных могут попадать авторские произведения, правообладателями которых являются граждане разных стран.

Оценив обстоятельства дела и доводы сторон, изложенные в процедурных документах, В.А. Чебодаева подчеркнула, что сам факт использования произведений истцов подтверждался указаниями на сайте, содержащем сведения о том, какие из работ художников нашли применение в качестве обучающих данных для генератора иллюстраций. На основе произведенного анализа она делает вывод, что по смыслу российского права в тех случаях, когда авторские произведения выступают в качестве обучающих данных, сначала имеет место их воспроизведение (посредством записи в памяти компьютера), а затем переработка путем применения соответствующего алгоритма. Это, по мнению В.А. Чебодаевой, в силу ст. 1270 Гражданского кодекса РФ должно рассматриваться как использование произведений, допускаемое лишь с согласия автора. Поскольку в упомянутом деле произведения художников включались в наборы обучающих данных без их согласия, В.А. Чебодаева сделала вывод, что в рассматриваемом случае есть все основания признать состоявшимися нарушения исключительных прав. Кроме того, она считает нарушенными и личные немущественные права художников, поскольку при воспроизведении в цифровой форме нарушается право на неприкосновенность произведений в значении ст. 1266 Гражданского кодекса РФ.

Примечательно, что в своем исследовании В.А. Чебодаева не остановилась на указанных выводах, а предприняла попытку оценить, можно ли в контексте российского законодательства признать нарушением авторского права генерацию ИИ результатов в фирменном стиле истцов. Но в итоге она была вынуждена признать отсутствие эффективных механизмов защиты прав и законных интересов авторов произведений в ситуации, когда ИИ генерирует контент, созданный в фирменном, узнаваемом стиле художников (хотя и предложила решать проблему посредством обращения к нормам конкурентного законодательства).

Далеко не со всеми доводами, изложенными в статье В.А. Чебодаевой, можно согласиться безоговорочно. Например, делая вывод о том, что имело место воспроизведение спорных произведений в памяти компьютера, автор не учитывала, что генератор изображений *Stable Diffusion* был обучен на данных

германской компании *LAION*, которая утверждала, что не воспроизводит и не хранит сами изображения — данные этой компании представляют собой только список URL-адресов, ведущих к изображениям в интернете, а также список извлеченных по ним текстовых описаний [16]. В этих условиях встает вопрос о том, имело ли место использование ИИ самих объектов авторских прав, как оно закреплено в действующем законодательстве.

В ст. 1270 Гражданского кодекса РФ говорится об использовании произведения в любой форме и любым способом и приводится примерный перечень способов использования. Вместе с тем надо признать, что действия по использованию обращены к форме произведения, а не к его содержанию. В связи с этим говорить об использовании произведения, созданного ИИ, можно, например, в том случае, когда произведение (или его часть) воспроизводится (осуществляется его копирование на иной носитель, в том числе в память того устройства, с которым связан искусственный интеллект), публично исполняется или демонстрируется, перерабатывается или к нему предоставляется доступ третьим лицам в результате переработки и выдачи итогов работы искусственного интеллекта.

В таких условиях вряд ли можно говорить об использовании изображения, если применялось его текстовое описание. Представляется очень уместным процитировать замечание А.А. Шутыкова и А.Н. Анищенко о том, что «понятие “использование” по своему объему (сфере применения) и по содержанию практически для каждого охраняемого объекта является своим, особым, специфическим» [17].

Вместе с тем правовые исследования, подобные проанализированной работе В.А. Чебодаевой, свидетельствуют о том, что кажущаяся, на первый взгляд, довольно частной проблема использования авторских произведений в качестве обучающих данных, которая изначально рассматривалась как проблема прикладного, правоприменительного характера, нуждающаяся в анализе правомерности и обоснованности подобных требований, на самом деле имеет концептуальный характер. Иными словами, требует доктринальной проработки вопрос о допустимости квалифицировать использование авторских произведений в качестве обучающих данных как «свободное использование» или как «действия, не являющиеся нарушением исключительного права» (в терминологии Гражданского кодекса РФ).

Надо заметить, что предъявляемые иски о нарушении авторских прав посредством использования произведений, охраняемых авторским правом, в качестве обучающих данных характерны для зарубежной судебной практики. Вместе с тем обобщение и анализ

такой судебной практики в контексте российского права может сработать на опережение и позволит поставить этот вопрос на обсуждение правоведов еще до того, как такие иски начнут массово возникать в российской практике.

Изложенное обуславливает необходимость обратить внимание на выявленные А.С. Васильевой варианты разрешения проблемы несогласованного использования авторских произведений в качестве обучающих данных [18].

Первым прозвучало предложение ограничить разработчиков в возможности использовать для МО любые произведения, ограничив их только теми, которые перешли в общественное достояние. Однако этот подход, представляющийся самым простым с юридической точки зрения, не поддерживают разработчики, поскольку результаты, генерируемые ИИ, в таком случае не будут отвечать современным реалиям и современным потребностям, что, по признанию самой А.С. Васильевой, делает данный вариант, хотя и самым приемлемым для действующего законодательства, но не лучшим в условиях, когда «общество стремится к развитию новых технологий и их внедрению в повседневную практику» [18].

В качестве второго подхода к разрешению исследуемой проблемы А.С. Васильева предложила дополнить нормы Гражданского кодекса РФ о свободном использовании авторского произведения следующим способом использования: «воспроизведение и переработка объектов авторского произведений и баз данных исключительно для автоматизированного анализа в целях разработки и обучения искусственного интеллекта (первоначального или в процессе совершенствования) с исключением возможности использования этих объектов за пределами указанной цели и обязанностью удалить соответствующую копию при отпадании такой цели» [19]. При этом она обоснованно отметила, что реализация подобного предложения может быть осуществлена только путем закрепления соответствующей нормы непосредственно в российском законодательстве, тогда как за рубежом, например в США, введение в закон подобной нормы необязательно.

Третьим стало предложение заключать договоры об отчуждении исключительного права для МО. По мнению А.С. Васильевой, преимущества этого варианта состоят в прозрачности (понятно, какие объекты интеллектуальной собственности использовались для обучения), а также в возможности получения правообладателями материальной выгоды от отчуждения исключительного права. Недостатки же состоят в значительных дополнительных материальных затратах на заключение возмездных договоров.

В качестве четвертого варианта разрешения исследуемой проблемы А.С. Васильева назвала возможность заключения лицензионного договора с правообладателем объекта. Ключевое преимущество этого варианта видится ей в установлении баланса интересов между правообладателем и разработчиком: «В случае заключения данного договора целью договора выступает использование охраняемого объекта для обучения искусственного интеллекта, что включает в себя использование в виде воспроизведения и переработки в ходе создания (генерации) искусственным интеллектом чего-либо» [18].

Тщательный анализ предлагаемых А.С. Васильевой вариантов разрешения проблемы использования авторских произведений в качестве обучающих данных без согласия на это авторов позволяет утверждать следующее.

Достаточно сложно поддержать первый предлагаемый вариант, поскольку даже сама автор подспудно считает его непригодным — в условиях бурного внедрения инноваций подобный подход будет шагом назад.

Сложнореализуемыми и практически нерентабельными следует признать третий и четвертый варианты, предусматривающие заключение договоров авторов с разработчиками, поскольку крайне затратным представляются отыскание авторов всех произведений, включаемых в наборы обучающих данных, установление, являются ли эти произведения объектами авторского права по действующему законодательству, обеспечение заключения с ними договоров и выплата соответствующего вознаграждения. Той же позиции придерживается М.О. Кухно, который отметил: «Такой путь во многих случаях выглядит нереалистичным (особенно при анализе большого объема данных), поскольку это затратный (по времени и денежным средствам) процесс индивидуального взаимодействия с каждым из правообладателей» [20].

Применительно к четвертому подходу следует заметить также, что с практической точки зрения едва ли можно определить, произошло ли использование конкретного авторского произведения во время генерации ИИ нового результата, то есть существует ли проблема определения конкретного автора и выплаты ему вознаграждения за использование именно его произведения.

В этих условиях представляется правильным, опираясь на второй вариант из предложенных, предполагающий свободное использование авторских произведений для целей МО, проанализировать допустимость его закрепления в российском праве.

Как уже указывалось, действующее законодательство предусматривает две конструкции использова-

ния результата творческой деятельности без согласия автора: в качестве «свободного использования результатов интеллектуальной деятельности» и в качестве «действий, не являющихся нарушением исключительного права». Думается, применительно к МО предпочтителен первый вариант, поскольку он допускает установление границ такого использования, что несколько сложнее осуществить в рамках второй категории.

С учетом сказанного представляется верным обратиться к положениям Директивы (ЕС) 2019/790 Европейского Парламента и Совета от 17.04.2019 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС (*Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC*). Директива (ЕС) 2019/790 закрепляет две разновидности ограничений и исключений в области интеллектуальных прав авторов и иных правообладателей, причем эти исключения были прописаны до появления генеративного ИИ и связанных с ним вопросов авторского права.

Первое исключение, закрепленное в ст. 3 названной Директивы, подразумевает в целях проведения научных исследований свободное воспроизведение и извлечение для интеллектуального анализа текстов и данных. Это исключение предназначено для деятельности аккредитованных исследовательских организаций и учреждений культурного наследия, причем они могут использовать только те данные, к которым они имеют законный доступ, в связи с чем Д.А. Мотовилова пишет: «Как разъясняется в п. 1 преамбулы, доступ признается законным, если между правообладателями и научно-исследовательскими организациями или учреждениями культурного наследия имеются договорные соглашения (например, подписка) или исследуемый контент свободно доступен онлайн» [21].

Второе исключение, закрепленное в ст. 4 названной Директивы, охватывает более широкий круг субъектов, включая коммерческие организации, которым разрешено воспроизведение и извлечение произведений для целей интеллектуального анализа текстов и данных. При этом Д.А. Мотовилова отмечает: «Однако такое воспроизведение и извлечение возможно только в том случае, если к произведению или иному охраняемому объекту имеется законный доступ со стороны пользователя, в том числе, когда оно было доведено до всеобщего сведения онлайн, и если правообладатели не сохранили за собой надлежащим образом права на воспроизведение и извлечение для целей интеллектуального анализа текстов и данных

(см. ст. 4(3) и абз. 2 п. 18 преамбулы). При этом... фактически правообладатели могут запретить подобное использование охраняемого контента» [21].

Обозначенные подходы представляются недостаточно продуманными и несколько половинчатыми: допуская возможность несогласованного использования произведений, Директива предусматривает, что правообладатели могут заявить требование о неправомерном использовании произведения. Предоставляя исследовательским организациям право использовать такие данные, Директива не позволяет делать это в коммерческих целях.

Более правильным в целях эффективного развития ИИ в Российской Федерации, повышения конкурентоспособности, расширения экономических, экологических и социальных преимуществ Российской Федерации во всем спектре отраслей и в социальной сфере допустить беспрепятственное и безвозмездное использование авторских произведений в качестве обучающих данных для МО (посредством введения в законодательство специального исключения в сфере авторских прав). Иными словами, в интересах общества представляется правильным создание правовой конструкции, допускающей свободное использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для целей обучения и развития стратегически значимых технологий. В поддержку предлагаемого подхода можно сослаться на следующее заключение: «По своей природе создание и обучение искусственного интеллекта предполагает использование возможно большего количества примеров, и его эффективность в будущем во многом зависит от выбора и количества используемых для обучения примеров. Необходимость получения разрешения на использование каждого такого объекта сделает создание искусственного интеллекта крайне затруднительным. Нельзя забывать и о том, что правообладатель может потребовать уплаты ему вознаграждения, а это приведет к значительному возрастанию расходов на создание искусственного интеллекта» [19]. Причем иной подход, как подчеркивается в настоящем исследовании, способен затруднить развитие ИИ в нашей стране.

Вследствие сказанного в целях сохранения баланса общественных интересов и интересов авторов и иных правообладателей произведений предлагается дополнить действующее законодательство следующими положениями. Во-первых, указанием на допустимость свободного использования произведений для обучения ИИ на условиях, приравненных к свободному использованию в образовательных целях, то есть безвозмездно и без согласования с правообладателем, при условии предоставления пользователям возмож-

ности пользования информационными системами, использующими этот ИИ, на условиях безвозмездности. Во-вторых, в ситуации, когда подразумевается коммерческое применение ИИ, использование правомерно обнародованных произведений в качестве обучающих данных для МО осуществляется с согласия правообладателя на основании лицензионного договора.

Подобные положения должны найти закрепление не в Законе об информации, как полагает, в частности, Н.А. Назаров, предложивший предоставить лицам неограниченный доступ к объектам интеллектуальной собственности в контексте сбора, обработки и использования данных и сославшийся при этом на дополнение Закона об информации [22] (в ст. 1 которого указано, что его положения не распространяются на сферу интеллектуальной собственности), а в части четвертой Гражданского кодекса РФ, поскольку речь идет об одном из вариантов использования объектов интеллектуальной собственности.

В целях практической реализации выработанных научных положений и сделанных выводов в рамках участия в рабочей группе по разработке проекта Федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта» были сформулированы следующие нормативные положения о дополнении ст. 1274 Гражданского кодекса пунктом 5 следующего содержания:

«5. Допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения использование правомерно обнародованных произведений для обучения генеративной системы искусственного интеллекта при условии предоставления пользователям возможности пользования этой системой на условиях безвозмездности.

В случае предоставления пользователям возможности пользоваться такой системой только на возмездных основаниях, использование правомерно обнародованных произведений для обучения генеративной системы искусственного интеллекта осуществляется с согласия правообладателя на основании лицензионного договора».

Изложенное в настоящем исследовании позволяет сделать ряд выводов.

Применение обучающих данных в рамках МО порождает ряд правовых проблем. Одной из самых острых признается проблема применения в качестве обучающих данных авторских произведений без согласия на это правообладателей таких произведений.

В целях сохранения баланса общественных интересов и интересов авторов и иных правообладателей правомерно обнародованных произведений пред-

ставляется правильным предусмотреть две конструкции использования таких произведений для МО.

Первый вариант — установление допустимости свободного использования авторских произведений для обучения ИИ на условиях, приравненных к свободному использованию в образовательных целях, то есть безвозмездно и без согласования с правообладателем, при условии предоставления пользователям возможности пользования информационными системами, применяющими этот ИИ, на условиях безвозмездности.

Второй вариант — закрепление для случаев, когда изначально предполагается коммерческое использование ИИ, возможности использования авторских произведений в качестве обучающих данных для МО только с согласия правообладателя на основании лицензионного договора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kühl N., Goutier M., Hirt R., Satzger G. Machine Learning in Artificial Intelligence: Towards a Common Understanding. 2019. — URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2004/2004.04686.pdf>
2. Wakefield K. A guide to the types of machine learning algorithms and their applications. — URL: https://www.sas.com/en_gb/insights/articles/analytics/machine-learning-algorithms.html
3. Samuel Arthur L. Some Studies in Machine Learning Using the Game of Checkers // IBM Journal. 1959. Vol. 3, No. 3. P. 210—229. — URL: <https://people.csail.mit.edu/brooks/idocs/Samuel.pdf>
4. Рожкова М.А. Машинное обучение как метод применения искусственного интеллекта: суть технологии и обзор основных правовых проблем // Закон.ру. 2024. 18 марта. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/18/mashinnoe_obuchenie_kak_metod_primeneniya_iskusstvennogo_intellekta_sut_tehnologii_i_obzor_osnovnyh_/
5. Artificial Intelligence in Society, OECD Publishing, Paris, 2019. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/eedfee77-en.pdf>
6. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219—231. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya?ysclid=ltigehrq2339477194>
7. Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 67.
8. Рожкова М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав.

- М.: ГАУГН Пресс, 2024. 258 с. Серия: «IP & Digital Law».
9. Балобанова Е.В. К вопросу о применимости доктрины добросовестного использования в континентальном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 18. С. 92–99. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729017/>
 10. Ворожевич А.С. Fair use и доктрина «расширяющего полезность использования». — URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidzhest/fair-use-i-doktrina-rasshiryayushhego-poleznost-ispolzovaniya/>
 11. Луткова О.В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 186–199.
 12. Саргеева Л.В. Свободное использование как ограничение исключительных прав // Юридические исследования. 2017. № 9.
 13. Могилевский П.С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ // Гражданское право. 2022. № 5. С. 12–14.
 14. Калятин В.О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. 2015. № 11. С. 40–47.
 15. Чебодаева В.А. Контент, сгенерированный нейросетью: кто виноват и что делать? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 46–58. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729306/>
 16. Создатели нейросетей обвиняются в нарушении авторских прав художников. 19 января 2023. — URL: <https://22century.ru/computer-it/113839?ysclid=m7wg2c00p0538107917>
 17. Шутьков А.А., Анищенко А.Н. Будущее искусственного интеллекта, нейросетей и цифровых технологий в АПК // Экономика и социум: современные модели развития. 2019. Т. 9. № 4 (26). С. 508–522.
 18. Васильева А.С. Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 80–84. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1765658/>
 19. Доклад НИУ ВШЭ «Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы» / рук. авт. колл. В.О. Калятин. М.: ИД ВШЭ, 2021. 28 с. С. 22. — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>
 20. Кухно М.О. Искусственный интеллект — новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 72–86. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729283>
 21. Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26 (декабрь). С. 106–120. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729025/>
 22. Назаров Н.А. Машинное творчество и право: две части одного целого // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43. № 4. С. 101–110. — URL: <https://tis.hse.ru/article/view/16358/15428>

REFERENCES

1. Kühl N., Goutier M., Hirt R., Satzger G. Machine Learning in Artificial Intelligence: Towards a Common Understanding. 2019. — URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2004/2004.04686.pdf>
2. Wakefield K. A guide to the types of machine learning algorithms and their applications. — URL: https://www.sas.com/en_gb/insights/articles/analytics/machine-learning-algorithms.html
3. Samuel Arthur L. Some Studies in Machine Learning Using the Game of Checkers // IBM Journal. 1959. Vol. 3, No. 3. July, P. 210–229. — URL: <https://people.csail.mit.edu/brooks/idocs/Samuel.pdf>
4. Rozhkova M.A. Mashinnoe obuchenie kak metod primeneniya iskusstvennogo intellekta: sut' tekhnologii i obzor osnovnykh pravovykh problem // Zakon. ru. 2024. 18 marta. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/18/mashinnoe_obuchenie_kak_metod_primeneniya_iskusstvennogo_intellekta_sut_tekhnologii_i_obzor_osnovnykh_
5. Artificial Intelligence in Society, OECD Publishing, Paris, 2019. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/eedfee77-en.pdf>
6. Naumov V.B., Tytyuk E.V. Pravovye problemy mashinnogo obucheniya // Obrazovanie i pravo. 2020. No. 6. P. 219–231. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya?ysclid=ltigehrqf2339477194>
7. Savelev A.I. Grazhdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota dannykh v usloviyakh popytok formirovaniya tsifrovoy ekonomiki // Vestnik grazhdanskogo prava. 2020. No. 1. P. 67.
8. Rozhkova M.A. Nematerial'nye obekty i imushchestvennye prava na nikh v sisteme absolyutnykh prav. M.: GAUGN Press, 2024. 258 p. (seriya "IP & Digital Law").
9. Balobanova E.V. K voprosu o primenimosti doktriny dobrosovestnogo ispolzovaniya v kontinentalnom

- prave // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2017. No. 18. P. 92–99. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729017/>
10. Vorozhevich A.S. Fair use i doktrina “rasshiryayushchego poleznost ispolzovaniya”. — URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidzhest/fair-use-i-doktrina-rasshiryayushchego-poleznost-ispolzovaniya/>.
11. Lutkova O.V. Doktrina dobrosovestnogo ispolzovaniya proizvedeniy v sovremenном avtorskom prave SSHA // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2016. No. 2. P. 186–199.
12. Sagdeeva L.V. Svobodnoe ispolzovanie kak ogranichenie iskluchitel'nykh prav // Yuridicheskie issledovaniya. 2017. No. 9.
13. Mogilevskiy P.S. Doktrina dobrosovestnogo ispolzovaniya v SSHA i svobodnoe ispolzovanie proizvedeniy v Rossii: sravnitel'nyy analiz // Grazhdanskoe pravo. 2022. No. 5. P. 12–14.
14. Kalyatin V.O. O perspektivakh primeneniya v Rossii doktriny dobrosovestnogo ispolzovaniya // Zakon. 2015. No. 11. P. 40–47.
15. Chebodaeva V.A. Kontent, sgenirovanny neyroset'yu: kto vinovat i chto delat'? // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2023. № 4 (42) (dekabr). P. 46–58. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729306/>
16. The creators of neural networks are accused of violating the copyrights of artists. 19 January 2023. — URL: <https://22century.ru/computer-it/113839?ysclid=m7wg2c00p0538107917>
17. Shutkov A.A., Anishchenko A.N. Budushchee iskusstvennogo intellekta, neyrosetey i tsifrovyykh tekhnologiy v APK // Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya. 2019. T. 9. No. 4 (26). P. 508–522.
18. Vasileva A.S. Ispolzovanie obektov avtorskiy prav dlya obucheniya iskusstvennogo intellekta // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2024. Dekabr. No. 4 (46). P. 80–84. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1765658/>.
19. Doklad NIU VSHE “Problema mashinnogo tvorchestva v sisteme prava: regulirovanie sozdaniya i ispolzovaniya rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti s primeneniem iskusstvennogo intellekta, zarubezhnyy opyt i rossiyskie perspektivy” / Ruk. avt. koll. V.O. Kalyatin. M.: ID VSE, 2021. 28 p. P. 22. — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf>
20. Kukhno M.O. Iskustvennyy intellekt — novyy subekt avtorskiy prava: nedalekoe budushchee ili fiktsiya? // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2023. Vyp. 3 (41). P. 72–86. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729283>
21. Motovilova D.A. Klyuchevye polozheniya Direktivy (ES) No. 2019/790 ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh na edinom tsifrovom rynke // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2019. No. 26 (dekabr). P. 106–120. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729025/>
22. Nazarov N.A. Mashinnoe tvorchestvo i pravo: dve chasti odnogo tselogo // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T. 43. No. 4. P. 101–110. — URL: <https://tis.hse.ru/article/view/16358/15428>

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ) создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межвузовского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более тысячи кафедр и 45 специализированных кафедральных сетей в 125 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал индексируется Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) и Российским центром научной информации (РЦНИ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

About the UNESCO Chair
on Copyright, Neighboring,
Cultural and Information Rights
at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair at the HSE University”) was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 1000 Chairs and 45 specialized chair networks in 125 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named *Works on Intellectual Property* (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and the Russian Center for Scientific Information (RCSI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru